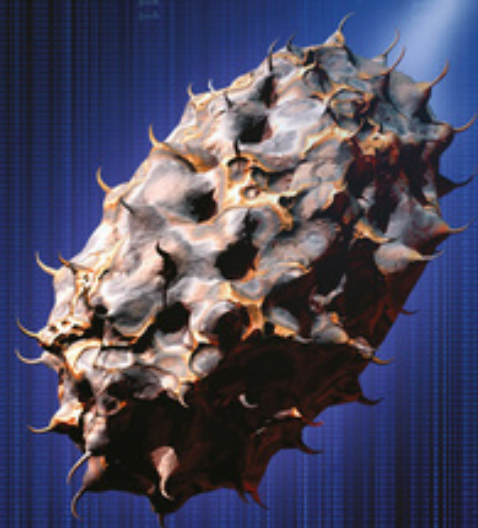

Василий
Головачёв

ХРОНИКИ

РЕЛИКТА

Реликт

Василий Головачев

Хроники Реликта. Том I

«ЭКСМО»

1979, 1982, 1991

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Хроники Реликта. Том I / В. В. Головачев — «Эксмо», 1979,
1982, 1991 — (Реликт)

ISBN 978-5-699-92813-2

Перед вами полные Хроники Реликта – настоящий гимн человеческому разуму, духу и сердцу! Грандиозное космическое полотно, превосходящее по масштабу и драматизму все современные произведения о космических путешествиях и контактах с внеземным Разумом! Далёкое будущее... В Космосе обнаружен чрезвычайно агрессивный объект – спора реликтовой формы жизни – и доставлен на Марс для изучения. Несмотря на предупреждение более древней галактической расы об опасности экспериментов с Реликтом, исследования споры, напоминающей эллипсоид километровой длины, продолжаются до тех пор, пока она не начинает прорастать. Родившийся монстр, съевший треть Марса «Звёздный Конструктор», покидает Солнечную систему...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92813-2

© Головачев В. В., 1979, 1982, 1991
© Эксмо, 1979, 1982, 1991

Содержание

Непредвиденные встречи	6
Часть первая. У порога. Грант	7
Бросок	7
«Могиканин»	11
Десант	13
Город	19
Гравистрелок	23
Паутина	27
Ужас тайны	32
Часть вторая. Спасательный Рейд. Сташевский	35
Тартар	35
Поход	40
Сквозь	46
Висящий корабль	51
Сжатая пружина	54
Взрыв	60
Часть третья. Посвящение в истину. Габриэль	64
На Земле	64
Лечение	66
Обычная работа	69
Нападение любопытника	73
Сеятель-1	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Василий Головачёв

Хроники Реликта. Том I

© Головачёв В. В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Непредвиденные встречи

*Давайте же наберемся храбрости и, пренебрегая невнятными
устрашающими воплями, которые доносятся сквозь мглу с обеих
сторон, устремимся вперед по этому рискованному пути.*

А. Кларк

Часть первая. У порога. Грант

Бросок

Мохнатый от звездной пыли рукав Галактики уплыл в сторону, переместился на левую полусферу экрана и угас. В перекрестие ориентаста медленно вползло бесформенное пятно без единого проблеска света.

«Пять дней, – думал Грант, наблюдая за действиями координатора. – Каких-нибудь пять дней, а я уже не помню ее лица. Странно... Помню глаза – потемневшие, невеселые, помню губы, странную рассеянную улыбку, от которой становилось не по себе... Тина боялась разлуки, но не было в мире силы, которая заставила бы ее признаться в этом... Помню черное пламя волос и еще смешное движение руки, подсознательный жест, которым она время от времени будто прогоняла навязчивую мысль. Но все это – почему-то каждое в отдельности – словно детали мозаики. И расплывчатый летящий силуэт... В чем дело? Причуды памяти?»

Едва слышный звон пронесся в воздухе, громада трансгалактического корабля шевельнулась в последний раз и замерла. Координатор выбросил на панель спокойные огни и начал отсчет.

«До ядра неделя пути, не больше, – думал Грант, пытаясь сосредоточиться, но перед глазами все еще плыло пустынное поле стартодрома, по которому ветер гнал зеленые волны, перечеркивали небо тонкие шпильки антенн, и на этом фоне постепенно таяла фигурка женщины – удивительно хрупкая и беззащитная. – Потом еще неделя на подготовку аппаратуры, запуск зондов. И два месяца напряженной работы. И тоски по жене... Вот удивились бы ребята – узнай они, что их бравый командир так безнадежно чувствителен...»

Отсчет кончился. Коротко и требовательно прозвучал гудок – координатор предупреждал людей о необходимости их вмешательства. Грант взял управление на себя.

Подготовка исполнительных механизмов корабля к прыжку заняла не более двадцати минут.

– Все, – сказал Грант будничным тоном, снимая с головы дугу. Круглое, простодушное лицо его было спокойно и, как всегда, казалось слегка заспанным.

– Сто семь парсеков, – отметил задумчиво Умбаа, кибернетик корабля, встретив взгляд командира. – Сто семь...

– И двести тридцать три до ядра, – тотчас откликнулся Вихров, рассматривая черный провал по курсу корабля. – Всего два перехода, если бы не это пятнышко.

Грант тоже не отводил взора от темной кляксы, загородившей путь к ядру Галактики, и чем больше он смотрел, тем меньше она ему нравилась.

– Совсем как у Блока, – пробормотал он. – «Ты прислала мне черную розу в бокале золотого, как небо, ай...».

– Туманность Черная Роза! – воскликнул юный энергетик экспедиции Саша Реут. – Звучит превосходно! Командир, вы попали в точку.

– Пожалуй, она больше похожа на мешок, – хмыкнул Умбаа.

– Мешок? – удивился Вихров. – Ну и воображение у вас, мой друг! Право же...

– Успокойся, Виталий, – мягко сказал Грант, – нарекаю этот ме... гм... это облако туманностью Черной Розы. Боюсь только, что эта роза задержит экспедицию. Размеры у нее...

– Два светогода.

– Иначе говоря, два месяца полета в режиме коротких прыжков в обход туманности. Идти напролом я не рискну – по всем данным, облако газопылевое. Энергетик, кажется, не согласен?

Реут замаялся, слегка покраснев.

– Мы что – не можем рассчитать прыжок к ядру?

– Можем, – хмуро проворчал Вихров. – С перспективой угодить на выходе в звезду.

– Но два месяца на обход, – вздохнул Умбаа. – Это же океан времени! Времени бездействия...

Грант мысленно улыбнулся, вслушиваясь в разговор, и достал из ниши пульта шлем связи с координатором.

– Внимание, – сказал он, закончив вычисления основных параметров туманности. – Поле гравитации облака велико, я не удивлюсь, если в его центре окажется звезда.

– Масса? – заинтересовался Вихров.

– Порядка трех-пяти солнечных.

– Любопытно, стоит посмотреть вблизи.

– Очень заманчиво, не спорю, – охотно согласился Грант. – Открыть звезду, да еще внутри облака!.. Но – увы! – мы только разведчики, наша цель – проложить дорогу к ядру Галактики. На зов наших маяков, по нашим следам пойдут большие экспедиции. Каждому свое...

– А КИК? – не выдержал кибернетик. – Разве не найдется работы для КИКа?

– КИК, дорогой мой Умбаа, это всего лишь коллектор информации, – назидательно сказал Грант, – автомат с обширной, но конечной программой. А вот выбрать нужную информацию может только человек.

– Как динамический селектор, – пошутил Умбаа.

– Кто, кто селектор? – не расслышал сказанного Вихров, снимая свой эмкан.

– Умбаа, – сказал Грант, покосившись на кибернетика.

Звездолетчики рассмеялись. Грант покачал головой и вскинул над пультом руки.

– Внимание! Контроль функционирования. Разговорам конец.

В зале наступила тишина.

– У меня такое ощущение, – подал голос Вихров, когда прошел контроль и в командном зале вспыхнул свет, – будто стою я на вышке перед прыжком в холодную воду.

Умбаа кашлянул.

– На смену предчувствиям уже пришли ощущения? Между прочим, предчувствия сбываются, когда человек к ним подготовлен. Может быть, ты просто сомневаешься в существовании ядра Галактики?

– Не смешно, Ум, – заговорил молчавший до этого математик Росс. – Глобальные проблемы юмора в рейсе тебе еще не по плечу. Нельзя шутить, не опираясь на классиков.

– Нельзя, – после некоторого молчания согласился упрямый Умбаа. – Но если очень хочется, то можно.

– Вот это уже ближе к идеалу.

Грант улыбнулся, поправил на голове дугу эмкана. Чистая нота готовности координатора к началу работы тронула слух. Угольками затлели на пульте индикаторы гравитационных конденсаторов; синяя мгла затянула купол сферозэкрана, сгустилась. Воздух стал плотен, как желе. Глаза людей закрылись.

«Переход на режим», – успел подумать Грант и забылся.

Корабль начал прыжок.

Тьма поглотила звезды. Ни единый лучик света не пробивался из мрачной глубины водородного глобула, только гравитационное его дыхание воспринималось приборами – странное неровное дыхание.

– Мешок, – нарушил молчание Умбаа, незаметно подошедший сзади.

Грант не глядя нащупал его плечо и легонько сжал.

Молчание плыло по кораблю, напряженное рабочее молчание. Автоматический исследовательский комплекс КИК собирал информацию, жадно протянув в безголосую пучину щупальца антенн и датчиков. Вихров работал с координатором в паре с Россом. Неожданное открытие всплеска реликтового излучения вблизи облака заставило их забыть о существовании распорядка дня, и Гранту постоянно приходилось выдвирать звездолетчиков из информмария.

Бортинженеры корабля – Умбаа и Реут – занялись регулировкой следящих систем, не забывая информировать командира о состоянии аппаратуры.

Грант рассчитал кривую обхода облака, перевел режим полета на автоматический и, продолжая работать, мысленно перенесся на Землю, в Приморье, вспоминая и заново переживая встречи с Тиной. Тоска по жене охватила его с необычайной силой, что было странно и необъяснимо с позиций его логики (но вполне объяснимо с позиций логики жизни). Он женился за неделю до полета, женился неожиданно для самого себя, и любовь его была как вспышка, затмившая привычное разнообразие межзвездных полетов. Грант не любил углубляться в самоанализ, зная, что любовь – проблема из проблем, не решенная однозначно ни одним из философов или поэтов, но иногда ловил себя на том, что глупо улыбается, упираясь взглядом в стену, и это сердило его, так как Росс однажды заметил эту улыбку и, покачив головой, пробормотал:

– Надо же, что любовь делает с камнем!..

На третий день полета на субсветовой скорости к Гранту подошел Вихров и, глядя в сторону, протянул пачку сообщений. Грант просмотрел их и вскинул на астрофизика изумленные глаза.

– Это предварительные выводы, – виновато произнес тот. – Разгадка – там. – Вихров топнул ногой в прозрачный пол, под которым обрывалась поглощающая свет пропасть. Грант еще раз пробежал глазами сообщения, задумался, так что карточки посыпались из его рук бликующими крылышками. Внезапно взгляды их встретились, и Грант понял.

– Ага, – произнес он негромко. – Тянет в бездну?

Вихров смущенно повел головой и бросился подбирать белые квадратики.

– Интересно... – процедил сквозь зубы Грант и тут только заметил, что рядом стоят Росс и Умбаа, похожие друг на друга, как заговорщики.

– Хорошо бы, вообще... – начал Умбаа и пошевелил пальцами, подбирая выражение. – Видишь ли, командир, ценность той или иной информации... как бы это сказать...

– ...определяется тем интересом, который она вызывает, – помог Росс.

– Туманно, – качнул головой Грант, внимательно осмотрев их. – Говорите прямо, чего вы хотите?

– Повернуть корабль, – напрямик предложил математик. – На исследование облака достаточно двух недель. Учитывая важность этой области пространства для полетов наших трансгалов, никто в Техническом совете не бросит нам обвинение в самоуправстве и срыве сроков разведки или программы исследований. Мы не только проложим дорогу к ядру напрямую – поставим побольше маяков – и все, – но и исследуем этот загадочный глобул.

– Или я ничего не стою в науке, – взъерошил волосы Вихров, – или мы стоим на пороге тайны!

– Тайны мироздания, конечно, – подхватил Грант ехидно. – Хорошо, я подумаю.

Он взял Росса под руку и повел его, сопротивляющегося, к выходу из центра.

– Во-первых, – сказал он ему в коридоре, – двух недель не хватит даже на то, чтобы прощупать как следует облако локаторами, несмотря на наш КИК. Во-вторых, торопиться в подобных случаях нельзя, и ты должен это понимать как никто другой. И в-третьих, ты – мой помощник, наконец, или пассажир, торопящийся сойти на ближайшей станции?

– Я понял, – пробормотал Росс. – Но если уж на то пошло, обходя облако, мы строим мост вдоль реки. Не проще ли строить его поперек? То есть пронзить облако? Времени у нас

не так уж много, ты прав, но мы потеряем больше на обходе, чем на прямой. К тому же, да будет тебе известно, убивает не время, убивает ожидание.

– Какое ожидание? – нахмурился Грант.

– Встречи, например, – пояснил Росс без улыбки.

На четвертые сутки трансгал повернулся носом к пугающей черной бездне и как бы повис на грани звездного мира и тьмы. Грант принял решение пройти газопылевую туманность по диаметру в ТФ-режиме¹, тщательно исследуя каждый отрезок пути перед очередным малым скачком.

Туманность двигалась от ядра Галактики в плоскости ее диска со скоростью около километра в секунду, поэтому у ее границы поставили дрейфующий с такой же скоростью убегания маяк. Всем кораблям Земли, имеющим ТФ-преобразователи, он должен был сообщать свои координаты, коридор входа в туманность корабля Гранта и формулы обхода облака по циклоиде – на всякий случай.

– Это последнее темное облако перед галактическим ядром, – волнуясь, сказал астрофизик. – Мы будем первыми из людей, кто увидит ядро Галактики! До сих пор мы наблюдали его только в радиоспектре...

– Прошу обратить внимание, – негромко сказал Грант, и лицо его утратило привычное добродушие. – Я знаю вас давно и мог бы не предупреждать. Но мы рискуем, а риск – благородное дело только в том случае, когда он оправдан. Поэтому главное: корабль не должен остаться без защиты даже при перебоях в энергоснабжении!.. Тихо, слушайте! – остановил он попытку Умбаа вставить слово. – Далее, где-то в центре глобула предполагается наличие звезды с весьма странными свойствами, что налагает на всех дополнительные обязанности: во-первых, постоянный контроль за состоянием узлов корабля и научного комплекса; во-вторых, никакой самостоятельности в изыскательских действиях; в-третьих, личная ответственность каждого за работу аппаратуры контроля здоровья. Далее. Пойдем на ручном управлении, поэтому меня не отвлекать. В случае моего... будем говорить, нездоровья управление берет на себя Росс. Что вы на меня так смотрите?

– Слишком пессимистично, командир, – пробормотал Умбаа. – «Никто не странствовал бы по свету, если бы не предполагал вернуться и рассказать о том, что видел». Это слова Блеза Паскаля, жившего в семнадцатом веке, а мне кажется, он знал, что говорил. Любой из нас заинтересован в том, чтобы вернуться и рассказать.

– Хорошо, что вы это понимаете. – Грант отвернулся, скрывая усмешку, и надел эмкан.

Он не знал, что ему еще придется пройти сквозь пустыню тоски, горечи и немой, невысказанной боли одиночества.

Они углубились в толщу пылевого облака на три четверти светового года. Со всех сторон трансгал окружала тьма, заполненная шорохом сталкивающихся, дробящихся, рвущихся радиоволн, эхом излучений невидимой еще звезды, гравитационный зов которой уже достиг корабля.

Напряжение людей, всматривающихся во тьму, возросло до предела.

На пятый день пути координатор выдал им объемный снимок звезды в нейтринном потоке. Астрофизик от усталости валился с ног, торопясь выжать все возможное из ультраоптической аппаратуры и вычислителя. Если бы не помощь Росса и Умбаа, он, наверное, не выдержал бы такой нагрузки. Предполагалось, что корабль пересечет глобулу по диаметру за

---

¹ ТФ-режим, тайм-фаговый режим (от *англ.* time – время и *греч.* phagos – пожирающий) – режим, при котором происходит мгновенная транспортиция материи.

восемь-десять дней, и специалисты стремились за этот срок запасти как можно больше информации, чтобы за пределами облака без спешки обработать ее и сделать определенные выводы.

На шестой день звезда показалась в видимом диапазоне электромагнитных волн. Это была странная звезда с неровной пульсацией гравитационного поля, звезда, спектр которой заставил ученых забыть обо всем, даже о собственном существовании, настолько он был необычен. Вихров мог сравнить его только со спектрами квазаров, но если светимость последних превышала светимость многих галактик, то «незнакомка» по массе и светимости приближалась к обычным звездам-гигантам, а по размерам – к карликам. Это был уже новый класс звезд, и Вихров назвал их мини-квазарами.

Грант, замедлив ход корабля, вышел из-под скорлупы защитного поля, и координатор взял под контроль их путь в обычном пространстве. Инженеры, мечтая о «письмах» с Земли, поставили еще один ТФ-маяк – всего в нескольких днях пути на субтяге от звезды, запустили в разные концы туманности около десятка зондов-автоматов. Грант составил сообщение о причинах задержки корабля и отправил его по цепи маяков в сторону Солнечной системы, за десятки тысяч световых лет.

«Могиканин»

Торможение длилось два часа. Чудовищная скорость корабля упала до планетарной – около тысячи километров в секунду. Энергетик довольно подмигнул своему отражению в зеркальной плоскости ситуационного экрана – он рассчитал режим торможения без помощи командира – и поспешил в информарий, напевая под нос популярную песенку о фотоне, захотевшем получить массу покоя. Грант проводил Реута улыбочивым взглядом, тронул Росса за руку, собираясь высказать свое мнение о мальчике, но в этот миг резкий сигнал автомата-наблюдателя заставил его броситься к пульта. Тонкая голубая линия вычертила окружность в объеме экрана над пультом регулятора управления. Остальная часть экрана сгустила цвет, притушив пылающее белым накалом горнило приблизившейся звезды.

– По курсу с радиантом в три секунды дуги неизвестное тело, – доложил спокойный баритон координатора. – Скорость – сорок девять километров в секунду, размеры – от трех до семи метров в поперечнике. Даю увеличение.

Очерченный линией круг в объеме экрана расширился, в нем появилась блестящая капелька, скачком превратилась в пятнышко света, потом в угловатый предмет размером с кирпич и наконец приняла нормальные размеры.

Кто-то ахнул. Грант сжал плечо Умбаа, опомнившись, отпустил. Слов не было. Перед ними, медленно кувыркаясь в пространстве, летел... разбитый гусеничный вездеход! Грант с молниеносной быстротой высчитал траекторию его движения.

– Ум, две минуты на расчет сетки, мы его поймем, как бабочку! Саша, стерилизатор, биозащиту, кислородный барраж! Поставь колпак в лабораторном зале, там свободно. Виталий – за пульт, будешь управлять полем. Думаю, справимся без автоматики. По местам!

Центр мгновенно опустел, остались только двое – Грант и математик, который стоял, засунув руки в карманы и высоко приподняв плечи. Он не отрывал взгляда от вездехода.

– Откуда его принесло? – спросил Грант, не ожидая ответа. – Катастрофа корабля?

– Кажется, там в кабине кто-то есть, – пробормотал Росс. – Видишь?

– Вижу, – вглядевшись, сказал Грант.

– Люди?

– Похоже, что люди.

– Когда-то на моих глазах разбился «Токкорикан», и после этого я не могу спокойно смотреть на ЭТО... А вездеход ведь с земного корабля...

– Да, форма сугубо земная, но я не помню, чтобы в последние двадцать лет такие машины использовались в разведке. Значит, ему не менее двадцати лет, независимых, конечно.

– Через минуту семь секунд тело пройдет в тысяче трехстах километрах по левому борту, – напомнил координатор.

Грант сел в кресло, жестом указал на место рядом, посадив встревоженного Росса, ввел поправку в курс корабля и сделал необходимые приготовления.

– Внимание! Через минуту включаю генератор поля, даю отсчет. Умбаа, контролируй нарастание... Виталий, где схема? Перед тобой? Хорошо, бери управление. Внимание, пошел!

После встречи с вездеходом экипаж находился в подавленном настроении. Гранта больше всего поразила причина гибели людей – в кабине их было двое: не от недостатка кислорода или пищи, не от болезни или отравления, не от проникающих ранений, ожогов и тому подобного. Они погибли от страшного удара, буквально сплюснвшего вездеход.

Каким образом вездеход оказался в космосе, да еще летящим с огромной скоростью, никто из экипажа понять не мог. Правда, Умбаа предположил, что вездеход мог выпасть в пространство при катастрофе корабля, но эта версия никак не объясняла присутствие людей в его кабине. В полете незачем двоим в скафандрах залезать в кабину наземной машины. И еще: анализ показал, что вездеход странствовал в космосе не более полугода, срок чрезвычайно малый для истории, но достаточный для предположения о возможной встрече с самим кораблем-носителем.

– Что же это за экспедиция? – спросил притихший Реут. Серые глаза его потемнели, он все еще переживал смерть незнакомых товарищей.

– «Могиканин», – пробормотал Росс, обращаясь к командиру. – Я не помню такого корабля.

Грант задал вопрос координатору, и тот, «покопавшись» в своей памяти, выдал ответ:

– Корабль «Могиканин»: старт в две тысячи семьдесят первом году, направление – южный галактический полюс...

– Куда их занесло! – присвистнул Вихров.

– ...экипаж – двенадцать человек, цель экспедиции – изучение свойств межгалактического пространства, – координатор остановился, был слышен только слабый фон динамика, потом добавил: – Связь утеряна в семьдесят третьем году, дата предполагаемого возвращения – сто двадцатый год.

– А сейчас сто семьдесят четвертый, – тихо проговорил Росс. – Они в пути уже сто три года.

Грант оглядел лица товарищей, хотел сказать: по местам! И споткнулся на первом слове. В командном зале трансгала резко прозвучал гудок, замигал на пульте алый индикатор радиоприема, и в тишине раздался четкий, уверенный голос автомата:

– Сигнал SOS! Простейший код, известный с середины девятнадцатого века под названием азбуки Морзе. Всего два слова: «Прошу помощи!..»

Побледнел Реут, расширились глаза у Вихрова. Росс выпрямился в недоумении. Грант молча надел эмкан и жестом приказал всем занять места.

Корабль три раза бросал зов в молчаливую темноту туманности во всю мощь бортовых передатчиков. Ждал ответа. Три раза приходило слабенькое эхо – отражение радиокрика от магнитной короны звезды. Ответа не было. Наконец автоматы смогли взять достаточно надежный пеленг сигнала, и корабль по перпендикуляру прыгнул в сторону от курса.

После второго прыжка локаторы нащупали в створе пеленга неизвестное тело, и по тому, как переглянулись астрофизик и командир, остальные поняли, что случилось что-то необычайное.

– Планета!.. – произнес растерянно Вихров. – Не может быть!

– Звезда в облаке – еще куда ни шло, – пояснил Грант в ответ на вопросительный взгляд Росса. – Но чтобы у звезды был еще и спутник!.. Плотность газа в облаке такова, что трение за несколько тысяч лет приведет планету к падению на светило. Если только планета не захвачена звездой из какой-нибудь системы недавно...

– Мне кажется, это «Могиканин», его SOS, – сказал Умбаа, работая с пеленгационной аппаратурой. – Азбука Морзе, обычный радиозапрос, а не ТФ-передача, вездеход того же периода звездоплавания... Совпадения слишком разительны... Внимание! Отдаю управление координатору!

Грант кивнул, переключил системы ручного управления на своем командирском пульте и присоединился к Вихрову, считывающему параметры открытой планеты.

Через два часа они уже шли над ночной стороной планеты на высоте пятидесяти тысяч километров, и координатор, вычислив стационарную орбиту, положил корабль в дрейф.

– Поисковая группа – Умбаа и Вихров, – объявил Грант. – Десантолету – готовность один. Связь по ТФ-каналу. Вопросы?

– Нет, – ответил Умбаа, поворачивая к нему лицо.

– Тогда в путь: время не ждет.

Масса планеты почти не отличалась от массы Земли, но диаметр ее был вдвое больше. Возникла необъяснимая загадка: по расчетам, плотность пород планеты должна была быть меньше единицы, то есть меньше плотности воды, но, по данным локаций, планета не представляла собой ни жидкий шар, ни газообразный, кора ее была твердой и по составу напоминала глубинные метаморфические породы Земли и родственных ей планет.

Десантолет совершил два витка вокруг спутника звезды, и Умбаа обнаружил на очень низкой орбите наполовину разрушенную автоматическую станцию, передатчик которой слал свое жалобное «жду помощи!...». Людей на станции не оказалось, зато Вихров в ее тесной рубке нашел кассету с магнитозаписью: «Произвел посадку в экваториальном поясе, возле Города! Стартовать не могу: ходовой двигатель разрушен! В живых остались трое! Посадка на планету смертельно опасна! Командир космолета «Могиканин» Тихонов».

Грант вернул десантолет и запустил над планетой более полусотни зондов для поисков места посадки «Могиканина».

Спустя сутки локаторы одного из зондов зафиксировали яркий радиоответ с поверхности планеты, и Грант, неразговорчивый в последнее время, решительно повел трансгал на более низкую орбиту.

Десант

С высоты двух тысяч километров пушистый шар планеты казался клубком желтого тумана, переливчатым и мягким. Едва видимый сквозь густое месиво атмосферы единственный материк опоясывал ее по экватору сизой, удивительно одноцветной полосой, разобрать что-либо на которой оказалось невозможным даже в фотооптические преобразователи.

Удивительное началось, когда Грант, помня предупреждение командира «Могиканина», решил приступить к разведке атмосферы зондами. Первый, опустившись ниже поясов радиации, успел передать только сигнал тревоги и замолчал. Второй умолк на высоте трехсот километров, послав прощальный снимок поверхности. Третий успел передать: «Сильное струйное течение! Сносит к полюсу...» – и тоже затих.

Грант послал сразу четыре зонда, один за другим, но добился только того, что последний зонд из этой серии выскочил из атмосферы, как ныряльщик из воды, за тысячу километров от того места, где он в нее вошел.

– Странно, – сказал Грант, сведя брови в одну линию, – очень странно, если не сказать больше...

Росс понимающе кивнул.

– Нужен разведывательный полет. Дорога каждая секунда... Внизу ждут помощи.

«Это ты мог бы не объяснять», – подумал Грант. Мысли бежали торопливо, и тревожное предчувствие сжимало сердце. Наступил тот момент, когда он должен был рисковать жизнью товарищей во имя спасения других людей, и, хотя он знал, что двух решений здесь быть не может, мозг лихорадочно искал другой выход и не находил его. Выхода не было.

«Времени нет, в этом ты прав, дорогой мой математик. Но мне страшно не хочется посылать вас в этот незнакомый и оттого опасный мир. А не посылать вас я не могу, потому что сам идти вниз не имею права и оставить тех троих с «Могиканина» тоже не имею права, хотя, казалось бы, решение должно быть однозначным. И не объяснить всего этого вам, потому что как человек я без колебаний пошел бы вниз: это в крови у каждого из нас – спешить на помощь к товарищу, но как командир я обязан думать еще и о цели экспедиции, и о вашей безопасности, и о многом другом, о чем вы даже не догадываетесь: о том, что я знаю каждого и мне страшно рисковать вами, вашими жизнями. Не своею...»

– Так, – сказал Грант. Незнакомое ранее выражение нежности промелькнуло на его лице, когда он посмотрел на Реута, промелькнуло так быстро, что его заметил только внимательный Росс. – Другие мнения есть? Я так и думал. Вниз пойдут Умбаа и Вихров. Подготовкой займусь сам. Иван, продолжай зондировать атмосферу, попробуй изменить программу входа. Что-то здесь не так.

Росс молча сел в кресло.

Умбаа прицелился: десантолет вошел в вираж послушно, как собственное тело, подчиняясь приказам. Впечатление гармонии полета вселяло уверенность, и Умбаа почувствовал какой-то азартный восторг, словно перед схваткой с могучим, но уязвимым врагом.

Атмосфера планеты была плотнее земной и казалась насыщенной взвешенной пылью или парами металла. Она не только рассеивала лучи светила по-иному: цвет неба постепенно менялся от густого коричневого в сторону желтых оттенков, – но и вообще почти не позволяла вести визуальных наблюдений за поверхностью.

– Не отклоняйся, – бросил озабоченный Вихров, следя за курсографическим вычислителем. Трансгал сопровождал их лучом лазера, направленным в то место на поверхности планеты, где зонд обнаружил радиоэхо, похожее на отражение от крупного металлического предмета, и отклониться от этого указателя на доли градуса означало уйти от предполагаемой точки посадки на десятки километров.

Океаны, приближаясь, розовели, и становилось понятным, что вода в них, если это вода, конечно, будет турмалинового или сиреневого цвета. Планета превратилась в глубокую дымную воронку с поднимающимися вверх краями. И в этот момент впервые дала о себе знать посторонняя сила.

Десантолет вдруг положило набок и с необыкновенной легкостью поволокло в сторону от лазерной трассы. Автопилот отреагировал на это полным «выхлопом» двигателей, и чудовищный рывок не смогли погасить даже поглотители инерции: Умбаа ударился о подлокотник кресла, Вихрова бросило на аппаратную стойку.

Движение в сторону замедлилось. Невидимый поток энергии двигателей рвал в клочья полосы синего дыма, воздух стегали длинные радужные нити электрических разрядов. Десантолет медленно восстанавливал равновесие; огни на пульте уходили в зеленую гамму.

– Поле... корабль в поле... – сообщил координатор. – Неизвестное силовое поле сносит корабль... Сбои в генераторах защиты...

Десантолет продолжал опускаться, но очень медленно. Его все еще сносило, и указующий лазерный луч он давно уже потерял. С высоты восемнадцати километров материк, достаточно хорошо видимый в оранжевом свете звезды, оказался не только неровным и неоднородным. На самом деле это был один гигантский горный хребет, теряющийся в дымном мареве за горизонтом.

– Как далеко мы отклонились от цели?

– Километров на сто – сто двадцать.

– Ну, это терпимо.

Умбаа прикусил губу.

– Кстати, командир предупредил, что если мы обнаружим жизнь... ну, ты понимаешь, разумную жизнь, конечно, то немедленно стартуем обратно. Тихонов в своем сообщении упомянул какой-то Город...

– Я помню. Да, если здесь вмешался чужой разум...

– «Ветвь-один», «Ветвь-один», – пробился в динамиках голос Гранта, и виом воспроизвел его мерцающее лицо. – Что случилось?

– Неизвестное силовое поле сносит корабль к полюсу. Параметры поля автоматом не фиксируются.

– Помните о предупреждении Тихонова. В случае непредвиденных осложнений немедленно возвращайтесь.

– «Ствол», вас понял, – ответил Умбаа. Лоб его заблестел от пота: он продолжал контролировать действия координатора и отвлекаться не решался.

На высоте пяти километров Вихров вдруг заметил под десантолетом неровный черный круг, принятый им сначала за дыру в коре планеты. Он замычал и показал Умбаа большим пальцем вниз.

При увеличении черное пятно на экране распалось на какие-то полускрытые тени, глубокие ущелья и крутые возвышенности. Динамики внешнего радиоприема внезапно зашелестели, запульсировали, шорох тысяч невидимых крыльев заполнил рубку, прозвучали отдельные вскрики, свисты, скрип, снова долгий, тягучий шелест и вздохи, и координатор доложил:

– Корабль в потоке радиоизлучения, диапазон десять – две тысячи сто мегагерц.

– Город! – прошептал Вихров. – Это же Город!..

– Еще неизвестно, – остудил его Умбаа. – Радиоволны могут излучаться и в результате естественных природных процессов.

Вихров только отмахнулся, жадно рассматривая поверхность планеты при максимальном увеличении, будто хотел тут же увидеть и ее обитателей.

Десантолет наконец опустился настолько, что удалось разглядеть загадочный черный объект. При тщательном рассмотрении он вовсе не походил на город в общепринятом понимании. Он представлял собой объемную фигуру, диаметром около сорока километров, что-то вроде плоскогорья с обрывистыми склонами, но плоскогорья не сплошного, а как бы раздробленного, потрескавшегося на куски неправильной формы.

– Такыр, – только и сказал обескураженный Вихров.

Умбаа хмыкнул, но возражать не стал.

Через несколько минут Город скрылся за горизонтом, и наступил ответственный момент посадки. Посторонняя сила больше не действовала на земной корабль. То ли потому, что скорость его упала, то ли по другой причине. Но Умбаа на всякий случай увеличил потенциал защитного поля до максимума, ожидая какой-нибудь очередной каверзы со стороны загадочной планеты.

Десантолет тяжеломерно развернулся в воздухе, выдвинул посадочную гармонику и грузно спружинил на фиолетовую почву возле группы низких, изъеденных временем скал.

Еще некоторое время Умбаа напряженно прислушивался и всматривался в чужой, непривычный ландшафт, но тишина не взрывалась, до неблизкого расплывчатого горизонта синеватая порода плато была пустынна. Только дымные столбы то здесь, то там нарушали ее безмолвное спокойствие.

Умбаа расслабился, скинул капюшон скафандра и в это время заметил прямо под лиловым яйцом тусклого светила неподвижно парящую гигантскую белесую... паутину! Она была огромна: дальний край ее терялся в желтой дымке неба – и занимала площадь не менее чем в несколько квадратных километров. Висела она совершенно спокойно, ни на что видимое не опираясь, и это холодное спокойствие непонятного феномена вселяло настороженность и тревогу.

Умбаа наблюдал за ней с час, пока они с Вихровым готовили к походу куттер, но паутина, вернее сказать, сеть, связанная из «канатов» толщиной в туловище человека, с ячейками от десяти до двадцати метров, парила неподвижно, и Умбаа в конце концов махнул на нее рукой, сообщив едва слышимому и совсем невидимому Гранту о своих находках.

Вихров выпустил из корабля дистанционные механоматы – рабочие руки исследовательского комплекса, имеющегося на каждом десантолете, и некоторое время следил, как они работали неподалеку от корабля. Это были геолого-разведывательные автоматы: один из них посверкивал лазерным лучом – делал спектр-анализы, а другой вдруг задрожал и ушел в почву, только суставчатая антенна его продолжала торчать из-под слоя взрыхленной породы.

Вошел Умбаа, облаченный в сверкающий, как зеркало, балахон с остроконечным капюшоном и горбом генератора поля на спине – скафандр высшей защиты.

– Зачем такие предосторожности? – поморщился Вихров. – Сели нормально, все спокойно...

– Именно потому, что все спокойно, – пробормотал Умбаа. – Надевай.

И они потопали из рубки, одинаково широкие, уродливые, блистающие живым полированным металлом.

У золотистой опорной гармонике десантолета знойным маревом дрожал воздух, искажая очертания скал, подчеркивая плывущую над всем миром сонную, жаркую тишину. И дымы, дымы со всех сторон до горизонта...

– Постой-ка, – сказал Умбаа изменившимся голосом. – Ты ничего не слышишь?

Шепот ему почудился, близкий многоголосый шепот.

– Разговаривает... кто-то... – неуверенно сказал Вихров.

И в это время паутина над десантолетом колыхнулась, словно ветер ударил в нее сбоку, и пошла косо вверх к заходящему светилу. Через минуту она стала невидимой. Пропал и странный шепот.

Умбаа сел в кресло и захлопнул фонарь. Преобразователи формы куттера басовито запели, он поднялся в воздух, похожий издали на листок клена с каплей росы посередине. Свист распоротого воздуха стек к корме и прекратился: скорость аппарата превысила скорость звука.

Лиловое пятно светила, нависшего над размытой линией близкого горного хребта, еле проглядывало сквозь полупрозрачный воздух, отчего все предметы казались одетыми в серую вуаль.

Умбаа перешел на радарное зрение, и видимость улучшилась, только картина сразу стала одноцветной: небо сделалось темно-зеленым, более светлые дымные струи исчертили его малахитовым узором, плато засверкало изумрудным огнем.

– И все же мне кажется, что Тихонов не зря говорил о Городе, – словно продолжая спор, сказал Вихров.

Автоматы очистили кабину от остатков ядовитой чужой атмосферы, и Умбаа, не снимая, разгерметизировал скафандр. Вихров с любопытством посмотрел на чеканный профиль това-

рища, ожидая, что скажет Умбаа. Шутники утверждали, что он один из последних потомков племени ацтеков, будто бы даже прямой потомок их легендарного императора Монтесумы. В домыслы о «прямом потомке» Вихров, конечно, не верил, но лицо Умбаа – смуглое, горбоносое, с тяжелым подбородком, прямыми губами, скошенными к вискам глазами, бесстрастное и впечатляющее – действительно представляло собой яркий образец лица индейского воина или вождя, типичного для давно исчезнувших в веках племен майя, инков, ацтеков. Правда, характер Умбаа, склонного к иронии, сильно отличался от характера настоящего индейца.

– Сейчас пойдем по кругу, – сосредоточенно сказал Умбаа, – тревожно мне что-то... И ладонь левая чешется...

– Левая? – переспросил Вихров и засмеялся. – Я думал, один я суеверен. Станный мы народ, астрофизики. Сами же изгнали Бога со всех небес, а суеверны, как древние халдеи.

«Как я тогда сказал? – подумал Умбаа. – Дурные предчувствия сбываются, если человек к ним подготовлен? Чепуха! Дурные предчувствия имеют обыкновение сбываться, когда этого не ждешь...»

Они пролетели недалеко от черного загадочного объекта, с орбиты напоминающего такыр. Со стороны он походил больше на закопченные развалины, чем на скалы или выходы черной породы, и Вихров даже привстал, собираясь обратить внимание Умбаа на это явление, но передумал. Город скрылся из глаз.

Через час куттер завершил круг, в центре которого стоял их корабль, и пошел на второй. Свист рассекающего воздуха вернулся и уже не стихал, однотонный и утомляющий.

Светило наполовину зашло за зубчатый профиль хребта и уменьшалось на глазах... Зашло. Еще несколько минут алели далекие вершины гор, потом и они погасли. Разбежались по небу багровые полосы, потускнели. Куттер оказался как бы в мрачной впадине, полной тумана. Безмолвие... Странное, жуткое место!

– Пора возвращаться, – пробормотал Умбаа. – Так мы ничего не найдем. «Если вообще что-нибудь найдем, – подумал он. – Зонд мог уловить отражение от местных скал... Без помощи орбитальных измерений нам не обойтись».

Вихров промолчал. Маяк десантолета еле пробивался сквозь фон помех, и астрофизику было не по себе.

Где-то на горизонте, будто повиснув в пространстве, возникло вдруг голубоватое зарево. Оно увеличивалось, и вскоре голубое свечение, бледное и прозрачное, закрыло перед ними четверть небосвода. Потом показалась неровная белая линия, над которой и вставало это загадочное сияние.

– Где-то здесь должен быть тот черный объект, – буркнул Вихров и с оживлением добавил: – Может, он и есть тот самый Город, о котором предупреждал Тихонов?

Умбаа оглянулся, и что-то поразило его, некое движение у кормы куттера. Он взгляделся, ахнул и кинул машину вниз, потом вправо, вверх и снова вниз. Над ними промелькнул размазанный от скорости фосфоресцирующий силуэт и растаял в ночи.

Умбаа вдруг стало так плохо, что на мгновение он забылся. Неприятная слабость охватила тело, сердце рванулось, как при спазме, и, прошептав:

– Держись, Виталий!.. – он направил куттер к земле.

Лучи прожекторов выхватили из тьмы бешено мелькавшие внизу каменные столбы, какие-то крупные предметы, похожие на стога сена... Аппарат влетел в узкий проход между изломами каменных стен, резко затормозил у выпуклого бока черного валуна, несущий диск противно проскрежетал днищем по обломкам, и куттер остановился. Прожектор потух. Наступила цикадная тишина.

Свечение неведомого источника за скалами позволило им довольно свободно ориентироваться в обстановке.

После крушения они с час приходили в себя.

– Вот твое «все спокойно», – невнятно проговорил Умбаа, прожевывая таблетки адаптогена, кислые, терпкие, приятно охлаждающие нёбо.

Вихров прожевал свои, посмотрел на беспорядок в кабине и со вздохом откинулся в кресле:

– Что это было?

Умбаа мрачно усмехнулся.

– Этого, дорогой мой астрофизик, как сказал бы наш командир, не знаю даже я сам.

Лететь в темноте на поиски неведомо где опустившегося «Могиканина» не имело смысла. Умбаа вспомнил подробности падения машины и вновь пережил болезненное чувство собственного бессилия. Встреча с призраком могла окончиться трагически, предупреждения Тихонова, командира трижды злосчастного «Могиканина», сбывались воочию.

До утра было еще далеко, и Умбаа решил провести маленькую разведку в направлении загадочного свечения.

Медленно пробираясь между темными телами скал, напоминающих туши мамонтов, Вихров томился предчувствием нависшей над ними беды, но, боясь показаться смешным в глазах кибернетика, только чаще оглядывался и не снимал руки с рукоятки деформатора.

– Попомни мои слова, – сказал он, всматриваясь в шевелящиеся тени, – с этой планетой связана какая-то тайна. Одно то, что она существует вопреки всем законам космогонии в плотном пылевом облаке – глобуле, – говорит само за себя. А неизвестное силовое поле? Наука нечасто сталкивается с факторами, принципиально отличающимися от всего ей известного.

– Правильно говоришь, – с сарказмом заметил Умбаа, понимая, что послужило толчком к разговорчивости товарища.

– Правильно, – согласился Вихров, поразмыслил и добавил: – Разве ты хочешь возразить?

Умбаа проворчал что-то неразборчивое, но в это время они вышли из каменного лабиринта на край обширной площади, и вести отвлеченные разговоры стало недосуг. В центре площади неподвижно парило серебристо-белое облако не то дыма, не то пара, пухлая шапка которого изредка вскипала белыми фонтанами. А за облаком вздымались полупрозрачные, истекающие голубоватым эфемерным свечением... глыбы льда!

Скопище айсбергов стометровой высоты, приткнувшихся к скалам! Айсберги уходили за горизонт, создавая иллюзию бесконечного ледяного поля, и Умбаа, так и не подобравший к картине иных земных аналогий, прошептал:

– Ледник?!

Вихров, с неожиданным хладнокровием рассматривавший «ледяную» бугристую стену, поднял свой блок фиксации событий – инфор, давно заменивший людям фотоаппарат, кинокамеру и магнитофон одновременно, и запечатлел светящийся «лед» во всем его великолепии.

В глубине «ледника» вдруг что-то случилось. Гулкие удары потрясли его, и Умбаа заметил, как вспучилась одна из сияющих стен, плюнуло из нее искристой струей, и тут же облако в центре площади с неистовым треском опало, съезжилось и растаяло, а вместо него в небо взвилась огромная белая паутина, низким гудением своим заглушившая все остальные звуки.

Грохот в теле «ледника» утих, стена успокоилась, но людям теперь показалось, что кто-то сопровождает их внимательным взглядом, кто-то большой и тяжелый, как горы.

– Пошли назад, – произнес сквозь зубы Умбаа.

И они пошли, почти побежали. Но паутина догнала их, плыла так с минуту – снова послышались тягучий шелест, неясные голоса – и ушла вперед. Шелест и голоса исчезли.

– Излучение! – вырвалось у Вихрова. – Всюду излучение, и наша высшая защита не помогает. Понимаешь? Я не специалист в физике излучений, но здесь и не нужно много знать...

Умбаа молча согласился. Человек давно использовал в своей практике излучения, действующие на мозг и центральную нервную систему, излучения возбуждающие и успокаивающие, созидающие и уничтожающие. Но могли существовать и такие, которые человек еще

не постиг, которые не регистрировались земными приборами и тем не менее влияли на нервную систему, так же легко проникая через все барьеры и защитные поля, как луч света сквозь вакуум, и не исключено было, что космолетчики, сами того не ведая, открыли нечто подобное. Иного объяснения «давлению на психику извне» Вихров дать не мог.

Куттер был уже рядом, он поблескивал в «окне» между двумя неровными каменными колоннами. Умбаа удержал за спешившего было Вихрова и указал вверх. Над скалами скользила паутина, удаляясь неспешно и беззвучно. Вскоре она затерялась в стороне «ледника».

Умбаа отпустил астрофизика и вслед за ним подбежал к куттеру. Его поразил цвет аппарата – бурый с оранжевыми потеками по кромке несущего диска. Он протянул руку к колпаку кабины, некогда хрустально-прозрачному, а сейчас матовому, изъеденному многочисленными ямками странной коррозии, и отдернул ее в недоумении.

– Не понимаю, – сказал он.

Астрофизик пнул ногой задранный край несущего диска и вздрогнул: металл съежился и распался на лохмотья. Накренившись, вся конструкция сползла со скалы, рассыпалась в рыжий и черный пепел, хлопья которого разлетелись в стороны. Умбаа нагнулся, растер в ладони щепотку черного праха, быстро выпрямился, хотел что-то сказать, но лишь судорожно сглотнул. Абсурдная мысль пришла ему в голову. Аппарат выглядел так, будто пролежал на этом месте, по крайней мере, сотню тысяч лет! Вернее, он выглядел бы примерно так же, если бы пролежал... Но этого не могло быть!

– Ерунда какая-то... – тоскливо произнес Вихров.

Умбаа заворуженно смотрел на то, что час назад было летательным аппаратом, и вдруг представил себе те восемьдесят километров, которые им предстояло пройти до десантолета, не зная ни точного направления, ни того, что ждет их в пути.

– «Ибо у нас, живущих ныне, есть глаза, чтобы удивляться, но нет языка, чтобы восхвалять»², – глухо сказал он, поднимая руку и натываясь на блестящую ткань скафандра.

Город

Корабль продолжал мчаться над планетой, наматывая на нее очередной двадцать второй виток.

Росс с помощью самонастраивающейся аппаратуры исследовательского комплекса установил, что вся планета как бы покоится в коконе неизвестного поля, с легкой руки Реута названного тангирующим, или Т-полем. У полюсов оно опускалось воронками к поверхности планеты, и можно было предположить, что именно там находятся чудовищной мощности генераторы, создающие поле. Но Грант не рискнул заниматься их поисками. От Умбаа уже пять часов не поступало известий, и это не давало ему покоя. Если планета окажется населенной разумными существами, то сложность положения увеличивается во сто крат. Встреча с иным разумом никогда не представлялась землянам только лишь проблемой контакта, а его последствия для обеих сторон могли рассчитать лишь специалисты Института внеземных культур на Земле.

Грант в который раз ощутил на себе все бремя ответственности за судьбу незнакомых друзей с «Могиканина», за успешное выполнение основной задачи полета, за судьбу экспедиции, тесно переплетенную с его судьбой, за любое принятое им решение. Ибо в случае ошибки сможет ли он ценою своей жизни рассчитаться за жизнь и горе других?..

Только один раз Росс отозвал Гранта в сторону и спросил, чем грозит ему задержка выполнения основной задачи в случае осложнений?

---

² В. Шекспир.

– Ничем, – ответил Грант, с угрюмым интересом рассматривая жесткое лицо математика. – Единственное, чего я боюсь, так это вспомнить, что, кроме всего прочего, я тоже человек.

Росс смущенно склонил голову, понимая, что все его слова будут в этот момент лишними.

В зал примчался Реут и показал командиру объемный список того места на поверхности планеты, где совершил посадку десантолет Умбаа.

– Вот это черное образование излучает широкополосный радиосигнал, – сообщил он возбужденно. – Информационному анализу не поддается, но...

– Все-таки Город, – задумчиво проговорил Грант. – Город?

– В сообщении Тихонова тоже упоминается Город. – Росс подошел к главному виому и долго рассматривал поверхность планеты через вариационные усилители.

– Если это ИХ Город, ты понимаешь?..

– Да, – сказал Грант. – А Умбаа молчит.

Спустя несколько часов Реут обнаружил еще несколько черных кругов, которые он предложил называть Городами. Все они походили друг на друга, как листья дерева, и отличались только размерами.

– Всякий поиск делится на три периода, – говорил негромко Росс, следя за работой энергетика. – Первый – предварительные размышления, для нас он уже прошел; второй – наблюдения и фактография, к этому мы приступили; и третий – период выводов, самый безрадостный, по-моему: чудеса всегда тускнеют от объяснений.

– До этого еще далеко, – заметил Грант, полузакрыв глаза.

– Что будем делать, командир? – Росс выжидательно посмотрел на Гранта. – Мужское чутье подсказывает мне, что нужно идти вниз...

«А женское чутье бывает? – подумал Грант, не отвечая. – Тина... Что тебе говорит сейчас твое чутье? Плохо мне, Тина... Почему я подумал о тебе? Помнишь, у Рубена Дарио:

Я долго перед мраморной Каменной
Стоял один; уныньем обуянный.
Вдруг крыльев шорох – и, по связи странной,
Мне о тебе подумалось мгновенно.

Помоги, Тина, коль уж пришла. Если Умбаа не ответит через два часа, я снова пошлю в этот ад своих друзей...»

– Решай, Яр, – продолжал Росс, не понимая, почему командир не отвечает. – Если Умбаа молчит до сих пор, то случилось что-то серьезное. Надо идти к нему.

– Рано, – сухо отрезал Грант, открывая глаза. – Второй десантолет пошлю, когда сочту нужным.

Росс опускал десантолет очень медленно, буквально по метру в секунду, может быть, именно поэтому отталкивающее поле планеты почти не снесло корабль в сторону от выбранной траектории.

На высоте около сорока километров аппараты зафиксировали какое-то загадочное тело, промелькнувшее так быстро, что на снимке запечатлелся только его стремительный силуэт. Координатор отметил нарастание и убывание гравиполя, дикую пляску защитных полей и нарушения в работе обеспечивающей полет автоматики.

Реут озабоченно просмотрел выданные машиной схемы неполадок и углубился в перенастройку автоматов, не обращая особого внимания на обстановку за бортом десантолета. Росс окинул его теплым взглядом. Юноша нравился ему любознательностью, отзывчивостью и пол-

ной самоотдачей в работе. В свои двадцать пять лет Реут смог стать одним из лучших специалистов-энергетиков нового класса кораблей – трансгалактолетов – и слыл личностью незаурядной.

Сели они благополучно всего в километре от десантолета Умбаа, стоявшего прочно и без видимых повреждений. Правда, Россу показалось, что корабль будто бы накрыт белой вуалью, но разглядеть это достаточно хорошо он не успел.

– МПС или высшая защита? – деловито произнес Реут, собираясь в бокс за скафандрами.

Росс покосился на виом связи, в котором сквозь полосы помех виднелись Грант и часть командного зала трансгалактолета.

– «Ствол», – сказал он в микрофон. – Все нормально, иду в поиск.

– «Ветвь-два», вас понял, – прозвучал невыразительный голос Гранта.

– Ты останешься, Саша. – Росс положил руку ему на плечо. – Если не удастся мне, тогда пойдешь ты.

И Реут проглотил вертевшиися на языке возражения.

В течение всего времени, пока Росс облачался в блестящий балахон скафандра высшей защиты, энергетик украдкой посматривал на его иссеченное морщинами суровое лицо, шрам на щеке – лицо человека, много пережившего за свои неполные сорок лет. Математика в научном центре разведфлота называли Стариком. Не за морщины, старившие его. За сдержанность, которая обычно олицетворяет уверенность в себе и в своих поступках.

– Ты, наверное, сильный человек? – неожиданно для себя самого спросил Реут.

Росс, продолжая застегивать скафандр, медленно обернулся.

– С чего ты взял?

– Так... – пробормотал энергетик.

– Хм... Вообще-то, будучи на третьем курсе института, я выбился как-то в чемпионы курса по мгновенной борьбе. Но это, конечно, мелочи. Я был знаком с одним человеком, Греховым, которого прозвали малышом-оборотнем. Ростом он с мальчишку, но во всем институте, а сейчас я уверен, что и вообще в научном центре, только он один мог вырваться из любого захвата, бороться на равных одновременно с пятью мастерами и, что касается физической силы, согнуть гриф штанги.

– Здорово! – с загоревшимися от восторга глазами сказал Реут.

– Он окончил институт на четыре года позже меня, – продолжал Росс серьезным тоном. – Сейчас работает в Управлении аварийно-спасательной службы... Ну ладно, я пошел, следи за связью.

– Возьми «черепашу», – посоветовал с экрана Грант. – У меня больше нет десантолетов...

Он не договорил, но Росс и так понял, что хотел сказать командир. «Черепаша» была тяжелой шестиместной машиной с противоядерной защитой, скорость ее хоть и невелика, но запас надежности огромен.

– Возьму, – пообещал Росс и, махнув рукой в сверкающей перчатке, вышел из поста управления.

Он не торопясь осмотрел десантолет Умбаа, но нашел только запись устного сообщения Вихрова, торопливую запись о результате первого облета местности и об открытии черного образования, названного исследователями Городом.

– Саша, как меня слышишь? – спросил Росс, соединившись с постом управления своего десантолета.

Энергетик облегченно вздохнул:

– Слышу не совсем хорошо, большой фон.

– Передай командиру... впрочем, я сам.

Росс соединился с Грантом и коротко пояснил ему ситуацию.

– На чем они ушли? – спросил тот, мрачняя.

– В эллинге нет куттера.
– Куттер... Ах, черт! Автоматы записали хотя бы направление, откуда передавал сообщение Виталий?
– Нет. Маяка куттера тоже не слышно... Яр, здесь летают странные сети...
– Сети?!
– Или паутины, издали они похожи на настоящие паучьи паутины. Но размеры их во сто крат больше.
– Жизнь? Я имею в виду – разум?
– Не знаю.
Грант помолчал, постукивая пальцами по канту пульта.
– «Могиканин» тоже не отзывается?
– На всех диапазонах только вой помех.
– Ну, иди. – Грант хотел еще что-то сказать, но, наверное, передумал и выключил связь.
– Не волнуйся, Александр, – улыбнулся Росс энергетика по возможности уверенней. – Следи за маяком. Я их найду.

Через несколько минут он сел в «черепаху», похожую больше на еловую шишку с лапами, и поднял в воздух тяжелую машину.

Хотя светило стояло почти в зените, проку от него было не больше, чем от земного солнца в дождливый осенний день.

Росс свернул чуть в сторону, где дымные струи поднимались чаще, и оказался над странным многоцветным сверкающим полем. В кабине «черепахи» запел звуковой датчик радиоактивной опасности и одновременно на пульте вспыхнул рубиновый сигнал: гамма-излучение.

– Двести семьдесят рентген! – присвистнул Росс, включая анализатор.
– Торий, америций, берклий... – начал перечислять автомат.

Под «черепахой» проплывал естественный ядерный обогатитель, превосходящий по масштабам все известное людям.

Связь с десантолетом прервалась и возобновилась только после того, как машина миновала залежи трансурановых руд. Росс знал, с каким трудом и как медленно промышленность Солнечной системы создает эти сверхдрагоценные элементы, нужные почти в любой области техники и медицины. Если не произойдет ничего неожиданного, то люди получают великолепный подарок – совершенно открытые залежи этих элементов. Если не произойдет...

Тут машина влетела в белый непроницаемый туман, Росс ощутил покалывание в висках, болезненное подергивание лицевых мускулов, боль в суставах и, испугавшись, рванул «черепаху» вверх.

С полукилометровой высоты он оглядел плато под собой, но тумана никакого там не оказалось. Вместо него над синими изломами теней медленно уплывала в сторону огромная серебристая паутина. Росс ощупал ее локатором, но она никак не прореагировала на это, разве что ему стало казаться, будто из-за паутины на него смотрит затаившийся хищник.

Наконец Росс достиг того места, откуда, по его расчетам, Вихров в последний раз вел передачу на корабль, и остановил аппарат в воздухе. На юге вырастал из-за горизонта массив горного хребта, дрожащий из-за плывущих дымных струй. В противоположной стороне вставала какая-то черная потрескавшаяся стена. До нее было около пятнадцати километров, и подробностей разглядеть Росс не смог, но смотрел на нее долго, чем-то притягивала она взор. Необычностью, безмолвием?

Вдруг низкий гул заставил Росса мгновенно обернуться, и он увидел поразительное явление: по ровной поверхности плато скользила черная скала, окутанная дымом и пылью. Она промчалась под «черепахой», оставив в породе плато глубокую дымящуюся борозду, и вслед за ней скользнули две паутины, сияющие так, что на них было больно смотреть.

Почудилось Россу, окликнул его кто-то, он повернулся к пультам, но связи с кораблем снова не было, мигал тревожно огонек автомата защиты, светились алым индикаторы радиации. В рубке стояла тишина.

Росс поднялся выше, еще раз с высоты километра осмотрел плато до горизонта, включил автоматический режим локации и медленно поплыл в сторону хребта, прочь от черной стены. Он уже догадался, что это и был тот самый загадочный Город, открытый ими еще с орбиты трансгала.

Гравистрелок

Бледное лицо, запавшие глаза, серебро седины в волосах. Грант с отвращением оттолкнул зеркальный прямоугольник и посидел немного, наклонившись над пультом. Потом резко встал и пошел в душевую корабля. К началу сеанса связи он уже выглядел достаточно уверенным и спокойным, чтобы не вызвать нежелательной реакции у Реута.

В три часа дня корабельного времени вспыхнул виом связи, и энергетик спросил:

– «Ствол», как видите?

– Вижу плохо, слышу хорошо, – скупой улыбнулся Грант. – Что нового?

– Иван обнаружил залежи радиоактивных руд. Больше пока ничего, пошел на второй круг.

– Так. Ну, а у тебя что?

– Прилетала паутина, покрутилась и ушла. Да, когда она подошла близко, связь с «черепахой» нарушилась.

– Понятно... Никто не запрашивал?

– Никто.

– Ты вот что, Саша, – сказал Грант, – ты не выключайся, пусть связь будет включена постоянно.

Реут молча кивнул.

Целый час Грант терпеливо работал с координатором, обрабатывая сведения, собранные кибернетическим комплексом, время от времени подбадривая энергетика отвлекающими разговорами. В глубине души он сознавал, что скорее подбадривает себя, чем менее опытного Реута, но ожидание превратилось бы для него вообще в невыносимую муку, если бы не эти разговоры. Грант не помнил, кто сказал: «Единственная настоящая роскошь – это роскошь человеческого общения», но, наверное, это был великий человек.

– Странная, должно быть, эта цивилизация, – отвечая на какие-то свои мысли, сказал Реут. – Если она, конечно, существует на планете. Создала отталкивающее поле, нами не интересуется... Любопытно, что имел в виду Тихонов, говоря о смертельной опасности? Может, разница в технических средствах сказывается и в оценке опасности?

– Положим, это спорно, – не согласился Грант. – Психологически мы ничем не отличаемся от людей прошлого века. Но с тем, что на планете творятся странные вещи, я согласен.

– Вот, – радостно воскликнул вдруг энергетик. – Иван...

В тот же миг изображение поста управления десантолета исказилось – Реут что-то возбужденно говорил, но слышно его не было, – и связь оборвалась.

Грант невольно посмотрел на главный виом корабля и увидел на поверхности планеты тонкую оранжевую линию. Линия наливалась белым светом, с тысячекилометровой высоты орбиты она казалась безобидной и не страшной, но возникла она как раз там, где опустились на плато два земных корабля, и Грант прикусил губу, представив себе реальные масштабы явления.

Росс отдал управление автомату и устало откинулся в кресле. Близился вечер, но ни аппарата Умбаа, ни звездолета «Могиканин» он не нашел. Эфир тоже был пуст, если не считать постоянного глухого шума в динамиках – фона приема. Иногда только пробивались всплески маяка десантолета да редкие сообщения Реута, утомленного своим бездейственным дежурством и ожиданием.

И вот на исходе дня, когда Росс решил повернуть к десантолету, локатор вдруг засек металл – золотом просияла на экране точка. Росс от неожиданности среагировал запоздало, и точка пропала, но он обнаружил ее снова.

«Черепеха» увеличила скорость, а спустя полчаса Росс понял, что он нашел корабль. Чужой корабль. Вероятно, это и был «Могиканин».

Стоял он неподалеку от неровной черной стены Города, висели над ним паутины – одна над другой, еще несколько паутин плыли от Города, и Росс не стал рисковать – сел подальше от корабля. Сначала он использовал все диапазоны радио – и светосвязи, рассматривая тупой нос и связку цилиндров (двигатели?) чужого звездолета, окруженного невысокими свечеобразными скалами. Потом навел деформатор на группу скал возле кормы корабля и нажал на спуск.

Грохот расколол тишину, и скалы рассыпались синим дождем осколков. Из расщелин оставшихся скал выползли сизые клубы пыли и скрыли от взора очертания корабля. Зеленоватая мгла затянула все вокруг, стало почти темно.

Росс окружил «черепеху» куполом защитного поля, заметив, как паутины торопливо улетают прочь, высадил из грузового отделения робота технической службы и вылез сам. Он решил подождать несколько минут, а потом идти к кораблю, надеясь на свои защитные средства.

Пыль голубым налетом осела на скалы, почву, корпус робота, и, когда терпение Росса иссякло, из-за кривых каменных столбов вдруг донесся топот бегущего человека. В просветах замелькало что-то белое, и на ровное место выскочил маленький человек в просторном белом балахоне, огромной каске под прозрачным пузырем шлема и с тяжелым излучателем в руке, скорее всего лазерным.

Увидев две зеркальные уродливые фигуры, он круто затормозил и выбросил вперед руку с излучателем. Не будь рядом робота-охранителя, Росс, наверное, и сам среагировал бы соответственно, но внутри металлической фигуры робота что-то зашелестело, и пространство между обоими людьми затрепетало и искривилось.

– Отставить, – спокойно сказал Росс, и робот послушно снял поле.

Глаза у незнакомца были дикими, быстрыми, и весь он казался нервным и порядком растерянным. Он явно не знал, кто перед ним, и переводил взгляд с одной фигуры на другую.

– «Могиканин»? – спросил Росс, включая внешний звуковой передатчик.

Человек вздрогнул, закивал головой и что-то горячо заговорил, показывая рукой то на снующие паутины, то на свой корабль.

– Я вас не слышу, – сказал Росс. – Давайте в кабину, там безопаснее.

Незнакомец заговорил еще быстрее, затем махнул рукой и полез в люк вслед за роботом.

Здесь, в кабине, когда они сняли облачение, Росс понял, что недооценил возраст незнакомца. Было ему где-то под семьдесят. Остроносое, худое лицо его состояло как бы из двух половин: верхней – белой, ранее скрытой под каской, и нижней – загорелой до цвета меди. Был он узкоплеч, хрупок и со стороны, в своем белом изоляционном комбинезоне, казался подростком. Если бы не лицо.

– Я – Росс, математик и помощник командира трансгалактического корабля «Спир», – сказал Росс, приглаживая волосы. – Вы Тихонов?

– Нет, я – Молчанов, археонавт³ экспедиции, заместитель командира звездолета «Могиканин». Тихонов остался в корабле. Мы уже не надеялись...

– Мы нашли ваше послание. А также встретили в космосе разбитый вездеход с двумя... людьми.

Молчанов несколько секунд беззвучно шевелил губами, не сводя с Росса горящего взгляда. Потом очнулся, потеряв лоб дрожащей рукой, и глухо сказал:

– Это были Коротков и Ульссен, физик и врач экспедиции. Они пропали без вести в первом же поиске... Но вы, вы зачем высадились в этом аду?! Тихонов же предупреждал!

– Тихонов предупреждал, – тихо сказал Росс, – но мы пришли за вами. Двое наших товарищей тоже пропали без вести, не найдя вас. Нашел я.

Молчанов сник.

– Уходите. Никого вы уже не найдете. Они вернулись бы сами, имей эту возможность...

Росс резко выпрямился, и гневное слово застыло у него на губах.

– Я найду их, – сухо сказал он. – У меня мало времени. Как сообщить вашему командиру? Да, кто с вами третий?

– Его нет, – пробормотал Молчанов, не поднимая головы. – Он пошел в Город и... не вернулся.

– Город?

– Это, собственно, никакой не Город. Черные скалы, похожие на развалины. Ночью они светятся и становятся похожими на растрескавшийся ледник.

– Вот совпадение. Мы тоже называли эти образования Городами... Так каким же образом мне сообщить Тихонову? Радио у вас не работает?

– Нет. Проектор на вашей машине имеется? Помогите. Азбуку Морзе знаете?

– Нет.

– Тогда давайте я.

Росс посмотрел, как Молчанов заставляет мигать проектор, надел скафандр и отправился встречать командира «Могиканина».

Как и в прошлый раз, он вышел с роботом и уже прошел полпути до корабля, как вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд.

– Назад! – закричал вдруг из кабины «черепахи» Молчанов. – Назад! Гравистрелок! Назад!!!

Появившийся из-за скал Тихонов предупреждения Молчанова слышать не мог, но он был опытнее Росса и увидел опасность раньше. Правда, ему это не помогло.

Росс успел только заметить над собой решетчатый крест, и в тот же миг скала рядом с ним разлетелась в пыль, и, если бы не защитное поле робота, его не спас бы даже скафандр высшей защиты. Все же его сбilo с ног. Не дожидаясь, пока уляжется пыль, он вскочил, подбежал к Тихонову, который лежал ничком в десяти шагах, подхватил его и, не оглядываясь, поспешил к машине.

Еще один громовой удар настиг его у люка. На этот раз удар был намного сильнее, но робот спас людей и теперь. Росс, ругаясь шепотом, втащил тяжелое тело командира «Могиканина» в тамбур и захлопнул люк.

Экраны внешнего обзора показали им, как странный крест добивал робота. Последний удар швырнул разбитый остов робота высоко в воздух, и там, на высоте трех сотен метров, он взорвался, истекая рыжим пламенем.

---

³ Археонавтика – космическая археология, наука, изучающая историческое прошлое исчезнувших внеземных цивилизаций.

Вдвоем с Молчановым они раздели Тихонова и ужаснулись: тело его напоминало пропитанную кровью губку. И Росс подумал, что Тихонову вряд ли поможет теперь даже совершеннейшая медицинская аппаратура трансгала. А может быть, и Земли...

Крест принялся за «черепаху». Третий удар, потрясший машину, заставил Росса сесть за пульт, и тут словно мститель проснулся в нем. Росс неистово прошелся по кнопкам автоматической наводки деформатора, и сетка прицела накрыла и чудовищный крест, и сопровождающие его паутины. Ого, вон вас сколько! Подождал, пока нальется алым светом индикатор накопителя, и нажал на спуск.

«Черепаху» подпрыгнула, уши заложило от пронзительного вопля разряда, а там, где только что крутились паутины, чиркнуло огненной полосой, и паутин не стало. Исчез и крест.

Росс оглянулся, и Молчанов вздрогнул, встретив его жесткий и холодный взгляд. Впрочем, Росс тут же смягчился, кивнул Молчанову на кресло и поднял аппарат вверх.

Однако не успели они пролететь и двух километров, как вдруг на кормовом экране «черепахи» вззошло второе солнце, похожее на исполинскую цветную капусту. Оно расцвело на поверхности планеты неожиданным ядовитым цветком, постояло так с минуту и стало гаснуть. «Черепаху» догнала волна яростного гула и разбилась о ее неприступную броню.

– Звездолет! – побледнев, прошептал Молчанов. – «Могиканин»!..

Росс увеличил скорость.

Реут разговаривал с командиром, наблюдая, как возвращаются механоматы, выпущенные Умбаа почти сутки назад.

Глухой подземный гул заставил его вскочить и прислушаться. Задрожали стены, десантолет закачался на амортизаторах, а всего в полукилометре от него лопнула земля, и вал слепящего пламени, вырвавшийся из этой трещины, покатился на корабль.

Реут прыгнул к пульту и вдавил разом клавиши запуска генераторов защиты и аварийного старта.

Десантолет беззвучно взмыл над искривленными скалами, искривленной огненной пропастью, искривленным горизонтом. Счетчики отзвонили радиоактивную тревогу, заревел басом динамик универсального приемника, а из пышущей жаром бездны, поглотившей то место, где только что стоял корабль, вымахнули вдруг один за другим ослепительные шары и с булькающим гулом ушли в небо, сопровождаемые уже знакомыми паутинами. Десантолет закачало с боку на бок и потащило вслед за ними.

Реут опомнился и отвел корабль подальше от неожиданного катаклизма, посадив его за частокол оплывших, словно свечи, скал. Здесь и нашел его Росс, не потерявший присутствия духа и во время разгула неведомых стихий.

Растерянность и надежда отразились на лице Реута, когда робот внес в рубку безжизненное тело Тихонова.

– Уходим, – коротко сказал Росс, снимая скафандр и помогая Молчанову. – Саша, это Молчанов, археонавт «Могиканина», позаботься...

Реут встрепенулся и бросился к оцепеневшему маленькому человечку, покорно разрешившему себя раздеть, напоить и усадить в кресло. Росс быстро уложил тело Тихонова в запасное кресло, попробовал связаться с трансгалом, но безуспешно – ионизация воздуха была слишком велика – и решительно включил автоматику старта.

Провалилась вниз дымная стена багрового пламени, только что уничтожившая десантолет Умбаа и Вихрова. Мелькнули и исчезли идущие куда-то строем паутины. Затерялась в голубовато-серой дымке поверхность негостеприимного плато, куда звездолетчики ушли на поиски потерпевшего крушение «Могиканина».

Грант бездействовал всего одну минуту. Гнев и ненависть душили его, гнев и ненависть к планете, отнимавшей у него мужество и веру в правильность своих действий, отнимавшей у него главное, что он имел: тепло человеческих сердец. С минуту Грант смотрел на виом, вспоминая лицо Реута, потом сел за пульт.

За полчаса он рассчитал скорость входа аппаратов в атмосферу планеты, при которой отклоняющее воздействие неизвестного поля было минимальным. После этого запустил серию телезондов в сторону ушедших десантолетов, поручив автоматам постоянно следить за их работой. Но изображение, переданное самым нижним зондом, было туманное и словно подернутое рябью. Достаточно ясно Грант смог увидеть только черную «шайбу» Города да светящуюся рубиновую полосу, то и дело перекрываемую полосами дыма.

Тогда он подключился к координатору и с мрачным ожесточением занялся регулировкой системы дальновидения. Ни один из десантолетов не отвечал, и Грант решил, что, если связь с ними не восстановится в ближайшие два часа, он посадит трансгал на поверхность планеты. Ожидание на орбите требовало от него столько мужества, что решительных действий он уже не боялся, хотя в глубине души, конечно, понимал: сам погибнуть в тех условиях он теперь не имеет права.

Он добился того, что объем изображения, передаваемого зондами, прояснился, но в это время координатор произнес торопливую фразу: «Ствол», ответчик «Ветвь-два» возвращается, – а вслед за тем трансгал вздрогнул, замигали виомы-автоматы, втянули приблизившийся десантолет в недра корабля.

Первым в командный зал вошел сосредоточенный Росс. Вошел и остановился, со странным выражением глядя на командира.

– Что? – не выдержал Грант.

Росс, не отвечая, подошел к пульта, выдернул зеркальный прямоугольник и повернул его к Гранту. Тот с недоумением всмотрелся в свое отражение, усмехнулся и оттолкнул зеркало. Волосы его стали наполовину седыми.

– Что? – сухо повторил он.

– Саша готовит десантолет к новому походу. «Могиканина» больше нет, мы нашли только двоих: Молчанова – археонавта корабля и Тихонова – командира. Молчанов спит, переутомлен до крайности. Тихонов в медцентре, спасти его могут только на Земле. На нас напала паутина, удар силового поля и... Умбаа и Виталия отыскать не удалось: их десантолет свалился в пропасть, пустой. Я оставил там бомбовый передатчик, на случай их возвращения к месту посадки. Я иду туда снова, Яр. Удержи только Реута, я не хочу рисковать мальчиком.

Грант долго молчал, глядя на шар планеты сквозь панорамный виом. Он был уверен, почти на все сто процентов уверен, что Умбаа и Вихров погибли. Но пока существовал хоть один шанс, он обязан был сделать все, чтобы найти пропавших и уберечь живых.

– Мне не хочется рисковать вами обоими, – медленно проговорил он, – но один ты не справишься. – И добавил шепотом: – Ты уверен, что они живы, Иван?

– Уверен, – сказал Росс. – Не испытывай меня, Яр. Даже если бы я не был уверен, я все равно пошел бы. Да и ты тоже. Помоги мне с тонизатором, я устал.

Паутина

Десантолет сел в километре от Города, на широком пустыре среди частокола каменных стволов, диких изломов породы и громадных валунов, величиной с многоэтажный дом. Неровная черная стена Города напоминала древние руины, и Россу пришла мысль, что, может быть, они не так уж и далеки от истины, назвав странные образования Городами. Что-то отличало их от естественных формирований, какая-то неуловимая печать инородности. Чужие они были этому первозданному хаосу природы, не тронутой ничьими руками планетарной коре.

Росс включил маяк, связался с трансгалом и сообщил Гранту, что сел нормально.

– Ты поосторожнее там, Иван, – попросил Грант. – Если на планете есть жизнь, тем более – разумная, прими все меры предосторожности.

– Ну, если бы здесь была цивилизация, даже негуманоидного типа, то преобразование лика планеты мы заметили бы еще из космоса. Во всяком случае, заметили бы признаки разумной организации.

– Не знаю, – помолчав, сказал Грант. – Откуда мы можем знать, нужно ли преобразование планеты негуманоидам? Разум может проявляться не только в экспансивной форме, а и в форме подчинения внешней среде... – Он резко оборвал себя. – Ладно, я не ксенопсихолог, а ты не на лекции. В общем, ты меня понял.

Грант отошел от экрана, оставив канал связи включенным.

Росс повернулся к энергетiku, делавшему вид, что занят наблюдениями, и пробормотал:

– Волнуется командир... а, Александр?

– А вы бы не волновались? – серьезно спросил тот.

Росс невесело улыбнулся.

– Пожалуй. Ну, что ты там заметил?

– Паутины, – показал Реут. – Летят сюда. А вот это я не знаю что.

Со стороны Города приближался к десантолету черный обломок не то камня, не то металла, порхающий в воздухе с легкостью бабочки. Он два раза крутнулся над десантолетом, будто его что-то притягивало к земному кораблю, и завис на границе его защитного поля.

Росс машинально задействовал исследовательский комбайн, и координатор выдал ему параметры летающей глыбы: плотность не поддается измерению, масса бесконечна, температура поверхности тела более трех тысяч градусов, субмикронное излучение...

– Чепуха какая-то, – произнес Реут. – Бесконечная масса в конечном объеме!.. Что, если прощупать его нейтринным прожектором?

Росс подумал и согласился. Он быстро составил приказ координатору, ввел его в приемное устройство и одновременно дал команду автоматам увеличить потенциал защитного поля в случае какой-нибудь непредвиденной реакции черной глыбы.

В аппаратном куполе десантолета открылась узкая щель, в которую выдвинулись черные рога нейтринных излучателей. Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд. Прожектор включился, черный обломок над кораблем внезапно вспух, выбросив во все стороны черные отростки, по его поверхности побежали ослепительные звезды, отозвавшиеся воем сирены регистраторов радиоактивного излучения. Автомат защиты тут же скачком увеличил мощность защитного поля, и сирена смолкла.

Приближающиеся паутины мгновенно преодолели оставшееся расстояние и отгородили глыбу от корабля решетчатой стенкой. Полыхнуло синее беззвучное пламя, тяжкий удар потряс защитное поле десантолета, а когда люди открыли ослепленные глаза, паутины были уже далеко. Они тащили успокоившуюся черную глыбу к Городу, а за ними медленно опадал хвост дыма и пыли.

Росс попробовал еще раз связаться с Грантом, но махнул рукой и стал облачаться в скафандр.

– Когда ионизация спадет, – сказал он, – успокой командира.

– Я с вами, – сдвинул брови Реут.

Росс поморщился.

– Ты мне нужен здесь.

– Я с вами! – повторил энергетик, и незнакомые нотки прозвучали в его голосе.

Росс обернулся, пристально взгляделся в зардевшееся упрямое лицо Реута и, хмыкнув, указал ему на второй скафандр.

Они вылетели в сторону Города, когда светило уже зашло за горизонт, ненадолго оставив вместо себя светлое пятно ложного солнца. Аппарат обогнул Город с юга, и Росс, отдав управление Реуту, сел за курсовой вычислитель и с головой ушел в работу с локационными установками.

За три часа они слетали на место прежней посадки десантолета, обнаружив над бомбовым передатчиком лесенку светящихся знакомых паутин. Умбаа здесь, очевидно, не появлялся.

То ли они слишком близко подошли к паутинам, то ли по иной причине, но у Росса вдруг заняли зубы, и ему показалось, что их у него не тридцать два, а все шестьдесят четыре.

– Иван, чувствуешь? – запинаясь, выговорил Реут. Очевидно, ему тоже стало нехорошо.

Росс, прищурившись, навел деформатор и выстрелил, разметав паутины за пределы видимости. Сигналы передатчика тут же зазвучали с прежней силой, заэкранированные до этого паутинами.

– Паучья жизнь! – сказал Реут, облегченно вздыхая.

Росс не ответил, снова занявшись локаторами. Ощущение чьего-то постороннего присутствия не проходило. Будто путник подошел к хижине, постучав в окно робкой рукой, и стук этот коснулся слуха, не потревожив сонной одури хозяина, и остался ускользающей тенью звука, тревожного зова, странного дразнящего эха... Росс мельком посмотрел на виомы внешнего обзора, заметил выплывающую из темноты паутину в форме креста и недовольно поморщился. Паутины были слишком назойливы и любопытны, чтобы быть просто представителями растительного или животного мира планеты. Они всегда появлялись там, где находились люди и земные машины, и это их любопытство стало казаться Россу целенаправленным и осмысленным. Ему не хотелось пугать Реута, но он все же связался с десантолетом, а через него с командиром – очередной каприз атмосферы позволил им установить связь.

Грант выглядел скверно, и Росса кольнуло острое чувство жалости. Он коротко передал свои соображения о жизни планеты и о результатах поисков. Грант сказал только одно слово: «Хорошо», – и отвернулся, и Росс, чувствуя себя виноватым, подавил в себе желание приободрить командира. Грант не понял бы этого.

Глубокой ночью, когда усталый Росс уже потерял всякую надежду отыскать как сквозь землю провалившийся куттер товарищей, локатор вдруг засек точечный источник радиоизлучения. Таким источником мог быть индивидуальный радиомаяк скафандра кого-то из пропавших, и Росс, не раздумывая, повернул «черепаху».

Через несколько минут машина остановилась над тем местом, где сигнал был наиболее слышен. Росс включил прожекторы и спикировал на бугристую поверхность плато. Реут замешкался, накидывая капюшон скафандра, и когда выскочил из тамбура, то увидел, что Росс стоит возле какого-то непонятного сооружения, освещенного прожектором.

– Что это? – удивился энергетик.

Сооружение напоминало раздавленную гусеницу ржавого цвета с выступами по днищу. Один из концов его был смят страшным ударом, от которого потек материал стенок, и теперь «гусеница» представляла дырявую скорлупу диаметром в два человеческих роста. О ее назначении ничто пока не говорило.

Росс обошел «гусеницу», касаясь рукой гребенки длинных, кое-где поломанных шипов, выступающих полосой вдоль ее борта, и остановился возле щелеобразного отверстия в передней части.

– Пеленгатор привел нас сюда, – задумчиво сказал он. – Но это не земная машина. Странно...

Реут стукнул кулаком в гулкий бок сооружения и вдруг отскочил. Внутри скорлупы что-то зашуршало, из отверстия выскользнул тонкий светящийся брусок. Вне «гусеницы» он развернулся в плоский двухметровый лист – фиолетовые искорки на нем казались шерстью – и

поплыл прочь от людей. Через минуту он затерялся среди скал, остался слышен только его радиоголос, удивительно напоминавший звонкую капель радиомаяка.

– Пошли назад, – сказал Росс, пряча деформатор в спецкарман. – Ложная тревога. Кстати, без оружия выходить опасно...

– Что это было? – спросил Реут уже в кабине.

– Машина, – помолчав, ответил математик. – Чужая машина. Или ты о чем спрашиваешь?

Под утро Росс устал настолько, что не помогали уже ни стимуляторы, ни гипнодуш. Связь с трансгалом держалась довольно устойчиво, несмотря на то что за «черепахой» неуклонно следовала голубая паутина.

Грант, тоже не отдыхавший последние двое суток, измотанный ожиданием и тревогой, сказал невыразительным тусклым голосом:

– Возвращайся, Иван. Чтобы обыскать тысячи квадратных километров горной страны, нужны сотни аппаратов... возвращайся...

– У них еще есть энергия, – упрямо сказал Росс, – а значит, и кислород. Мы будем искать. «Если только они живы, – подумал он. – Но иначе я не могу. И ты, командир, тоже».

Паутина приблизилась на расстояние вытянутой руки, изображение раскололось, и связь прервалась.

– Проклятье! – прохрипел Росс, откашлялся и махнул рукой. – Давай снова к Городу, попробуем поискать там. Дальше Города они уйти не могли...

Реут молча повернул машину.

«Досталось парню, – думал Росс, поглядывая на усталое, ожесточенное неудачами лицо энергетика. – Гибель экипажа «Могиканина»... Виталий и Умбаа... Себе-то я уже могу признать в бесполезности поисков. Если бы куттер уцелел, мы бы уже давно их обнаружили. А без машины они... Ах, Умбаа, Умбаа...»

Под шепот и вздохи невидимой толпы – паутина не хотела отставать от аппарата – они долетели до Города, и тут автомат снова засек точечный источник радиоизлучения. Источник перемещался, он был уже где-то в черте Города, то появлялся, то исчезал; Росс, сменив энергетика, сам сел за управление.

«Черепаха» взлетела над сияющим голубовато-прозрачным массивом. Несколько минут казалось, что они вот-вот догонят неведомый источник, но потом пеленг пропал, и Росс заметил странное движение в кильватере машины. Там, где она пролетала, «сооружения» Города начинали вдруг искажаться и оплывать, усиливая свечение. Позади «черепахи» образовывался длинный огненный след, отчетливо видимый на плоской потрескавшейся поверхности Города, как след корабля на воде.

В кабине разгорелись индикаторы радиации, зашумел динамик приемника. В тишину ночи вторгся какой-то низкий приглушенный гул.

– След, – с вялым удивлением сказал Реут. – Посмотри, Иван.

Росс, не отвечая, круто развернул машину и бросил ее в пике. Они пролетели всего в нескольких метрах от поверхности крыши одного из «зданий» Города, которое вблизи больше всего напоминало глыбу подсвеченного из глубины стекла. В тот же миг корпус «черепахи» потряс громовой удар, потом второй. Реут прикусил язык и обеими руками вцепился в подлокотники кресла. Росс напрягся, удерживая машину на курсе, шея его налилась кровью.

– Паутины, – шепелявя, произнес Реут. – Сзади паутины, Иван.

Росс оглянулся, бросил машину вверх, и это спасло их от третьего силового шлепка.

Паутины отстали от них лишь после того, как математик ответил на их тяжелые залпы разрядом деформатора.

С высоты плоская вершина Города видна была очень хорошо, и в центре ее вставал сияющий факел, окруженный снующими паутинами.

Росс наблюдал это явление с минуту, еще не догадываясь, что именно пролет «черепахи» стал причиной загадочной вспышки. Темное лицо его было бесстрастно, но у Реута вдруг тоскливо заняло сердце и слезы навернулись на глаза.

– Как же они?... – дрожащим голосом сказал он. – Иван, они же... Виталий... Умбаа...

– Будем искать, – тихо ответил Росс. – Будем искать их, малыш...

В стороне от них к Городу спешил строй паутин. Их было много, очень много, они почти сливались друг с другом, казалось, что плывет одна сверхгигантская светящаяся сеть, которой не видно ни конца ни края.

Рассвело незаметно. Полоса неба на востоке налилась оранжевым свечением, раскалилась и вспыхнула. А когда она потеряла свой режущий блеск, оказалось, что светило уже стоит над дрожащей размытой чертой горизонта. Связь с трансгалом тут же ухудшилась, а потом и вовсе пропала.

– Куда теперь? – спросил, едва шевеля губами, Реут. Он сидел за пультом слишком прямо, словно боясь шелохнуться, и не узнать в нем было прежнего застенчивого мальчика. Теперь это был усталый донельзя, повзрослевший молодой человек, который мог понять гибель товарищей, но не примириться с ней.

– Домой, – вздохнул Росс. Нервная и физическая усталость сковала его цепями полусна-полуяви, но ради Реута он держался изо всех сил, стараясь казаться решительным и целеустремленным. Удавалось это ему с трудом.

И очень сильно мешали вести поиск паутины. Их стало три, шли они за «черепахой» не отставая, и тягучий их шепот все настойчивее лез в уши, в мозг, заставляя оглядываться и прислушиваться.

Предчувствие неведомой опасности охватило Росса. Он даже на некоторое время забыл об усталости, настолько сильным было чувство опасности.

Наконец они оказались где-то совсем близко от десантолета, курсограф вывел их «по памяти» к месту посадки. И тут Росс понял, в чем дело. Предчувствие не обмануло его. Первое, что удивило, – отсутствие радиокрика маяка. Второе – корабля на месте не было. А над местом посадки корабля кружило несколько знакомых черных скал, накрытых одной громадной белесой паутиной.

– Корабль закапсулирован, – с тревогой сказал Реут, догадавшись, в свою очередь, о причине исчезновения десантолета.

«Сработали автоматы защиты, – подумал Росс, сажая «черепаху» метров за сто от центра «пустоты». – А это значит – существует прямая угроза кораблю, угроза гибели. В такой ситуации автоматы защитное поле не снимут, если не будет приказа... а приказа они не услышат... Что же делать?»

Минуты три Росс рассматривал карусель черных обломков, насвистывая какой-то сложный мотив. Но подлетевшие близко паутины вынудили его действовать. Сначала он отогнал непрошенных гостей несколькими разрядами из деформатора. Потом решительно высадил Реута из кабины, поколдовал над пультом и вылез сам.

– Как только в поле откроется проход, – сказал он энергетику, преодолевая внезапный нервный озноб, – беги что есть сил. Потом откроешь проход и для меня.

– Может, вместе? – растерялся Реут.

– Я подстрахую, – отрезал Росс. – Паутины возвращаются...

Он жестом приказал Реуту приготовиться и бросил в микрофон неразборчивую фразу.

«Черепаха» беззвучно тронулась с места и заскользила к невидимому кораблю, убыстряя ход. Метров за пятьдесят от центра пустыря она вдруг ударилась о непроницаемую стену защитного поля, и тотчас же чудовищный вихрь пламени разнес ее на атомы.

Координатору десантолета понадобилось две секунды на анализ неожиданного нападения, и он понял.

– Пошел! – толкнул Росс энергетика. – Быстрее!

Реут заметил яркий круг входа, возникший в защитном поле, и побежал. Росс несколько раз выстрелил из ручного деформатора над его головой, отгоняя норовящую упасть сверху паутину, потом, почуяв над собой какое-то движение, упал лицом вниз и тут же перевернулся. На него опускался огромный сетчатый крест, названный еще Молчановым гравистрелком. Вместе с крестом десятки паутин падали с неба: на корабль, на бегущего человека, на скалы вокруг.

– Гады! – с тоской сказал Росс. – Дайте уйти мальчику, гады!

Ему показалось вдруг, что светило погасло и с небес хлынула волна тьмы. Он уже не видел, как из стаи паутин выпал полупрозрачный, как призрак, серый шар, и тенью скользнул к Реуту, словно прикрывая его от нападения сверху. Реут успел нырнуть в проход.

Серый призрак метнулся назад, но в этот миг ослепительный свет вспыхнул над скалами, сомкнулся над лежащим Россом и, отозвавшись грозным гулом в теле планеты, вознесся на недостижимую высоту.

А когда застыли пузыри расплавленной породы и с неба стал падать черный пепел, со стороны далекого хребта приплыла крестообразная паутина, наткнулась на серого призрака и остановилась поодаль. Так они висели над серебристым пятнышком, вплавленным в дно небольшого кратера, то опускаясь ниже, то поднимаясь, потом откуда-то примчался еще один призрак, и оба странных шара пошли вверх, набрали скорость и исчезли.

Ужас тайны

Проводив десантолет, Грант продолжал заниматься телезондами, добиваясь, чтобы они передали четкое и ясное изображение поверхности планеты с разных высот.

Молчанов, принявший гипнодуш и стимуляционное облучение, чувствовал себя достаточно сносно и, выбравшись из медцентра, пришел в командный зал. Одиночество страшило его.

– Как я понял, – сказал он, понаблюдав за действиями командира корабля, – вы мой потомок? Не прямой, но все же потомок? Сколько же времени прошло на Земле с момента старта нашего звездолета?

– Сто три года, – сказал Грант машинально и спохватился. Но Молчанов только кивнул головой, принимая ответ как должное и ровным голосом произнес:

– А в корабле мы прожили всего полтора года. Всего полтора...

Он встал и подошел к креслу командира, который наблюдал, как вариатор вырезает в общем объеме изображения окон связи с телезондами. Сейчас в окне как раз проплывал черный массив Города.

– Город, – сказал Молчанов тихо. – Horror kriptos – ужас тайны! Он унес у нас семь жизней, больше половины экипажа... Проклятая планета! Возвращайте своих людей, командир, пока не поздно – возвращайте. Иначе и их придется списать в пропавшие без вести.

Грант только покачал головой:

– Вам надо отдохнуть, Эвальд. Кстати, сколько вы пробыли на планете?

– Двадцать суток.

– Двадцать?! Я думал, гораздо больше... И вы не пытались за это время найти объяснение агрессивности к вам... к нам, к людям, чужой жизни? Что заставляет нападать на нас паутин? Или... этих... как вы их называете? Гравистрелков?

Молчанов улыбнулся странной безжизненной улыбкой.

– Мы пытались. Зачем бы мы садились на планету, если не были бы исследователями? А паутины... Не знаю. Иной раз их поведение напоминало поведение любопытного зверя. Ино-

гда они настойчиво стремились оттеснить наши вездеходы в сторону океана... Но чаще всего нападали. А кресты, то есть гравистрелки, нападали всегда, стоило им только увидеть наши аппараты. Если это машины или эффекторы иных мыслящих существ, то разум планеты принципиально отличается от человеческого.

– Вы говорите как специалист.

– А я не только археонавт, а еще и ксенобиолог экспедиции. Сто лет назад звездолетчики обязаны были иметь несколько профессий.

– Сейчас универсализм необходим для космолетчиков еще больше. – Грант оторвался на какое-то время от работы, задумчиво посмотрел на Молчанова и попросил его помощи. Не потому, что помощь действительно требовалась, а потому, что в работе человек приобретает уверенность. Молчанову уверенность была очень нужна.

Следующие несколько часов они работали с аппаратурой кибернетического комплекса. Запустили на разные высоты два телезонда, связь с которыми держалась очень неустойчиво, несмотря на все ухищрения координатора. Объяснить перебои связи одной только ионизацией воздуха все-таки было нельзя, что-то еще нарушало связь, какой-то неизвестный людям фактор.

Грант дважды разговаривал с Россом и с каждым разговором все больше мрачнел. Потом связь оборвалась и уже больше не возобновлялась.

Внизу под трансгалом наступила ночь. Истекли третьи сутки их пребывания в районе спутника квазизвезды. Третьи сутки непокоя... В дивном мерцании ночной стороны планеты было что-то зловещее. Потрясающее равнодушие, с которым она охраняла свои тайны, уничтожая и отбрасывая все постороннее, было равнодушием машины, механического сторожа, запрограммированного стрелять в любую движущуюся цель вблизи охраняемого объекта, и Грант впервые задумался над причинами странной враждебности планеты к людям, существам не агрессивным, способным отличить добро от зла, понять собеседника без угроз и применения силы. Правда, успокоить его эти размышления не могли.

В первом часу ночи по времени корабля чистый зуммер галактического ТФ-приема заставил Гранта в изумлении подскочить к пульта. Молчанов, дремавший в соседнем кресле, поднял голову.

– Дежурное сообщение с индексом третьей степени срочности, – доложил координатор. – Запрос Технического совета Земли и почтовые сообщения.

– Почта... – хрипло сказал Грант. – Пришла почта.

В панели дешифратора открылась щель, и высунувшийся языком манипулятор подал пять цветных зерен – видеокассеты для личных инфоров и два прозрачных карандаша – сообщения для командира. Координатор уже материализовал бестелесный голос Земли в кристаллы писем.

Грант медленно сыпал в ладонь зерна: изумрудное – для Реута, фиолетовые – для Росса, ярко-желтые – для Умбаа, молочно-белое – для Вихрова и голубое – от Тины. Для него. Так же медленно Грант сыпал письма в приемник своего информера, спрятал его в карман и взял прозрачные кристаллы официальных сообщений.

Председатель Технического совета Земли Столетов запрашивал подробный отчет об открытии квазизвезды в пылевом облаке и просил сообщить свои соображения о целесообразности посылки в этот район Галактики специальной экспедиции.

Второе сообщение было от руководства Управления аварийно-спасательной службы сектора Солнечной системы. В нем еще раз напоминалось о необходимости соблюдения параграфов Устава коммуникаций при открытии населенной планеты и об осторожности при выборе средств для спасения экипажа «Могиканина».

– Конфликты нежелательны, – повторил Грант, но смысл фразы не сразу дошел до его сознания. – Нежелательны...

Письма... В кармане лежали письма для товарищей. Письма для Умбаа, Вихрова, Реута и Росса. И письмо от Тины... как упрек в том, что он в безопасности, под защитой трансгалактического корабля, а они там... в аду... Если они ЕЩЕ там.

Связи с Россом все не было, и он дал команду послать еще два телезонда в направлении Города.

Под утро Грант, безотрывно всматривающийся в черноту экранов, напоминающих ему пустые глазницы черепа, заметил в расположении Города вспыхнувшую чистым зеленым светом звезду. Через некоторое время там еще зажглась звездочка и еще, будто огоньки гелиосварки. Молчанов, уснувший в кресле в неудобной позе, встрепенулся, услышав восклицание командира, и стал тереть глаза.

Но Грант только приказал выпустить еще два зонда – последние. Большого он сделать не мог. Со стороны он казался сосредоточенным и спокойным, холодным, как свет Луны. Но письма в кармане жгли его душу, и если бы кто-нибудь знал, как натянуты до предела его нервы, как мучительно ищет мозг пропавшую надежду. Ищет – и не находит. А найти надо, обязательно надо. Потому что рядом в кресле сидит человек, потерявший на планете всех своих товарищей. Потому что каждый прошедший миг может оказаться последним для Росса и для Реута, Умбаа и Вихрова. Потому что планета хранит в себе какую-то проклятую тайну, убивающую все живое, а люди ничего не могут ей противопоставить. Ничего, кроме своей решимости и бесстрашия.

Утром связь восстановилась на несколько минут, и Грант увидел трагедию гибели Росса.

Какое-то время он стоял неподвижно, окаменев от горя; потом вдруг стремительно повернулся к пульту, нащупывая эмкан.

– Старт!

– Нет! – бросился к нему Молчанов, схватил за руку. – Не надо! Их не вернешь!..

– Прочь! – зарычал Грант. – Там Умбаа, Виталий!.. Мы найдем их!

Молчанов отпустил его и, переведя дыхание, оперся о пульт костяшками пальцев.

– Что ж, – сказал он сдавленным голосом. – Действуйте! Я не боюсь смерти, я слишком часто встречался с ней один на один. Но с нами Тихонов, он не может сказать ни да, ни нет, и вы отвечаете за его жизнь. И этот мальчик, что возвращается один, он тоже надеется на вас, на ваше правильное решение... Но все равно действуйте, если иначе нельзя...

Грант уронил голову на руки и затих.

Корабль едва заметно вздрогнул – автоматы приняли изуродованный десантолет, вскрыли и деловито принялись за ремонт. Но никто не вышел из него. Реут лежал ничком поперек рубки в расстегнутом скафандре, и лицо его представляло маску страдания и отчаяния.

Грант вдруг вскочил, вынул из кармана инфор и хватил им об пол. Блестящий диск разлетелся цветными брызгами, и это отрезвило командира. Он оглянулся на открытый вход в зал – где-то в недрах корабля ждал его раненый Реут – и заставил себя сделать шаг, другой...

Часть вторая. Спасательный Рейд. Сташевский

Тартар

Сырое дыхание низкой облачной пелены разогнало даже крикливых четырехкрылых птиц, единственных крупных хищников на континенте. Казалось, само небо – серое, беспросветное, монотонное – упало на мокрый лес, и он съежился и притих.

Внизу под Греховым на склоне холма шевельнулись ветки кустов, и на лесную поляну вышли двое: невысокий, грузноватый мужчина с совершенно седой головой и маленькая женщина с печальными глазами. Конечно, отсюда, с высоты, Грехов не мог видеть выражения ее глаз, просто знал, что они всегда печальны. На эту странную, молчаливую пару он обратил внимание в первый же день своего пребывания в санатории. Издали принял их за отца и дочь, на самом деле они оказались мужем и женой. Его звали Грант, Ярослав Грант, ее – Тина. От врачей Грехову стало известно, что он звездолетчик, попал в какой-то переплет, получил психическую травму и вряд ли теперь сможет вернуться к своей работе, несмотря на все волшебство медицины.

Однажды Грехов случайно встретил их в лесу, и его поразило то выражение боли и нежности, с которым Грант обращал к жене лицо. Вообще, видел их он довольно часто, вот как сейчас, например: территория заповедника, где располагался санаторий, была небольшой. Дважды прилетал к ним молодой человек лет двадцати, чем-то похожий на Гранта; поначалу Грехов принял его за сына, но и тут ошибся... Тогда женщина покидала их ненадолго, словно не желая присутствовать при разговоре, но, и оставаясь одни, по мнению Грехова, мужчины молчали. Можно было подумать, что юноша лишь затем и прилетал, чтобы побыть рядом с седым – молча, сурово, без тени улыбки. В поведении их оставалась какая-то недоговоренность, заставляющая задумываться об удивительной непостижимости человеческих отношений. Но Грехов, как и они, искал уединения, уповая на его целительные свойства, никак не находил его и в конце концов понял, что великолепные чарианские врачи могут вылечить тело, но не в состоянии исцелить душу. Это под силу разве что времени, постепенно разрушающему скорлупу тоски и горечи...

Мужчина посмотрел вверх, заметил его пинасс, взмахнул рукой. Грехов тоже помахал в ответ. Женщина оглянулась, потянула Гранта за рукав, и они исчезли за деревьями. Но память долго хранила этот робкий жест.

Грехов зябко передернул плечами и усилил обогрев костюма, хотя холодно ему не было – чисто психологический эффект. Дождь начался сразу, частый и мелкий, и он закрыл фонарь кабины, пристроился возле пульта управления и задремал.

Разбудил его писк вызова, и, еще не открыв глаза, он коснулся кольца приемника на запястье.

– Габриэль, к вам посетитель. Ваши координаты?

– Западный сектор леса Грусти, – сказал он в микрофон. – Даю пеленг. А кому я понадобился?

Но дежурный уже отключился, и Грехову оставалось только гадать, что за посетитель потревожил его отдых. Может быть, ему наконец разрешат покинуть санаторий? Ведь чувствует он себя превосходно, если не считать постоянной хандры при мысли о работе, о ребятах... о Полине. После катастрофы на Самнии, спутнике Чары, когда он пролежал мертвым три часа в радиоактивном склепе – бывшем спасательном модуле, врачи на Чаре около года боролись за его жизнь, а Полина... она даже не знала, что он на Чаре. Впрочем, она вообще не знала, что Грехов остался в живых. Да почти никто в отряде не знал, потому что чариане по

какой-то причине не сочли нужным сообщить о нем на Землю. Наверное, сомневались в том, что он выживет, но он выжил и чувствует себя прекрасно. Если не считать... Да, о Полине он думал постоянно. И боялся послать ей сообщение. Сам не зная почему, но боялся. Грехов все ждал, что она узнает сама. Может быть, кто-то все же сообщил ей? Диего Вирт, например... или Сташевский. Они-то знают, что он здесь. Но если это Полина...

Грехов даже привстал с сиденья, всматриваясь в серую пелену дождя. Потом рассердился на себя и сел. После своей временной смерти... каково звучит, а?! – после смерти!.. Что ж, он мог сказать так с полным правом. После смерти он стал более впечатлительным, возбудимым, и, откровенно говоря, ему это открытие не нравилось.

В девятом часу утра рядом с его аппаратом опустился наконец чей-то оранжевый галион. Громоздкая фигура выбралась из него, и Грехов вздохнул одновременно радостно и огорченно – сердце ждало другого посетителя. Это был Сташевский, начальник второго отдела Управления аварийно-спасательной службы, его друг и непосредственный руководитель.

– Здравствуй, отшельник, – проворчал он, забираясь в кабину. – Что не весел? Не рад? Не здоров?

– И рад, и здоров. – Грехов с удовольствием рассматривал коричневое от загара лицо друга. – Настроение паршивое. Чариане не выпускают из санатория, повесили на меня кучу датчиков...

Грехов умолк и привычно оглядел небосвод и стену леса на склонах холма. Что-то изменилось там, ничего угрожающего, конечно, но обостренное чувство опасности не раз спасало ему если не жизнь, то целостность шкуры, и пренебрегать интуицией он не имел права. И не хотел пренебрегать.

– Желтый туман, – пояснил Сташевский, наблюдая за ним.

– Ну, естественно, – с облегчением сказал он, – желтый туман. А ты здорово разбираешься в особенностях чарианской атмосферы.

Сташевский засмеялся.

– Просто я узнал это от диспетчера медцентра. К тому же по всей территории заповедника лечебные туманы выпускаются регулярно два раза в сутки. Пора бы знать.

– Ты и это узнал от диспетчера?

– Нет. – Сташевский помрачнел. – Когда-то я тоже отдыхал здесь... после болезни. Дело прошлое... Так ты здоров, говоришь?

– Вполне.

– Ну и отлично! Сегодня с тебя снимут ненавистные датчики, и ты свободен. Честно говоря, я не верил в твое... в общем, ты понял. Они волшебники – чариане, особенно старший врач! Не хмурься, эта женщина спасла тебе не только жизнь, но и здоровье. К тому же, говорят, она отдавала тебе времени даже больше, чем следовало.

– Возможно, – нехотя согласился Грехов. – Как это свежо и оригинально – любовь землянина и инопланетянки... Хотя какие чариане инопланетяне – первопоселенцы.

Сарказм в его голосе заставил Сташевского нахмуриться, но Грехов положил руку ему на плечо и, отвернувшись, пробормотал:

– Ты же знаешь, Святослав, ты все отлично знаешь...

– Что я знаю? – хмуро ответил Сташевский вопросом на вопрос. – Ничего я не знаю. Полина извелась вся, прозрачная стала... Ведь ты ей не сообщал, что желаешь видеть, а она ждала... Поехали.

– Не сообщал, – с трудом сказал Грехов. – Таких сообщений не ждут, летят сразу, если знают куда... А если она знает и не... Куда поехали?

– К кораблю.

– Так сразу?

– А тебе что, парадной формы не хватает? Э-э, дружище, видимо, не совсем ты еще здоров: растерялся, побледнел... Может, останешься еще на пару недель?

– Ладно смеяться. – Грехов включил двигатель, и они взмыли в воздух. – Куда лететь-то? Надо же предупредить в медцентре, датчики снять.

– Это минутное дело, а на корабле тебя осмотрят медики УАСС как живой экспонат. Не возражаешь?

Грехов не возражал.

– Но я еще не все сказал, – прищурился Сташевский. – Я тоже думаю, как и чарианка твоя, что ты здоров. Поэтому скажу сразу – вылетаем мы в район туманности Черная Роза, звезда Тина, планета Тартар. По каналам управления объявлена тревога: планета смертельно опасна для человека, необходимо наше вмешательство. Код тревоги – жизнь людей! И учти – там будет очень несладко!

«А где бывает сладко? – подумал Грехов. – Там, куда посылают нас, всегда горько и трудно. И опасно. К чему он это все говорит? Сомневается в ответе? Ждет, что откажусь? Глупо».

– Я выбрал тебя, – продолжал Сташевский, – потому что... в общем, потому что знаю. Правда, посмотрев на тебя, нас могут неправильно понять. В научном центре же не знают, что тебе уже двадцать девять, а не пятнадцать лет, на которые ты выглядишь.

– Старо, Святослав. Ты можешь сказать толком, что нам предстоит?

Сташевский пожал плечами.

– Обычный спасательный рейд... ну, не совсем обычный, конечно. Потерпи, на базе все узнаешь. Давай-ка побыстрей...

Дождь перестал, стало заметно светлее, и над лесом, над сплошным морем желтого тумана блеснул в дымке шпиль лечебного центра.

В районе тэты Лиры, на промежуточной станции, корабль принял на борт группу спасателей, возглавлял которую, к великой радости Грехова, Диего Вирт. Они проговорили все три часа подготовки и полета спейсера к Тартару, поэтому, когда Сташевский зашел в каюту и осведомился, знаком ли Грехов с информантом по Тине и ее единственной планете, тот только виновато опустил голову.

– Та-ак, – протянул Сташевский, взглянул на часы и ледяным тоном напомнил ему точное значение слова «дисциплина». Уходя, он забрал с собой подмигивающего Диего, а Грехов пристроил кристалл информанта в свой инфор и стал торопливо «перелистывать» записи, надеясь за полчаса до финиша разобраться в материалах хотя бы в общих чертах.

Тартар был открыт случайно в сто семьдесят четвертом году, то есть год назад, печально известной экспедицией к ядру Галактики, ее головным кораблем «Спир» с командиром Ярославом Грантом... Грехов перестал воспринимать текст, прослушал несколько фраз, не поняв их смысла, и тут только вспомнил, откуда ему знакомо имя командира – Грант. Чарианский санаторий... мокрый от дождя лес... две фигуры, неторопливо бредущие по густой траве. Седой мужчина и хрупкая женщина... Вот кто, оказывается, открыл Тартар – Ярослав Грант! Судьба мимоходом свела их и развела, а сейчас Грехову предстоит спасательный рейд на открытой Грантом планете. Опасной планете...

Какое-то время он сидел, бездумно включая и выключая инфор, потом вздохнул и стал слушать дальше. Из скороговорки читающего автомата он понял, что экипаж корабля почти весь погиб (вот она, травма Гранта), спасая людей со звездолета «Могикианин», неведомо как оказавшегося на планете. Они спасли двоих, но погибли сами... «Что ж, я понимаю тебя, Грант, это тяжело. Но ты обвинил себя в их гибели, и в этом я с тобой не согласен. Ты был командиром, а когда в тебе заговорил просто человек, ты забыл, что командир, что боль свою он обязан прятать в себе. Впрочем, не знаю, выдержал бы я...»

Грехов вдруг понял, что не слушает запись, и разозлился. Торопливо прокрутив запись назад, пустил ее снова.

– ...Атмосфера: водород – семьдесят три процента, гелий – пятнадцать, азот, неон, аргон... (наверное, уже данные по планете). Породы материка... (это потом). Океаны... (это потом). Так, вот оно, главное... Образования предположительно искусственного типа, названные Городами. Активная жизнь в насыщенной радиацией атмосфере. Гипотеза универсалиста Сергиенко: негуманоидная цивилизация. Гипотеза универсалиста Гилковского: сообщество гнотобионтов – организмов или колоний организмов, живущих в полностью известных и контролируемых условиях...

Дальше прослушать запись Грехову не удалось. Корабль вышел на силовую подушку стартодрома исследовательской Станции, и по отсекам разнесся певучий сигнал отбоя готовности. Пока деловитые гномы – роботы технической службы – проверяли корпус корабля и двигатели на остаточную деформационную неустойчивость, он рассматривал планету в перископ, без электронной оптики. С высоты Станции она казалась пушистым палевым эллипсоидом с крыльями жемчужного сияния – там, где невидимое сейчас светило пронзало атмосферу. Станция как раз проходила над ночной стороной Тартара. «Мрачноватое название для планеты», – подумал Грехов мимолетно.

– Экипажу на выход, – произнес динамик звонким голосом, и он поспешил из каюты.

В широких светлых коридорах Станции народу было гораздо меньше, чем он ожидал. Иногда встречались научные сотрудники высших рангов – цвет науки Земли, в одинаковых светло-голубых с зелеными змейками костюмах. Грехов с особым любопытством провожал глазами специалистов физики пространств, так как сам несколько лет назад носил их эмблему: алый диск, перечеркнутый золотой стрелой. Но все лица были незнакомыми, и легкая грусть закралась в сердце: прошлое напоминало о себе горечью утрат...

Заглядевшись на группу техников, волокущих по коридору громоздкий ящик (нет грузовых автоматов, что ли?), Грехов ткнулся в спину остановившегося Вирта и быстро шагнул в сторону. Перед ними стоял начальник сектора УАСС Кротас и внимательно разглядывал их светлыми глазами. Рядом с ним, кривя худое нервное лицо, стоял незнакомый Грехову человек в сером однотонном костюме без всяких эмблем и значков. Он был седой, маленький, тонкий, от кривой полуулыбки по лицу бежали морщины, и никак нельзя было в точности определить его возраст.

– Грехов? Рад видеть вас... э-э... живым и здоровым.

– Извините, – пробормотал спасатель. – Спасибо, здравствуйте...

Седой наклонил голову, и Грехов прочел усмешку в его необычно черных глазах. Выручил Грехова Сташевский. Он подошел к ним откуда-то сбоку, несколько мгновений смотрел на седого с какой-то неопределенной миной на лице, потом протянул руку и отрывисто бросил:

– Наш проводник? Я – Сташевский, Святослав.

– Молчанов, Эвальд, – неожиданным рокошующим басом ответил седой, и стоявший рядом Кротас с непонятным облегчением вздохнул.

– Пойдемте. В шесть ноль-ноль заседание Технического совета. Надеюсь, вы не голодны?

– Нет, – коротко ответил Сташевский.

Их молчаливую группу провожали глазами – все знали, что прибыли спасатели, – а Грехов, машинально отвечая на приветствия, пытался вспомнить, где ему уже встречалась эта фамилия – Молчанов.

Они подошли к командному пункту Станции – полусферическому помещению с рядами пультов и туманными стенами выключенных виомов. В зале стоял легкий перекатывающийся говор трех десятков человек. Грехов, оглядевшись, заметил здесь Джаваира, руководителя второго сектора, Шелгунова – начальника отдела безопасности – и еще нескольких специалистов, которых он знал по работе. Почти все руководство управления...

– Сейчас начнем, – тихо сказал Кротас, словно почувствовав волнение Грехова.
– Что же здесь произошло? – так же тихо спросил тот.
– Отряд ученых и коммуникаторов ушел на поверхность Тартара и не вернулся... – ответил начальник сектора и не договорил.

В зал вошел высокий, огненно-рыжий мужчина с огромным носом. Грехов с любопытством принялся его разглядывать. Он ни разу не видел заместителя председателя Высшего координационного совета Земли в лицо, только слышал о нем, но ошибиться было просто невозможно. Левада коротко поздоровался со всеми и прошел к пультам.

Грехов притронулся пальцами к плечу Сташевского – какое-то инстинктивное движение, ей-богу, – и приготовился слушать.

Десантный модуль медленно отделился от ажурного тела Станции и серебристой каплей стал падать в бездну. Синий диск Тартара казался отверстием в черной толще, а модуль – воздушным шариком, поднимающимся из-под земли к небу.

Пока их маленький кораблик вели по энерголучу со Станции, Сташевский был спокоен: со стороны их никто не увидит и не запеленгует. Но в атмосфере они могли полагаться только на опыт и умение пилота, и Сташевский невольно поглядывал на Диего Вирта, сидевшего у пульта с небрежной грацией профессионала.

В тесной рубке модуля расположились всего четыре человека: сам Сташевский, Диего Вирт, вполне оправдывающий свою фамилию Молчанов и Грехов, с интересом наблюдавший за ходом спуска. То, что их экспедиция – спасательный рейд, его волновало мало. То есть волновало, конечно, но за три года работы в УАСС он уже успел привыкнуть к постоянному риску и вечному ожиданию поединков с неизвестными или известными силами природы. Поэтому настоящая экспедиция была для него обычной формой работы. Его работы...

Грехов теперь знал, что со времени открытия Тартара прошло больше года, но по-настоящему изучить чужой мир за столь короткий срок люди не смогли: не многое увидишь с тысячекилометровых орбит, а автоматы, кроме измерений основных физических параметров планеты, ничего больше не умели. Для осмысления жизни Тартара нужны были длительные наблюдения, наблюдения прямые и без посредников. Правда, попытки эти пока в основном кончались спасательными операциями подобно этой. Разве что меньшего масштаба.

Шесть суток назад, когда Грехов еще бродил по лесу Грусти на Чаре, группа ученых и коммуникаторов в количестве сорока шести человек ушла на ТФ-звездолете к одному из Городов, наиболее загадочных объектов Тартара. И вот уже шесть суток подряд из района посадки доносится резкий голос автомата: «Внимание! Выбрасываю...» – молчание, скрежет – и так без конца. Шесть суток подряд люди на Станции пытались с помощью зондов и телероботов разглядеть, что случилось с кораблем, безуспешно пробовали установить с ним связь. Издали колонна корабля казалась неповрежденной и стояла очень прочно. Однако так и не появились возле него передвижные лаборатории, с помощью которых предполагалось вести исследования. Корабль не открывал люков, превратившись в подобие тех скал, у которых он так неудачно финишировал. Единственным движением в том месте было мелькание паутин, стаями круживших вокруг земного корабля. Напрасно вслушивались в мутный океан атмосферы телезонды и чуткие приборы: в районе посадки царила странная тишина.

В других районах единственного материка Тартара все было по-другому: проносились над равнинами и отрогами гор любопытники – так почему-то обозвали исследователи летающие скалы; неторопливо плыли по своим загадочным делам паутины; в горах появлялось и долго не исчезало багровое свечение, время от времени в некоторых местах резко и непонятно менялся рельеф...

Да, с высоты все это очень походило на активную цивилизационную деятельность, построенную по своим, неизвестным людям, законам.

– Обидно, что мы натываемся на столь красноречивое равнодушие, – не заметив, что заговорил вслух, произнес Грехов.

– Что? – спросил Сташевский, покосившись в его сторону.

– Ничего, – пробормотал Грехов, чувствуя на себе изучающий взгляд Молчанова.

– Внимание! – передал по оперативному виому инженер связи Станции. – Дальность на пределе. Дальше пойдете своим ходом.

– Готов, – коротко бросил Диего Вирт, держа руку над регулятором управления. Шлем мыслеуправления он уже надел.

– Желаю успеха, – сухо сказал из виома Кротас. – Пока еще не поздно, задавайте вопросы.

– Поздно, – без улыбки ответил Сташевский.

– Старт! – энергично произнес далекий дежурный. – Выключаем поле.

Сташевский кивнул, и Диего включил собственное защитное поле корабля.

Тяжесть хлынула в тела людей, не тяжесть ускорения, а какая-то странная тяжесть, замедляющая движения и мысли. Диск планеты придвинулся, кренясь, налился фиолетовой полутьмой и закрыл панорамный виом с трех сторон. Мелькнули и пропали светлые пятна, чередуясь с черными провалами, стремительные струи пронеслись рядом, потом модуль вонзился во что-то серо-голубое, и люди словно ослепли.

Диего выбросил энергичное слово, навис над пультом, и виомы прозрели. Твердое, испятнанное белым летело на людей фиолетовое поле, закружилось каруселью. Мелькнул в стороне и пропал какой-то знакомый силуэт, и звонким ударом оборвалось вдруг движение. Наступили тишина и неподвижность.

– Дьявол! – сказал Сташевский почти восхищенно. – Я думал – конец!

– Вот именно... – пробурчал Молчанов, растирая виски.

– Мастер. – Грехов похлопал Диего по плечу. – Не промазали?

– Думаю, максимум – на полтора-два километра. – Диего снял шлем и погладил бритый череп.

В целях безопасности – относительной, конечно, – они «приземлились» за сто сорок километров от места посадки замолчавшего звездолета, по другую сторону Кинжального хребта.

– Посмотрите-ка.

Грехов проследил направление взгляда Вирта и прямо под лиловым яйцом тусклого светила заметил неподвижно парящую гигантскую паутину. Она была огромна – дальний край ее терялся в желтой дымке неба – и висела совершенно спокойно, словно была невесома. Узор ее с настоящей паутиной имел весьма отдаленное сходство, но, подумав, Грехов решил, что тот, кто назвал эту штуковину «паутиной», был недалеко от истины. Интересно, каковы же тогда пауки?..

– Сторож, – с непонятным выражением сказал Молчанов.

Поход

Было уже далеко за полночь, когда горизонт впереди вдруг осветился серией сине-зеленых вспышек чудовищной яркости.

– Стоп! – мгновенно отреагировал Сташевский.

Руки автоматически утопили штурвал в выемку пульта, и танк резко остановился, вздохнув гасителем инерции, как уставший бронированный ящер. Еще одна серия очертила горизонт, высветив пронзительной синевой мельчайшие детали ландшафта и лица людей. Вспышки мелькнули совершенно беззвучно, и после них наступила темень, еще более усугубившая предрассветный мрак.

– Юго-юго-запад, – определил Молчанов, – километров восемьдесят, за хребтом. Что за вспышки?

Грехов бросил взгляд на приборную панель.

– Эмиссионные, типа электрических разрядов.

После слепящего зарева вспышек глаза не замечали ни пульта, ни панели, и казалось, фосфоресцирующие эллипсы и квадраты индикаторов висят в воздухе, ни на что не опираясь.

– Хоть глаз выколи! – проворчал недовольный Сташевский.

Он сидел слева, в кресле биомеханика, и Грехов, глаза которого адаптировались быстро, видел его широкий силуэт. В коричневеющей тьме постепенно проступали смутные контуры кресел, аппаратов и людей. Весь купол кабины представлял собой панорамный виом, поэтому от кажущейся незащитности машины иногда становилось неудобно.

Сзади послышался зевок проснувшегося Вирта.

– По какому случаю остановка? Приехали?

– Тихо! – грозным шепотом сказал Сташевский.

Грехов обратился в слух и где-то на грани восприятия услышал далекое, едва угадываемое тиканье огромного механизма. Будто порыв ветра донес сюда в неправдоподобной тишине тартарской ночи медленные равномерные удары: банн!.. банн!.. банн!..

– Колокол, – шепнул Молчанов. Грехов хотел ему возразить, потому что звуки больше всего походили на удары в гонг, но было в них что-то и от колокольного звона – бархатный бронзовый тембр. А может быть, сыграло воображение, всегда дорисовывающее то, что человек желает увидеть или услышать...

Они настолько увлеклись странными звуками, что прозевали появление любопытника. Он примчался скорее всего со стороны Кинжального хребта – светящийся белесый призрак, похожий на скелет гиппопотама, – но Грехов уже знал, что днем, на свету, «гость» представлял бы собой камнеподобную глыбу непередаваемо черного цвета, с неожиданной легкостью порхавшую в воздухе. Любопытниками их окрестили за явный интерес к земным аппаратам, особенно к тем, которые использовали силовые поля. Иногда, при движении низко над сушей, за ними тянулись длинные, многокилометровые хвосты медленно опадающей пыли. Грехов и сам видел со Станции несколько таких хвостов.

Любопытник завис над танком. Его свечение потеряло вдруг структурную четкость, расплылось зеленоватым облаком, окутав полусферу кабины. Внезапное головокружение заставило Грехова ухватиться за штурвал. В ушах поплыл комариный звон, стали неметь мышцы шеи и плеч. Он попытался бороться, напрягая волю, но с таким же успехом можно было пытаться вырастить на лице второй нос.

Молчанову тоже стало дурно. Он вскочил, но ноги не держали его, и он бессознательно вцепился Грехову в шею. Тот вяло мотнул отяжелевшей головой, не отрывая взгляда от светящейся кляксы. Казалось, любопытник разросся до величины горного хребта, и эта его миллионотонная тяжесть хлынула в головы людей.

Защитой ведал Сташевский. Грехов не понимал, почему он медлит, единственный, по его мнению, не потерявший способности двигаться. Наконец Сташевский опомнился и включил деформатор.

Под ударом силового поля белесый спрут отпрянул от танка и взвился в небо. Мгновение спустя волна оцепенения спала, тело стало необычайно легким, будто заполнилось гелием. Грехов повертел головой и с удивлением обнаружил Диего сидящим на полу. Рубку залил свет. Вирт заметил взгляд товарища и усмехнулся.

– Я, наверное, рогатый, как корова. Похож? Честное слово, впечатление такое, будто у меня выросли рога.

– А что такое корова? – с любопытством спросил Молчанов, поднимая к Вирту свое вечное хмурое, узкое лицо.

– Я где-то слышал, что корова... – подмигнув, начал Диего, – это такое большое животное с четырьмя ногами по углам...

Сташевский фыркнул, а Грехов впервые увидел на лице Молчанова улыбку. Улыбка у коммуникатора была поразительная; как блеск молнии, прорубившей темные грозовые тучи. Молчанов был самым старшим из них. Он родился в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году, то есть в двадцатом веке. Грехов сначала не поверил этому, но потом вспомнил, что именно Молчанова спас экипаж звездолета «Спир», его и Тихонова, командира «Могиканина». Молчанов вернулся к Тартару, приобрел новую специальность – коммуникатора, а вот командир «Спира» Ярослав Грант... Грант на Чаре, в санатории... Неужели столь велико было потрясение? Или он судит этого человека слишком пристрастно?.. Но Молчанов каков! Пережить такое – и вернуться! Пожалуй, у него можно поучиться решительности и мужеству. Если только столь крепкие нервы не следствие бесчувственности или того хуже – равнодушия.

– Та-ак, – протянул Сташевский, исподлбья оглядывая их. В характере этого человека нелегко было разобраться, не зная его так, как знал Грехов. Лицо у Сташевского суровое, цвета северного камня. Холодные серо-голубые глаза, крепко сжатые, будто окаменевшие губы. Он широк в плечах, массивен и очень силен. Однажды на Самнии, во время аварии блокпоста, он ударом кулака сорвал двухсоткилограммовое крепление экрана и вырвал питающий фидер вместе с гнездом, потому что времени на откручивание уже не было. Конечно, восхищался Грехов не силой Сташевского; восхищение – одна из форм комплекса неполноценности, а он был не слабее. Ростом он был, пожалуй, ниже Молчанова, тонкий и хрупкий на вид, но весил столько же, сколько и Сташевский, – сто два килограмма. Из-за этого его еще в институте прозвали малышом-оборотнем. Виногато в этом было детство: Грехов родился в звездолете, терпящем бедствие, и целых пятнадцать лет, с момента рождения до финиша на Земле, рос в поле тяготения, в три-четыре раза более мощном, чем земное... Ну, а Сташевский... мало сказать – он им восхищался, он его любил...

– Та-ак, – еще раз повторил Сташевский. Командир группы, он умело скрывал свои тревоги и сомнения. Грехову же, честно говоря, было невесело, тем более что вторглись они в совершенно незнакомую жизнь, впереди маячила, говоря словами Алексея Толстого, «смущенная фигура попранной неизвестности», а идти они могли только наугад, и это медленное и утомительное движение действовало на нервы больше, чем загадочное излучение любопытников.

– Наши меры защиты от любопытников, – вздохнул Сташевский, – увы, пока малоэффективны. Фактически мы беззащитны...

Он перехватил взгляд Вирта.

– Да-да, беззащитны, несмотря на антимаг. Потому что может возникнуть ситуация, в которой мы просто не успеем привести его в действие.

Он был прав. Антимаг – «великий разрушитель», «генератор праматерии», «инициатор громкого распада» – как только не называли это мощнейшее из средств защиты, но и антимаг не гарантировал безопасности в условиях Тартара. Что можно гарантировать на планете, которая располагает огромным арсеналом поражающих факторов, и ни один из них еще толком не изучен?

– Ну, не смотрите на вещи так пессимистично, – проворчал Молчанов. – Надо привыкать и к любопытникам, и к другим формам жизни Тартара. А их много, и – смею вас заверить – все они агрессивны...

– Кроме пластунов, – сказал Диего Вирт.

– О пластунах разговор особый...

– Так, – в третий раз сказал Сташевский. – Мы стоим уже семь минут, это непростительно много. Готовы?

Они были готовы.

– Поехали.

Танк слегка присел и резво побежал по светлому тоннелю, вырубленному во тьме прожекторами. Дорога становилась хуже. Сначала они ехали по плоскогорью, кое-где поросшему низким кустарником странного вида. Он удивительно напоминал Грехову модели сложных органических молекул, выполненные из металлической проволоки. Гусеницы с ходу ломали его, и он рассыпался на отдельные куски, хрупкий, как стекло.

Потом подъем стал круче, и вскоре Грехов понял, что они уже где-то у отрогов Кинжального хребта, который им предстояло преодолеть. За восемь часов пребывания на планете с ними и вокруг них не произошло ничего необычного, и Грехов даже подумал, что мир Тартара довольно ординарен – скалистый, дикий, «нецивилизованный» мир. Непонятно было, почему здесь происходят катастрофы, гибнут люди и роботы, защищенные от всех сил природы, как казалось до этого, умением применять эти силы себе на пользу. «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий». Так, кажется, говорил Козьма Прутков. «Что, если жизнь Тартара не входит в круг наших понятий?» – подумал Грехов.

Склоны гор поднимались все круче и выше, сжимая их временную, случайно найденную дорогу в каменных тисках. Стали попадаться длинные трещины и крупные обломки скал со свежими изломами. Наконец ехать дальше по прежнему пути стало невозможно: сказывалось недавнее землетрясение, танк как раз подходил к его эпицентру. Он медленно прополз еще пару сотен метров и уперся в рваный вал из обломков и щебня, перегородивший дорогу. За валом вспучивалось нагромождение базальтовых плит гигантской толщины. Так называемый горст, то есть приподнятый участок планетарной коры, ограниченный сбросовыми трещинами.

– Приехали, – определил Сташевский и полез из кресла – широкий, спокойный, даже немного вялый. – Собирайся, Диего.

Вдвоем с Виртом они надели скафандры и вышли из танка. На приборной панели вспыхнули зеленые огни индикаторов присутствия – заработали индивидуальные радиомаяки. В лучах прожекторов две фигуры превратились в осколки ослепительного жидкого огня – пленки скафандров отражали почти все виды радиации, в том числе и свет. Они вышли из освещенной полосы и исчезли. Голос Диего прозвучал, казалось, совсем рядом:

– На куттере до цели можно дойти за десять минут. Может, я рискну?

Ответа Сташевского они не услышали, но Молчанов усмехнулся довольно красноречиво. Теперь-то Грехов тоже многое знал о Тартаре, в том числе и то, как погибли экипаж «Спира» и люди «Могикинина». Летательные аппараты преследовались паутинами с особой настойчивостью, именно поэтому их спасательный рейд начался на тяжелом танке-лаборатории, рассчитанном на эксплуатацию в атмосферах гигантских планет-полусолнц типа Юпитера. Ну а дальнейшее уже зависело от них, от «запаса надежности человеческого элемента», так как техника Земли большего, чем они располагали, дать не могла...

Молчанов включил свой информ и принялся прослушивать записи, беспокойно поглядывая на ясную зелень индикаторов присутствия. Грехов сначала тоже прислушивался, потом перестал. На вершине горста что-то происходило. Словно там во мраке зашевелился неведомый зверь и приготовился к прыжку.

– Диего! – на всякий случай позвал Грехов. – Святослав!

Динамики молчали. Индикаторы налились желтизной – признак кратковременных перебоев связи.

– Что случилось? – тревожно спросил Молчанов, но тут и сам заметил неладное. «Зверь» продолжал ворочаться, темнота в том месте отступила, поредела, и в этом светлом пятне засверкали яркие звездочки, которые собирались в большой шар, напоминающий шаровую молнию.

– Гравистрелок! – закричал Молчанов и прыгнул к вогнутому зеркалу наводки антимагнета.

Он не успел на секунду, может быть, на полсекунды. На скалах зашипело, и Грехов кубарем покатился к противоположной стене кабины: по танку, вернее, по его защитному полю словно ударили гигантским молотком, и он отпрыгнул назад, загудел, завибрировал на амортизаторах. Грехов еще только поднимался, цепляясь за стенку, как ударило второй раз. Он очень «удачно» ткнулся носом во что-то твердое и на некоторое время потерял способность соображать.

Молчанов все же дотянулся до пускателя антимагнита. Грехов понял это по тому, что у него сначала заныли зубы, а потом внешние динамики донесли скрежещущий вопль потревоженной атмосферы. Пока он протирал слезившиеся глаза, все было кончено. Верещал счетчик радиации, половину горста как языком слизнуло, а у его основания корчилась помятая, но уцелевшая (!) паутина, потерявшая весь свой режущий блеск.

– Удачное начало, – легкомысленно произнес Грехов, вытирая с разбитых губ кровь.

Молчанов сдавленно пробормотал что-то и, свирепо помассировав горло, указал в сторону. Грехов увидел далекие светляки фонарей, выписывающие при движении замысловатые траектории. Это возвращались ничего не подозревавшие разведчики. Неужели они не слышали вопля излучателя?! Вирт что-то тихо говорил, Сташевский молчал. Они медленно спустились по склону застывшей лавовой волны, разрезая мрак шпагами света, вышли на освещенное пространство, и тут Сташевский заметил исчезновение вершины горста, метавшуюся «в агонии» паутину, да и дым еще не рассеялся полностью, и радиация не спала. Он замер на миг, потом толкнул Диего, и они бросились к машине, сразу поняв, в чем дело.

В кабине Сташевский окинул рассеянным взглядом растерзанную физиономию Грехова и, будто ничего не произошло, сел в кресло. Вошел невозмутимый Диего Вирт, прищурился на «раненого» и, сказав: «Герой», – сел рядом с командиром.

– Гравистрелок, – произнес вдруг Молчанов таким извиняющимся тоном, что Грехов вытаращил глаза. – Простите меня, Святослав! Я обязан был предупредить, простите.

На него было жалко смотреть, и Грехов почувствовал к нему если не расположение, то, во всяком случае, уважение. Наверное, это действительно мужественный человек.

– А-а... – Сташевский безмятежно махнул рукой. – Сам виноват – обязан был помнить.

Он повернулся к аппаратуре связи и вызвал Станцию.

Долгое время, пока ориентаст прощупывал небо, виом связи лишь мерцал тусклой голубизной, потрескивали динамики приемного устройства, да пощелкивал автомат помех, пробуя разные частоты. Наконец виом мигнул, разгорелся, и в нем постепенно проявилось такое знакомое Грехову усталое лицо с чуть вздернутым носиком и умоляющими глазами. Он замер.

«Полина! Полина... Любовь моя и жизнь моя... и боль моя... Я сильный человек и ко многому привык в этом щедром на сюрпризы мире, но я слабее, если тень отчуждения – иногда кажущегося – появляется в твоих глазах, бывая уверенностью покидает меня, как кровь израненное тело... Человек жив человеком, и пусть кто-нибудь докажет мне обратное. Я жив Сташевским, жив Виртом, всеми друзьями своими, но больше всего я жив тобой... Мы так и не поговорили на Станции, хотя Диего сделал все, чтобы мы встретились. Это, конечно же, он постарался, чтобы ты оказалась здесь, у Тартара. Не без ведома Сташевского, конечно. Хитрые и добрые друзья мои, вам не понять, наверное, что для Полины я только что воскрес. А до этого был год одиночества, год моей смерти, мнимой – для меня, настоящей – для нее...»

Диего покосился на окаменевшего Грехова и сказал:

– Привет связистам. Что нового, Полиночка?

Губы Полины зашевелились, но звука не было. Виом подернулся рябью помех, очистился, и вместо женского в него вплыло лицо Кротаса, с неправильными мелкими чертами, не слишком приветливое, с острым взглядом льдистых глаз.

– Новообразование, – сказал Сташевский в нос. – Через эпицентр нам не пройти, дайте кратчайший путь.

– Настолько нехорошо? – прохрипел динамик сквозь вой сопроводительной помехи.
– Не пройти даже с генератором поля, я смотрел. Укажите-ка поточнее, где мы застряли.
– Минуту... – Кротас скосил глаза в сторону и стал похож на камбалу с носом. – Вы сейчас... на северном склоне хребта, рядом с перевалом Серого Призрака. До корабля от вас всего восемьдесят два километра по прямой... Но если по этому перевалу не пройти, то кратчайший путь – через другой перевал.

– Другой – это Извилистый?

– Да.

– Благодарю... – задумался Сташевский. – До Извилистого около ста километров? Многовато... Ну, а если через Торо-Оро?

– Ты же знаешь, там стоит...

– Город, знаю. Зато мы сэкономим чуть ли не полсуток. Это не так уж плохо, как ты думаешь?

За экраном заговорили сразу несколько человек. Кротас, отвечая, покачал головой и сморщился. Говорить и убеждать ему было трудно, он прекрасно понимал Сташевского, риск был велик. Но и Сташевскому принимать решение было нелегко, Грехов слишком хорошо его знал, чтобы не видеть этого.

– А нового ничего? – спросил Молчанов.

Кротас посмотрел на него одним глазом из виома, качнул головой. Начальник сектора находился в худшем положении, чем они, – он мог только ждать.

– Придется идти через Город, – сказал Сташевский, подводя итог своим размышлениям, и добавил, как бы извиняясь: – Скоро утро, и, может быть, пробиться через помехи мы не сможем, так вы уж не слишком беспокойтесь... Сверху танк вам виден, вот и наблюдайте.

Кротас кивал при каждом слове, и лицо у него было какое-то несчастное, хорошо было видно, что он плохо отдыхал и едва ли ел, и Грехов подумал, что зря Сташевский упомянул о беспокойстве. Беспокойство – фундамент ожидания, а для людей на Станции оно стало основой существования. До тех пор пока они не дойдут до корабля и не узнают, почему он молчит.

В виом втиснулись знаменитый нос Левады и рыжая его шевелюра.

– Мы тут подготовили еще два «панциря» с танками. Экипажи готовы стартовать по первому вашему сигналу...

– Не надо, – сказал Сташевский грубовато, а Молчанов красноречиво отвернулся. Ни у кого не было гарантий, что и эти десантные корабли не замолчат при посадке, как звездолет. К тому же, в случае непредвиденных осложнений, они могли и не успеть.

По виому заструились белые зигзаги и раскололи изображение.

– Что там еще? – недовольно обернулся Сташевский.

– Любопытники, – лаконично отозвался Диего Вирт, тыча пальцем в небо.

Грехов тоже заметил их. Один напоминал своим свечением медузу, двое других – невысказанные комбинации светящихся жил.

Сташевский выключил аппаратуру связи и покосился на пульт антимагнетизма. Связи все равно не будет, пока рядом барражируют эти фосфоресцирующие булыжники. Их излучение создает помехи в любом диапазоне волн, в этом спасатели убедились еще при посадке.

Любопытники не нападали. Покружились на значительной высоте, эскортируемые неизменно сопровождающей их паутиной, и скоро ушли, растворившись в зеленоватом мерцании беззвездного неба.

– А я ни разу не был в Городе, – сказал вдруг с некоторым удивлением Молчанов. Хотел еще что-то сказать, но посмотрел на Сташевского и передумал.

«Неужели он действительно не был в Городе? – подумал Грехов с недоверием. – Вот так проводник... старожил... Или он сказал это специально для нас, чтобы успокоить, приобод-

ритель?» Грехову, естественно, тоже не приходилось бывать в Городе, но наслушался он о нем предостаточно.

Сташевский махнул рукой, Грехов увеличил обороты моторов, и танк полез на крутой желто-коричневый бок каменного кряжа.

Сквозь

Он выключил акустические приемники, и приглушенное бормотание двигателя умолкло, стало тихо. Только в кабине изредка кто-нибудь шелестел одеждой да поскрипывали ремни кресел.

Дороги как таковой не было. Танк шел по кромке свежего разлома, потом ухнул куда-то в ущелье и минут двадцать шлепал гусеницами по мелкой речке со светящейся изумрудной жидкостью.

Затем пошла сравнительно ровная поверхность – столообразное плато, в середине которого машина с ходу влетела в облако сизого дыма. В этом дыму не помогало даже локаторное зрение – очередное чудо природы! – и Грехов руководствовался только стрелкой ориентаста, чтобы машина шла точно по прямой. Такие дымные подушки они уже проезжали, размеры их не превышали нескольких километров. Означали они спуски в мелкие, но широкие воронки, ровные до удивления. Объяснить их назначение не мог и единственный «старожил» Тартара – Молчанов.

При выезде из дыма танк тряхнуло. Грехов поднял глаза и увидел над собой гигантскую белую сеть, медленно уплывающую в дым. И тотчас же громко зашелестели динамики приемника, люди ощутили странное давление на мозг, внутри их заговорили, зашептали сотни голосов, разобрать которые они так и не смогли. Колышущийся край паутины еще некоторое время светился сквозь дым, потом растворился в сизой пелене. Умолк и шепот.

Обеспокоенный Грехов придержал штурвал рукой и оглянулся. Диего Вирт спал. Молчанов позевывал, деликатно прикрываясь ладошкой. Минуту спустя задремал и он. В кабине царил уютный полумрак, создаваемый рассеянным отсветом прожекторов.

«Странно, никто не слышал?.. Или у меня слуховые галлюцинации?..»

– Отдохни, – посоветовал Сташевский, внимательно посмотрев на водителя. – Дорога здесь одна – на северо-восток. Надо будет – разбужу.

«Он тоже не слышал?» – Расстроенный Грехов уступил место командиру и откинул соседнее кресло. Спать захотелось непреодолимо, и уснул он почти мгновенно, забыв о своих галлюцинациях. Приснилось ему, что стоит он с Полиной в каком-то жутком черном ущелье, отделенный от нее невидимой, но прочной стеной. Полина отдаляется, лицо ее тревожно, но она упрямо молчит, а он рвется в стену, тоже молча... Полина становится все меньше, исчезает во мгле... Потом был сумасшедший бег по гулкому металлическому настилу, впереди мелькало белое пятнышко, и нужно было его не упустить из виду... И снова ущелье, а в нем глубокая черная река, вода бурлит и шипит у стен, он плывет из последних сил, сопротивляясь, но его несет с головокружительной быстротой к пропасти. Почему-то он знает – впереди пропасть, но ничего не может изменить...

Сделав усилие, он проснулся.

Танк стоял. В кабине все спали, кроме Сташевского. Прожекторы были выключены, тем не менее какой-то сероватый отсвет лежал на пульте и футлярах приборов. Танк застыл носом вниз на покато́й вершине гладкого вала, уходившего в иззубренную пиками скальной гряды темноту. Впереди шел еще один вал, тускло отсвечивающий золотом. Вал был сложен из трех слоев лавы и казался отвесным. Сташевский выключил освещение кабины, и тогда над этим складчатым валом встало серебристое облако вкрадчивого рассеянного сияния...

– Город? – шепотом спросил Грехов.

Сташевский оглянулся, привычным жестом пригладил жесткий ежик волос и уступил кресло водителю. Тепло его рук согрело полукольцо штурвала, и Грехов почувствовал себя уверенней.

Танк нырнул в выбоину, перевалил бугор и устремился вверх по базальтовому вздутию. Подъем тянулся долго, почти равномерный и не слишком крутой, как показалось вначале. Еще не добравшись до вершины вала, они увидели отдельные «строения» Города. Машина въехала на широкую рыхлую полосу, окаймляющую Город по периметру, и замерла.

За полосой шел прозрачно-стеклянный лес... нет, не лес – стена льда, рассеченная частыми трещинами и широкими проходами; стена бугристого, сочащегося тяжелым, серо-серебристым свечением льда. Наиболее сильное свечение шло от подножия стены, выше оно постепенно слабело, и верх стены уже еле светился, словно подернутый сизо-черным пеплом. Проходы в стене, похожие на ущелья, были не уже улиц земных городов и казались покрытыми влажной, посверкивающей чернотой. Издали их можно было принять за бездонные каналы с черной стоячей водой.

Гулкая, настороженная тишина царила в этом странном Городе.

Грехов невольно замер, поглощенный созерцанием дива... Из задумчивости его вывел Молчанов, протиснувшийся между креслом и пультом походного вычислителя.

– Ну что, поехали? – сказал Сташевский.

Танк пересек открытое пространство и оказался у голубоватой стены Города. Тотчас же несколько паутин нырнули к ним с неба, словно возникли из пустоты.

Сначала у Грехова появилось странное и противное ощущение, будто на руках у него по пяти мизинцев. Потом он почувствовал взгляд. В спину или скорее со всех сторон на него глядел некто, обладающий миллионом невидимых глаз; некто, владеющий безмерной мощью; наконец, некто невыразимо, до жути чужой, чье равнодушие, грозное и выразительное, затопило все пространство вокруг... И еще он почувствовал, что их присутствие здесь не нужно и нежелательно этому невидимому хозяину Города.

– Застегните ремни, – решительно сказал Грехов.

На корме и на носу танка выдвинулись ажурные башенки эффекторов. На миг весь купол башенного экрана заволкло радужной пленкой. И вот уже пятисоттонная машина едва касается гусеницами почвы – основной вес машины приняла на себя поддерживающая силовая подушка. Штурвал послушно ушел в паз, «Мастифф» мягко нарастил скорость и вошел в Город.

На первом повороте по непонятной причине вышел из строя автомат магнитных ритмов. Грехов ругнулся сквозь зубы, но танк уже неся по гладкой черноте «улицы», и реактор работал на форсажном пределе, и приходилось манипулировать эффекторами, заменяя автомат, чтобы танк имел достаточную защиту и в то же время достаточное поддерживающее поле; и жутко был гамма-радиометр, уловивший неведь откуда взявшийся очаг радиации; и еще какие-то посторонние звуки дробились в общей звуковой каше, и все это перебивал липкий, обволакивающий взгляд Города, и поэтому временами казалось, что танк плывет в страшной невесомой тишине, а впереди разверзается адская пропасть – и тогда уж вовсе приходилось полагаться только на чутье да инстинкты...

Свечение серебристо-прозрачных фигур по бокам дороги слилось в туманную полосу, над которой узкой извилистой лентой текла лиловая река посветлевшего небосвода...

Двадцать километров, больше трех четвертей диаметра Города, танк прошел за сорок минут. Грехов уже начал считать себя героем, но тут из-за очередного поворота вывернулся вдруг одинокий любопытник, подгоняемый изогнувшейся конусом паутиной – несветящийся, черный, похожий на летящий гроб. Сворачивать было некуда, тормозить – поздно, и Грехов успел только до предела увеличить напряжение защитного поля. Он ожидал тяжелого удара и фейерверка обломков, однако ничего подобного не произошло. При соприкосновении

защитного поля с любопытником на его месте вдруг вздулось искристое желтое пятно. Танк кинуло вниз, потом вверх, и обвальный грохот взрыва догнал их уже на повороте.

– Быстрее!.. – внятно сказал сзади Молчанов. А потом Грехову показалось, что он оглох.

Паутина над ними вспыхнула ослепительным белым накалом, поле поддержки танка тут же село, переброшенное на защиту, и «Мастифф» на полной скорости ткнулся в черную массу дороги, зарылся в нее чуть ли не по лобовую броню...

Грехов ощутил себя состоящим из острых углов, мешающих друг другу. Кто-то лез в него, раздвигая углы, и они скрипели и визжали, будто металлические. Это настолько поразило его, что он не особенно удивился, обнаружив у себя способность ощущать цветовую гамму. Зеленые огни пульта, например, казались шелковистыми и мягкими, а серебристое свечение Города стало рыхлым, серым и отдавало гнилью...

А потом Город вдруг зашевелился. Огромные «ледяные» фигуры его «зданий» задрожали, неуловимо медленно искажая свои очертания, и стали как бы приближаться, увеличиваться в размерах. Чье-то гулкое сердце отдавалось в ушах канонадой, и сквозь этот бешеный гул Грехов услышал раскатистый шепот... Все исчезло, все звуки и все мысли, остался шепот, один только шепот...

Он медленно всплывал со дна океана забвения. Наконец вернулась способность слышать, видеть и осязать. Осязать себя почему-то было больно, особенно нос и левую руку. Опасаясь худшего, Грехов скосил глаза вниз. Правая рука была цела, а через ладонь левой проходил рваный неглубокий порез. Нос распух, по-видимому, в этой экспедиции все удары он принимал на себя. Грехов покачал головой и усмехнулся. Ну а остальные?

Сташевский приводил в чувство Молчанова. Диего Вирт лежал в кресле бледный, но спокойный.

– Вот и представь, что ты пролетал бы здесь на антиграве, – пробурчал Сташевский, покосившись на Диего.

Тот пожал плечами и промолчал.

– Каким же образом мы уцелели? – спросил Грехов, пока Сташевский лечил ему нос и руку – на сей раз без обычного ворчания и поучений.

Сташевский будто не расслышал вопроса. Заклеил руку, окинул купол башенного экрана быстрым взглядом и включил систему видения. Купол «растаял», и все увидели совсем светлое лиловое небо с мутными разводами облаков, гладкие вздутия базальтовых потоков, хаос теней в гигантской дуге горного хребта.

А рядом, над вертикальной стеной столбовых скал, ворочался жирный бурый дым, по которому время от времени пробегали багровые вспышки. Над этой стеной кое-где проглядывало что-то черное, видимое как сквозь неплотный серый туман, и Грехов, заметив в этом направлении группу зависших паутин, понял, что черное – Город. Оказывается, они прошли через него...

Дым над скалами вдруг взлетел вверх султанами и выпал пепловым снегопадом. До людей долетели сильный треск и шипение.

– Как мы оказались здесь? – угрюмо спросил Молчанов.

Молчание разлилось, как талая вода, – долгое, холодное и мелкое. Ждать ответа было бессмысленно, никто не знал, как они оказались за пределами Города, но они все стояли и смотрели на бурый дым, растекающийся скользкими тяжелыми струями между шпилями и сосульками скал. Потом Грехов потихоньку врубил двигатели и тронул машину с места. Сташевский, пытавшийся связаться со Станцией, с досадой махнул рукой и нахохлился в своем кресле. Наступило утро, и в атмосферу Тартара вторгалось обширное возмущающее электромагнитное поле звезды, мощность которого превышала скромные возможности станции связи их «Мастиффа». Только то обстоятельство, что за их движением следят глаза друзей, готовых

прийти на помощь, и улучшало настроение. Правда, по всей видимости, у них объявились еще какие-то друзья, невидимые, но от этого предположения, наоборот, становилось тревожнее.

Танк наконец оставил позади циклопический гребень Кинжального хребта и выбрался на обширное плато Рубиновых Жил, иссеченное многочисленными трещинами. Трещины походили на борозды, нанесенные исполинскими граблями, они тянулись параллельно между собой по девять-десять трещин подряд, неглубокие и довольно правильные. Танк швыряло и раскачивало, кабине управления передавалась лишь малая доля толчков, но и от них становилось жутко. Хуже всех эти толчки переносил Молчанов, но терпел.

Порода плато отсвечивала голубым, иногда встречались целые поля искрящегося «хрусталя», при появлении которого начинал верещать счетчик радиации. Временами танк шел будто по дну огромной железной бочки – скрежет и визг камня сменялся гулким дробным грохотом. В таких местах тела людей наливались тяжестью, и Молчанов, заметив их недоумение, пояснил:

– Масконы.

Это были загадочные концентрации масс – масконы на жаргоне планетологов. Обнаруживали их по увеличению гравитационного поля.

Проехали голую пустынную местность, окруженную только близким размытым горизонтом. Край неба на востоке стал чисто оранжевым и светлел теперь на глазах, раскаляясь до желтого свечения. А на западе, куда ушла ночь, все еще стояла дымная фиолетовая темень.

Голубое плато с пятнами вкраплений, с редкими скалами в виде торчащих пальцев опускалось в большую котловину, дальний край которой терялся в дымке атмосферы. Где-то там, километрах в сорока, располагались две странные по форме впадины: След Ботинка и Второй След. В первой из них располагался один из крупнейших Городов планеты, а рядом с ним – корабль с коммуникаторами, конечная цель их пути... Можно было попробовать поймать волну маяка, ту самую, с «...Внимание! Выбрасываю...», но маяк был остронаправленный, для спецвызова, а мощности его боковых лепестков излучения едва ли хватало на пробивание здешней атмосферы на сорок километров.

Сташевский чуть оживился, почесал подбородок и сказал:

– Знаете, в тот момент... когда взорвался любопытник... а вы белые и тепленькие... правда, и я на грани беспамятства держался... – Он помолчал, хмыкнул.

– Не тяни, Святослав, – укоризненно произнес Диего Вирт.

– Да... мне показалось, что сверху на нас упал серый призрак...

– Серое облако, просвечивающее по краям? – быстро спросил Молчанов.

– Да. Раньше я его, конечно, не видел, но по описаниям...

– Это он. Странно, не первый раз серые призраки... – Молчанов оборвал себя и отвернулся.

Поскольку коммуникатор продолжать не собирался, Грехов сам задал вопрос, скорее риторический, чем в действительности его интересующий:

– А что такое вообще Город, по мнению ученых?

– Заколдованное королевство, – предположил Диего. – Злых волшебников здесь хоть отбавляй.

– По Гилковскому, это коллективный организм, обладающий интеллектом, – заметил Молчанов. – Впрочем, так считают почти все ученые. И я в том числе, – подумав, добавил он.

– Вот тебе и королевство, – усмехнулся Сташевский. – Это называется «умерщвление прекрасной гипотезы мерзким фактом»⁴.

Усмехнулся и Молчанов.

– Ну, до фактов еще далеко.

---

⁴ Гексли.

Грехов передал управление командиру, бодро осведомился об общем аппетите и пошел в отсек питания. Там соорудил четыре двухэтажных бутерброда с копченой севрюгой, горячих, только изготовленных, с румяной коричневой корочкой, достал из холодильника тубы с виноградным и гранатовым соком и принес все это в кабину.

За время его отсутствия танк вошел в полосу «леса». Растения странных форм, то в виде огромной шапки пушистых голубых нитей, то в виде множества шаров из спутанной «шерсти» синего или фиолетового цвета, росли негусто, но благодаря размерам создавали впечатление непроходимой чащи.

Сташевский вел машину напролом, и внешние динамики доносили частый треск и хруст, словно давили стекло.

– Кристаллы кварца, – пробормотал Молчанов, глядя на «деревья». – Необычная кристаллизация, не правда ли?

– Красиво... – отозвался равнодушно Сташевский, пошевеливая штурвалом.

Через несколько минут «лес» кончился и пошла полоса рыжей, чрезвычайно рыхлой почвы. Скорость сразу упала, пришлось увеличить тяговую мощность.

Небо потускнело, стало желтым и напоминало теперь пелену размытых дождем облаков, опустившихся почти на голову. Зыбкое и пухлое светило тихонько всплывало из-за нечеткой линии горизонта, наводя своим видом меланхолию.

Сташевский включил ориентаст, автоматически направляющий антенну приемопередатчика в сторону Станции, попробовал разные режимы, но канал приема полностью перекрывался помехами, а слышат ли их на Станции, они не знали.

Танк скатился в узкую долину между грядами стометровых кристаллических останцев и нырнул в облако кисейно-желтого тумана, видимость в котором сильно ухудшилась. Вокруг предметов засияли светлые ореолы, затрудняющие ориентирование. Грехов перевел систему видения на радарное зрение.

На карте вычислителя вспыхнули координаты танка. До цели оставалось немногим более тридцати километров по прямой. Они уже спустились в странную долину, имеющую форму ботинка, нормального человеческого ботинка, только ненормальных размеров. Будто огромный, пятисоткилометрового роста детина спрыгнул на планету, оставил два следа глубиной в несколько сотен метров и исчез, заранее посмеявшись над безуспешными попытками людей объяснить форму впадин от его исполинских ног. Со Станции они просматривались довольно четко, и в коридорах Грехов видел рисунки шутников, изображающие предполагаемый облик великана. Один из них сильно смахивал на Леваду, и, по его мнению, это было не очень остроумно.

– Стоп! – рывкнул вдруг Сташевский.

Грехов еще ничего не заметил, но компьютер уже включил аварийный тормоз, танк клюнул носом, а под ними внезапно загрохотало, тяжелый гул всколыхнул воздух, и в метре от гусениц раскололась земля, образовав быстро растущую трещину. За минуту под непрерывный гул и сотрясения почвы трещина превратилась в пропасть, противоположный край которой скрылся в пелене багровых испарений. В последний раз дрогнула земля, и гул оборвался. Только из пропасти доносились клочкотание и шипение, будто в огромной бочке кипела и испарялась вода.

Онемевшие, они смотрели на неожиданную преграду и молчали. И продолжение не заставляло себя ждать. В глубине образовавшейся бездны что-то рвануло с оглушительным треском, и мимо танка проскользнули в низкое небо огромные радужные «пузыри». Автоматически сработали фильтры, погасившие сияние «пузырей», заревели внутренние (пробило поле!) счетчики радиации, танк закачало и поволокло от пропасти.

Треск повторился. Новая серия «пузырей» пронеслась мимо, и Грехов успел заметить, что за каждым из них тенью мчится паутина. «Снова паутины, вездесущие паутины, почему-

то появляющиеся там, где происходят события! Или события происходят там, где они появляются?...»

Грехов выдвинул из верхней башни перископ, заглянул в пропасть и увидел только яркое свечение, шедшее из неведомых глубин. Свечение было ровным и сильным, и ему показалось, что там еще полным-полно паутин.

Внезапно раздался тот же самый адский треск, из пропасти блеснуло остро и сильно, и радужные шары с бульканьем рванулись ввысь. Экранчик перископа погас. В общем экране они увидели искореженный, почерневший конец его трубы, похожий на обрубленную руку.

– Дьявол! – выругался помрачневший Сташевский. – Это-то зачем?

– Может быть, это обращение к нам? – предположил осторожно Диего Вирт. – Предупреждение или предостережение...

– Нет, – невесело сказал Молчанов. – Шары – это закапсулированные каким-то мощным полем ядерные взрывы. Паутины вышвыривают их в космос.

– Зачем? – удивился Диего.

– Зачем – мы можем только догадываться. По теории того же Гилковского, шары – продукты жизнедеятельности Городов, отходы, от которых паутины освобождают планету. Вообще, это очень редкое явление, в известном смысле нам повезло...

– Еще бы, – буркнул Сташевский. – Расколись земля на три метра ближе и...

Грехов пристально наблюдал за пропастью. Оттуда все так же поднимался гул, мелко тряслась почва. На всякий случай решили отвести танк от обрыва метров на пятьдесят. Но не успел Грехов еще остановить машину, как глубоко в теле планеты раздался тяжкий грохот, над пропастью взлетел густой рой длинных алых искр, и стены только что образовавшегося ущелья стали сближаться. Сотрясение почвы было не столь велико, как раньше, и они заметили, как в миг соприкосновения стен из узкой щели вымахнул вал оранжевого огня. Затем с громким чавканьем стены сомкнулись, резкий толчок покачнул танк, и путь стал свободен.

Висящий корабль

Они уже порядком отъехали от места искусственного или естественного – неизвестно – катаклизма, а светящийся шнур оранжевого тумана, плотный, как огненное желе, все еще держался над почвой. Он извивался, дышал, но не расходился, и Грехов понял, почему плато называли плато Рубиновых Жил. Пришлось полностью переключить внимание на дорогу, чтобы не свалиться в пропасть при следующем новообразовании.

Сташевский занялся пеленгом и ухитрился-таки поймать знакомое всем «...Внимание! Выбрасываю...», явственно различимое сквозь треск и вой помех. Строить догадки можно было до бесконечности, но, по мнению Грехова, это работал неисправный автомат-передатчик, а не маяк, настраивающийся обычно на радиоблеск. Такие бомбовые автоматы сбрасывались разведывательными кораблями или в место предполагаемой посадки, или в случае аварийной ситуации.

Грехов мысленно повторил последние слова, и внезапная тревога сжала сердце. «Черт возьми! – подумал он. – Неужели никто не рассматривал этот вариант – авария на корабле коммуникаторов? Или, может быть, вообще катастрофа?! Но что может случиться с ТФ-кораблем, самым надежным и мощным земным аппаратом? Почему только это странное словосочетание терзает слух уже в течение семи суток? Действительно ли авария на корабле?!»

Очевидно, он чем-то выдал себя, потому что Сташевский вдруг внимательно присмотрелся к нему, показал пальцем на динамик, откуда все еще несло хриплое звучание двух слов, и кивнул. Значит, и он думал о том же. За три года совместной работы они научились понимать друг друга без слов.

В какой-то момент, не запомнившийся своей заурядностью, Грехов отметил про себя появление на горизонте размытой черной горы, подумав при этом, что не пришлось бы ее объезжать. Потом смутное беспокойство заставило его присмотреться к горе повнимательней, и, внутренне холодея, он понял, что перед ними Город. Тот самый загадочный Город, возле которого должен где-то быть корабль. Не успел он так подумать, как Молчанов вдруг сорвался с места и издал сдавленное восклицание. Танк въехал на вершину длинного увала, и примерно в пяти-шести километрах они увидели корабль. Виден он был плохо, словно сквозь струящуюся воду, однотонно серый, похожий на толстый карандаш, поставленный на торец, и что-то уж очень длинным казался он отсюда, непропорциональным своей толщине. И тут Сташевский сказал негромко:

– Да он же висит!..

И тогда Грехов понял, в чем странность картины. Корабль действительно висел в воздухе, не опускаясь и не поднимаясь, висел совершенно спокойно, и в этом спокойствии было нечто тревожное. Может быть, они как раз стартовали, увидели их и ждут? Но зачем тратить гига-ватты энергии на парение? Спокойнее и разумнее дожидаться сидя... Что же тогда? Корабль висит с тех пор, как они его увидели, – и никакой реакции. Не может же он висеть так долго без всякой видимой цели...

Они подъехали ближе, и вокруг трансгала стало заметно какое-то движение: будто прозрачное пламя мерцало и струилось вокруг него... Грехову сильно захотелось остановиться, особенно после того, как он увидел несколько крупных паутин, выгнувшихся куполом над кораблем. Еще около десятка паутин образовали нечто вроде решетчатой стены между близким Городом и кораблем. Снова паутины...

Сташевский, очевидно, тоже почувствовал тревогу. Он посмотрел на водителя как-то странно, искоса, и Грехов сначала замедлил ход, а потом вовсе остановил машину. Местность перед ними понижалась, и уклон этот шел до самого трансгала, висевшего над дном конусовидной низины на высоте около сотни метров. Чуть левее от остановившегося танка Грехов заметил грибообразный выступ черной породы, по размерам не уступающий «Мастиффу», задержал на нем взгляд – подозрительным он ему показался, – потом увидел еще несколько таких же «грибов», цепочкой уходящих в муть атмосферы.

– Ты что? – спросил Диего Вирт, поворачиваясь к нему.

Молчанов ничего не спрашивал, но и он заволновался, когда прошло несколько минут бездействия, а вокруг ничего не изменилось. «Жду еще минут пять», – решил Грехов, и в этот момент из черного «гриба» со звуком лопнувшего сосуда метнулся к парящему земному звездолету гигантский язык ярчайшего изумрудного огня: пок!

Только благодаря фильтрам они не ослепли. Факел огня за секунду вытянулся до корпуса корабля, как бы обтек его, не касаясь самого корпуса, образовал огненный кокон и тут же втянулся обратно под «гриб». Зато вспыхнул его сосед, такой же «гриб», как первый, выбросил язык огня, потом следующий, и пошло: пок! пок! пок! – по периметру вокруг корабля. Огонь был холодным, наружный термоизмеритель даже не сработал, зато при каждой вспышке искажался горизонт, искажались очертания местности и даже кабины танка, а по нервам било болезненно и сильно, словно электроразрядами. Собственно, и приборы отметили ионизацию воздуха снаружи, да такую, что не бывает даже в эпицентре мощнейшей земной грозы!

Языки зеленого огня обежали вокруг корабля и исчезли, но в глазах еще долго прыгали темные пятна.

Все произошло так быстро, что Грехов не успел среагировать и вывести машину из опасной зоны. Да и вряд ли это помогло бы. Искривлять пространство умели и люди, достаточно было включить генераторы поля или деформатор, но тогда бы сработало силовое поле, а вот так очень легко, можно сказать, даже элегантно, без осязательного изменения масс и полей...

– Похоже, ночью мы видели именно такие вспышки, – заметил Молчанов. – Я не знаю, что это такое. Инфор танка включен?

– Конечно.

– Пробило защиту? – поинтересовался Диего Вирт.

– Не то чтобы пробило... – туманно ответил Грехов.

– Так, – произнес Сташевский. – Нерешительность – симптом неудачи, а идти к кораблю мы обязаны. Или, может быть, кто-нибудь думает иначе?

Границу, вдоль которой расположились плюющиеся огнем «грибы», они проехали без всяких эксцессов. Ионизация пошла на убыль, красные огни индикаторов побледнели.

Корабль вырастал в размерах. Без отверстий, щелей и мелких деталей – серый монолит, он был суров и молчалив, он походил на монумент, на гигантский памятник самому себе, на гору мертвого металла, застывшего невысоко над почвой... Вот какие сравнения лезли в голову Грехову.

Но корабль не мог быть мертвым, он обязан был быть живым, крик его повторялся каждые полминуты: «...Внимание! Выбрасываю...», молчание, шорохи, скрежет и снова тот же стон, повторяемый автоматом, теперь Грехов в этом не сомневался.

До корабля оставалось меньше километра, они все пытались понять, почему он виден как сквозь слой толстого стекла, как вдруг «стекло» это вспенилось и разлетелось во все стороны белыми нитями разной толщины. Нити оказались свернутыми в рулоны паутинами, которые развернулись, сделали одинаковый пируэт в воздухе, зависли над кораблем лесенкой, одна над другой, а самая первая из них, словно почуяв приближение чужаков, вдруг медленно подплыла к ним и накрыла «Мастифф» слабой ажурной тенью. И снова повторился поразительный, сопутствующий появлению паутин эффект: внутри Грехова забились, зашептали неясные голоса, он ощутил давление извне на виски, сменившееся покалыванием в затылке, а потом по всей голове. Показалось, что видит он зыбкие прозрачные контуры каких-то предметов, цветные сполохи, накладывающиеся на них, и что-то еще – огромное и неразличимое, как омут, в который упал танк. Он сделал усилие, и видение растаяло, только шепот не исчезал и щекотно покалывало кожу на затылке, что было даже приятно.

Мимо них проплыла еще одна громадная «сеть», провисшая под тяжестью уже знакомого черного «гриба». Пришлось взять в сторону, чтобы разминуться с «сетью» на приличном расстоянии. Местность заметно понижалась, танк спускался в глубокую воронку, центр которой, по расчетам Грехова, должен был находиться где-то почти под кораблем. Почва воронки была странного рыжего цвета, будто всю ее покрыла ржавчина.

Грехов собрался увеличить скорость, и в этот миг его словно вывернули наизнанку. А когда он очнулся от непонятного забытья, оказалось, что танк карабкается к звездолету кормой.

Сориентировавшись, Сташевский сделал знак рукой:

– Поворачивай обратно. Попробуем еще раз.

Грехов повернул «Мастифф», на малой скорости покатил вниз, и примерно в том же самом месте мягкая, но властная рука перевернула их с ног на голову, подержала и отпустила. Танк снова оказался повернутым кормой к кораблю. Они попробовали подойти к звездолету в другом месте, в третьем, и всюду их ожидало то же самое. Их не пускали к кораблю. Кто – неизвестно, но способ настолько прост, что не понять его было невозможно.

В последний раз повернув машину, Грехов остановил ее у огромной дыры, уходящей куда-то в недра планеты. Моторы умолкли, и стало очень тихо. Только перед глазами все еще плыло, будто они продолжали двигаться.

Сжатая пружина

Три часа пролетели в безуспешных попытках приблизиться к кораблю. Дошло до того, что Сташевский при молчаливом согласии Молчанова испробовал на невидимой, вывертывающей «наизнанку» стене все виды оружия танка вплоть до генератора антиматерии. Разряды лазеров и деформатора поглощались этой средой бесследно, а луч антимата, видимый по дрожащему голубоватому строению атомного распада воздуха, вызвал цепочку ярких зеленых вспышек в висящих этажеркой над кораблем паутинах. Там, вверху, поднялась тихая паника, паутины поломали строй, заколебались, но к ним присоединились свободно плавающие неподалеку собраты, и положение стабилизировалось. На тихий шепот в ушах Грехов уже не реагировал и только иногда находил в себе другие странности: то глож беспричинно, то все предметы начинали казаться ему искривленными или плоскими, иногда мутнело зрение. Одно только и спасало, и отвлекало – он был занят работой.

Перейти магическую границу «перевертывания» они так и не смогли. Радио – и телезапросы оставались без ответа, словно вязли в стометровом слое прозрачного, по меркам Тартара, воздуха. Теперь и парение земного звездолета в сотне метров от почвы не удивляло, хотя порой Грехов механически задавал себе вопрос: каким способом можно поддерживать на весу миллион тонн без ощутимых затрат энергии?..

Светило склонилось к горизонту, наступил тот вечерний час, когда лучи его скользят параллельно земле, воздух кажется заполненным алым туманом, а все предметы в нем – неведомыми. Небо потемнело, приобрело сходство с малахитовым куполом, который время от времени перечеркивали снующие в разных направлениях паутины.

Они решили ждать ночи у корабля, чтобы сообщить на Станцию о положении дел. Предпринимать что-либо без решения научного совета остерегались, ибо, как выразился Молчанов, «это чревато последствиями, в результате которых мы не сможем наблюдать собственные похороны».

Сташевский настоял, чтобы они поужинали.

– Желудок есть устройство, – объявил Диего Вирт, – предназначенное для постоянного напоминания человеку о бренности его тела.

– Существования, – уточнил Грехов.

– Тела.

– Существования.

– Ну хорошо, существования. Какое это имеет значение? Хихикайте, если больше ничего не умеете, как сказал мудрец.

– Так его, – одобрительно заметил Сташевский, собирая посуду. Грехов с Диего еще немного поупражнялись в острословии и, так как делать было совершенно нечего, начали пытаться Молчанова вопросами. Отвечал коммуникатор довольно охотно, за какой-то час Грехов узнал о Тартаре немало нового, с удивлением обнаружив, что и Сташевский с таким же вниманием слушал рассказ. Молчанов говорил о первых планомерных экспедициях на поверхность планеты, о том, как многие вездеходы и летательные аппараты землян пропадали без вести и некоторые из них находили потом в космосе, за пределами атмосферы Тартара, будто вынутыми из-под пресса – так они были разбиты и изуродованы. О том, как взрывались некоторые десантные корабли, успевая, как правило, передать, что встретились с роем любопытников. О том, как люди стали осторожнее, перестали отправлять экспедиции на летающих машинах, потом и вовсе перестали выходить из кораблей, посылая одни автоматы. Но и автоматы исчезали. Планета казалась населенной настолько агрессивными обитателями, что вмешался спецотдел УАСС и вообще запретил посадки на планету. Ученые вынуждены были довольствоваться только зондами-автоматами и наблюдениями с безопасных орбит: ни паутины, ни

любопытники, ни пластуны и так называемые серые призраки никогда не выходили за пределы ионосферы Тартара, за исключением тех случаев, когда паутины выбрасывали в космос энергетические шары – закапсулированные ядерные взрывы.

Но и без прямого общения людей с поверхностью планеты было открыто столько поразительных явлений, что на исследования их не хватало специалистов...

– Масконы, – кивнул Сташевский, – залежи трансуранов...

– Черные извержения, – добавил Диего.

– Всего не перечислишь, – продолжал Молчанов, просветительский порыв которого иссякал. – Много заманчивых находок, из-за которых контакт с аборигенами более чем желателен, но... вы видите ситуацию. Самый мощный из кораблей разведфлота закапсулирован кем-то или чем-то, а мы тычемся, как слепые котята... И боюсь, так и не узнаем истины. Что?

– Узнаем, – пробормотал Сташевский и включил канал связи. Ночь уже вступила в свои права. Город и паутины расцвелись призрачной иллюминацией, напоминающей земные северные сияния, и лишь граненый цилиндр корабля, на треть погруженный в белое облако тумана, казался абсолютно черным. Грехова подмывало спросить Молчанова, знает ли он, где сейчас Грант, командир спасшего его звездолета? Как он к нему относится? Почему вернулся к Тартару, планете, отнявшей у него многих друзей? Как получилось, что из экипажей двух кораблей, встретившихся на планете, в живых остались только четверо? Но спросить так и не решился. В это время ориентаст нащупал Станцию, и виом связи открыл им вход на командный пункт спутника.

Надо было видеть, какой радостью озарились там озабоченные лица людей. В зале Станции были Кротас, и Левада, и Полина, и еще много неизвестных Грехову молодых людей, явно не относящихся к работникам нужной в данный момент специальности.

Виом часто перекрывался волнами помех, это мешали паутины, а один раз пролетел любопытник, тащивший за собой хвост радиоактивного газа и пыли, в результате чего прием вообще стал невозможен и пришлось переезжать на другое место, подальше от Города и паутин. После того как они сообщили на Станцию всю информацию, какой располагали, там некоторое время совещались, и наконец Кротас, более нервный, чем обычно, – у него подергивалась щека, которую он все время растирал, стесняясь, – сказал глуховатым голосом:

– Вам, наверное, придется суток на двое задержаться на поверхности. Примерно в двенадцать ночи мы постараемся посадить в ваш квадрат глубинный зонд-автомат... – Кротас выслушал подсказку и продолжал: – В него вы положите анализатор Т-поля, физики придают ему большое значение, добавьте машинный инфор и кристаллы записей приборов. Ну а через двое-трое суток мы попробуем вытащить вас по каналу гравиподъемника, если ничего не случится... Минуту... с вами хочет поговорить заместитель Высшего координационного совета. – Грустный Кротас уплыл из виома, и на его месте появился Левада.

– Ну, как вы там? – спросил он сдержанно. – Паутины донимают? Мы начали монтаж гравиподъемника, лифтовая система должна быть безопаснее. Как только закончим, это максимум двое суток, пошлем к вам специалистов, помогут им разобраться с кораблем. И пожалуйста... – он с каким-то особенным вниманием ощупал их взглядом, – постарайтесь больше не вмешиваться в чужое... движение, обдумывайте каждый шаг и будьте подальше от всего этого – Городов, паутин и прочего. Вы меня поняли?

– Хорошо, – произнес Сташевский. – Тут возникла такая мысль: по каким-то причинам люди покинули корабль, а наблюдатели на Станции этого просто не заметили.

Левада отвернулся от виома, снова донеслись голоса совещающихся, но сидящим в танке была видна лишь спина члена земного правительства. Наконец он обернулся и нашел Сташевского глазами.

– Вы вольны поступать так, как требует обстановка, но в пределах разумного. Я сомневаюсь, чтобы опытные специалисты могли выйти без защитных средств, а любой аппарат наблю-

датели заметили бы. Вашу машину, кстати, мы тоже видим. Так что, если связи долго не будет – помигайте прожектором, мы будем знать, что вы... Э-э... что у вас все в порядке.

Биом мигнул, свернулся в белое облачко и угас.

– А теперь – спать! – коротко приказал Сташевский, выключил аппаратуру и устало поглядел на каждого. – Дежурить будем по очереди. Первым я, потом вы, Эвальд, потом Диего...

Танк отвели от корабля и от Города с таким расчетом, чтобы был виден и тот, и другой, включили максимальную защиту и впервые за двое суток пошли в отсек отдыха. Сташевский остался в кабине готовить материалы и аппаратуру к приему автоматического зонда. Впереди была целая ночь, и он не торопился.

Ночь прошла спокойно. Молчанов разбудил их поздним утром, около восьми часов, когда тусклая Тина давно вторглась в мутную атмосферу планеты на их широте. Выходит, время своего дежурства Грехов бессовестно проспал! Но и Диего хорош: не разбудил. Очень благородно с его стороны...

После завтрака Сташевский рассказал, как он ночью принял зонд по пеленгу и отправил материалы на Станцию. Паутины не мешали, хотя несколько любопытствующих экземпляров приближалось на опасное расстояние. И командир вдруг признался, что при появлении паутин он каждый раз словно слышит неразборчивую человеческую речь.

– Что бы это значило?

– И я слышу, – вырвалось у Грехова.

– Ничего особенного, – равнодушно произнес Молчанов. – Мы называем это «психологированным влиянием». Виновник его, несомненно, неизвестное излучение.

– Вот как? – сказал Сташевский с некоторым облегчением. – Действительно, ничего особенного...

– Я думал, вы знаете. Но вот то, что зонд вы встречали в одиночку...

– Ничего, – улыбнулся одними губами Святослав. – Я себя на этот случай обезопасил, взял с собой робота-охранителя.

– Зонд не сносило? – полюбопытствовал Диего Вирт.

– Сносило, но он запеленговал маяк танка и вышел по гиперболе почти над машиной. Паутины пытались в этот момент подойти ближе, я их отогнал.

Помолчали немного, заново привыкая к угрюмому пейзажу с торчащим из дымной подушки серым пальцем земного звездолета. Здесь все было по-прежнему. Стояла над кораблем лесенка из десятка паутин, еще около десятка их сплели вогнутую решетчатую стену между Городом и кораблем. Остальные висели или плавали без дела, словно наблюдатели. Впрочем, одна деталь чужой местности изменилась: увеличилось количество грибообразных черных наростов, цепочкой окружающих корабль. Явно не к добру.

– Ну, так, – щелкнул пальцами Сташевский. – Поедем вокруг Города. Не очень быстро, километров под сорок...

Грехов кивнул. На равнинной местности «Мастифф» мог бегать в пять-шесть раз быстрее, но надо было смотреть по сторонам, а их было всего четверо.

Молчанов сел справа от него и открыл футляр странного, паукообразного аппарата с еще более странным и длинным названием: координатор внезапно появляющейся информации искусственного происхождения. Представлял он собой чудо нейристорной техники из специального снаряжения коммуникаторов, и все, что Грехов знал о нем, так это то, что он выделяет из хаоса разнообразной информации искусственные сигналы.

«Сомнительно, что он нам поможет хоть чем-нибудь», – подумал он с усмешкой.

– Интересно, – пробормотал Диего, очевидно, более знакомый с аппаратурой, и примостился за спиной Молчанова.

Чтобы не отвлекаться, Грехов включил внешние акустические приемники, и звуки движения – рокот моторов, хруст гусениц, шорохи и шелест породы под ними – заполнили кабину. Сквозь эти звуки иногда доносились возгласы Диего и невнятное бормотание Молчанова. Сташевский же все внимание обратил на деятельность паутин возле Города.

До обеда они дважды объехали Город по разворачивающейся спирали, не обращая внимания на следующего за ними настырного любопытника. Грехова не покидало ощущение постороннего взгляда, и поэтому ему с трудом удавалось сохранять видимость хладнокровия.

Пообедали в хмуrom молчании. Диего Вирт, по обыкновению очень скупно рассчитывающий свои движения, хмурился и поглядывал на часы. Подавленное настроение группы держалось до вечера. Уже перед самым закатом Грехов вдруг заметил далеко в стороне непонятный объект. Виден он был смутно, оптика помогала мало, пришлось немного свернуть на юг. И тут Грехов понял, что двигаются они как-то странно: держал он точно на объект, похожий издали на черное кольцо, а объект вдруг оказался чуть левее; Грехов повернул влево, но через несколько секунд кольцо снова сместилось влево, хотя он не касался управления. Он увеличил скорость, снова повернул влево – кольцо прямо на глазах ушло в сторону, и на этот раз гораздо быстрее. Создавалось впечатление, что каменный щит под танком поворачивается вокруг оси, и чем быстрее они едут, тем быстрее он поворачивается.

Грехов остановил танк. Поехали – цепь скал на краю открытого пространства тут же опять завертелась влево.

– В чем дело? – осведомился Сташевский.

Грехов продемонстрировал ему странное явление и попробовал с ходу миновать площадь, на которой они застряли. Но за несколько секунд танк оказался развернутым на сто восемьдесят градусов и мчался уже к центру площади. И снова... и снова... Чем ближе к краю, тем быстрее их сносило и разворачивало к центру пустыря. Наконец Грехов выдохся и остановил танк.

Молчание в кабине было красноречивым.

Они оказались внутри какого-то «заколдованного» кратера, стены которого на три четверти состояли из фиолетовых скал, а замыкались черной стеной Города и башней корабля.

– Попробуй еще раз, – нарушил молчание Сташевский.

Грехов попробовал – тот же результат.

– Это вы не проходили? – попытался пошутить Диего Вирт, обращаясь к Молчанову.

– Нет, – ответил тот серьезно, теребя в задумчивости подбородок. – С таким явлением сталкиваюсь впервые, и, насколько я знаю, об этом не упоминал никто из исследователей.

– Все это хорошо, – вздохнул Сташевский, – качественно новое явление и все такое прочее... Однако надо же отсюда и выбираться.

Отдаленный гул заставил всех насторожиться. Гул нарастал, задрожала почва. Через полминуты гул превратился в сильный грохот, треснула стена скал, и в образовавшийся пролом скользнула... огромная черная гора, устремившаяся через площадь к Городу. Она пересекла пустое пространство, оставив после себя дымящуюся борозду, и без следа растворилась в ущельях Города.

Недолго думая Грехов запустил двигатель на всю мощность и бросил танк вдоль борозды к пролому. Спустя минуту они были уже за пределами странной площади, не выпускавшей их из своих объятий больше часа.

Диего попытался объяснить феномен «плывущим гравитационным полем», но Сташевский попросил Грехова, «как бывшего специалиста», уничтожить это «изящное рассуждение», и тот популярно объяснил Диего, что он, то есть Диего Вирт, компетентен в физике гравитации так же, как он сам в черной, а заодно и белой магии. Правда, Грехов тоже ничем не мог объяснить их приключения, несмотря на то что действительно три года назад окончил Институт физики пространств. Для выводов нужны были экспериментальные данные, факты.

На ночь танк остановили на том же месте, что и в первый раз. Краски заката быстро поблекли, зато заиграли переливами холодного света паутины и Город. Возможно, Грехов был слишком эмоционален для работника УАСС, но в созерцании красочной феерии света он находил истинное удовольствие. Только иногда сознание как бы вспоминало свои обязанности и становился слышным шепот – не очень приятное напоминание о присутствии иной, загадочной жизни. Они уже привыкли к нему, как привыкают и не замечают завывания ветра в непогоду.

Провели очередной сеанс связи. На земном форпосте кое-что изменилось. К Тартару прибыли энергоснабженцы и экспериментальный корабль-лаборатория, битком набитый разного рода генераторами.

– Намечается эксперимент, – сообщил Кротас. – Физики хотят «вырезать» кусок пространства вместе с кораблем и перебросить его с планеты за пределы атмосферы.

– А мы? – очень своевременно спросил Диего Вирт.

– А вас захватит спасательный патруль. Монтажники заканчивают сборку подъемника, завтра попробуем высверлить в атмосфере безынерционный канал. А пока вы будете корректировать наводку генераторов для эксперимента.

– Ясно, – отозвался Сташевский, помахал рукой Полине, и сеанс закончился.

На этот раз первым на вахту встал Грехов. Четыре часа пролетели незаметно, он даже спать не захотел, поглощенный наблюдениями за действиями любопытников и паутин. Да, они явно что-то готовили: притащили откуда-то еще несколько «грибов», и теперь вокруг колонны корабля образовалась сплошная черная стена. А уже перед самой сдачей дежурства – Грехов как раз смотрел на неподвижное облако белого дыма, из которого вырастал корабль, – облако это вдруг с сильным треском опало, и под кораблем всплыла сияющая до боли в глазах паутина. Она подхватила корабль снизу, края ее полезли вверх, и в конце концов звездолет оказался завернутым в «авоську». Все замерло на некоторое время. Потом паутина с долгим шипением расплзлась прежним белым дымом, и Грехов, разжав вспотевшие от напряжения кулаки, зло-радно пробормотал:

– Что, не вышло, голубчики?

Несколько паутин-наблюдателей тотчас же улетели к Городу, и, пока Грехов проверял функционирование главных систем танка, одна из них приволокла черный «гриб» и воткнула его выше по склону воронки. Они начали строить вторую цепочку «грибов». Все это происходило так целенаправленно, что Грехов вдруг понял тех, кто ратовал за присутствие на планете разума. И если он действительно был здесь, то по всем человеческим меркам оказывался за пределами понимания. Ни он, ни люди не понимали друг друга, и неизвестно было, что же требуется для того, чтобы сделать первый шаг к взаимопониманию. Единственное, что вынес Грехов из своего наблюдения, было то, что возня паутин у земного звездолета указывала на их явную заинтересованность в нем.

Разбудив Сташевского, Грехов наскоро пересказал ему все, что видел сам, и попросился расположиться на отдых в кабине. Но командир был непреклонен, и ему, хотя и с неохотой, пришлось удалиться. Сташевский же сел за передатчик и вызвал Станцию.

За бортом разгорался день, словно штампованный по заказу, – так он походил на остальные тусклые дни Тартара.

За ночь паутины построили еще одну цепь из загадочных грибообразных тел и терриконов, удвоив их количество. Над танком кружили уже три сети, так что в ощущениях людей преобладало чувство загнанной в угол жертвы. О связи со Станцией нечего было и думать. Сташевский сказал только, что ровно в шестнадцать по универсальному времени оттуда попробуют проткнуть атмосферу планеты направленным полем, и, если все обойдется удачно, проблема безопасной доставки грузов на Тартар будет решена.

Грехов машинально оглядел небосвод, волокнистая зеленая пелена которого нависла так низко, что казалось, будто над ними висит целая планета, закрытая облачным слоем. Вершина близкого корабля виднелась размытой и колеблющейся, и там, на полукилометровой высоте, Грехов увидел темное перемещающееся пятно. Оно медленно плавало на одной и той же высоте, иногда ненадолго замирало на месте, потом снова описывало круги и петли – неторопливо и бесцельно.

– Что это над кораблем? – спросил Грехов Сташевского. – Слева... Теперь плывет с другой стороны.

– Где?

Грехов переключил окно дальновидения и показал странное медузоподобное облако, просвечивающее, как кисейная накидка.

– Серый призрак, – посмотрев, пробасил Молчанов. – Неуловимое и чрезвычайно любопытное создание. Гилковский как-то нарвался на гравистрелка и, если бы не серый призрак, подплывший в этот момент, живым бы он не ушел.

– Я слышал об этом, – сказал задумчиво Сташевский. – Но думал, что это легенда.

– Нет, – сухо сказал Молчанов. – Я был вместе с ним...

– Но как же?... – начал Грехов, но уловил движение Сташевского и замолчал.

Молчанов усмехнулся.

– Не сверлите его взглядом, Святослав, любопытство всегда законно. На меня гравистрелок не напал потому, что я в этот момент находился в кабине вездехода.

Что-то он не договаривал, Молчанов. Грехов понял это по его секундному замешательству, но продолжать коммуникатор не стал, а расспрашивать дальше было неудобно.

Грехов попытался представить вмешательство серого призрака при нападении гравистрелка (какова тогда его мощь?!), но как раз наступил один из периодов «сна на ходу», когда ему начинали грезиться странные смазанные картины – влияние излучения паутин, как говорил Молчанов, – и некоторое время пришлось провести в борьбе с забытьем. На каждого из них излучение, очевидно, действовало по-разному. «Хорошо бы сравнить ощущения...» – подумал он мимолетно.

В черте корабля сработали какие-то таинственные механизмы, по периметру вокруг его башни замелькали ярчайшие факелы сине-зеленого пламени, искажающие каждый раз контуры звездолета. Через несколько минут вспышки прекратились. Приборы бесстрастно зафиксировали появление и убыль ионизации, пляску электромагнитных полей.

Грехов привычно отметил время и, размышляя, тихо сказал:

– Не могу понять одного – почему на планету, жизнь которой не разгадана, присутствие разума на которой еще никем не доказана, послали отряд коммуникаторов? С кем они собирались устанавливать контакт? С паутинами? С любопытниками?

– С пластунами, – пробормотал Диего Вирт. – Или с серыми призраками. Не все ли равно?..

– Шутник, – посмотрел на него Грехов.

– Да, в этом вы правы, – вздохнул Молчанов, и узкое морщинистое лицо его помрачнело. – С посылом коммуникаторов поторопились. Но в данный момент это уже не вина, а скорее наша беда. На Станции в то время было слишком много горячих голов...

– Горячие головы... – по-стариковски пробормотал Сташевский, глядя на ровную колонну корабля. – Горячие головы... Раньше говорили: сколько голов – столько умов, но первых всегда больше. Полное совпадение с действительностью...

В кабине наступила относительная тишина. Но разве сравнить эту живую пульсирующую тишину с невыразимо холодной и глубокой тишиной целой планеты? Небывалой тишиной, казалось бы, абсолютно мертвого мира. Как понять ее, с чем сравнить? Как увязать ее с тем, что мир этот не мертв, что он жив, и жив активно? Спустившись со Станции, они из велика-

нов, обозревающих всю планету единым взглядом, превратились в муравьев, ползающих по огромному механизму неизвестного назначения, муравьев, не способных понять отдельные движения шестерен, пружин и колес и объединить их в понятие механизма. Как можно было говорить о контакте, не поняв, с кем и как его устанавливать?

– Парадокс, – вслух сказал Грехов.

Никто ему не ответил.

– Паутины, – предупредил Диего. – Что-то много их сегодня.

Грехов поднял голову – паутина уже накрывала танк слабой сетчатой тенью – и, почувствовав болезненный толчок в висках, перестал видеть свет.

На какую-то долю секунды он ощутил бег времени. Нет, не бег – сжатую пружину времени. Бездну сжатого до невероятных пределов времени. Что-то происходило вокруг, происходило на всей планете, чувств человеческих не хватало, чтобы заметить это, увидеть, понять. Но прорвалось мгновение, какое-то «десятое» чувство, даже не интуиция – мгновение, когда ритм чужой жизни сам пробился в мозг, заставляя его напрягаться в безуспешных попытках осмыслить эту жизнь...

Грехов не успел ничего понять, просто ощутил – пропасть разверзлась под ним, захватило дух, и тут же он оказался на твердой земле, и нет пропасти, а сердце еще не успело отреагировать, замерло, когда все уже прошло...

Он никому ничего не сказал. Даже Сташевскому.

«Потом, – подумал он, – на Станции. Когда можно будет перевести это в шутку».

Взрыв

В шестнадцать часов по универсальному времени обещанный Кротасом канал прямого безынерционного сообщения со Станцией не появился. Связи тоже не было, все диапазоны, как и прежде, были сплошь забиты помехами.

Вечером Сташевский велел подъехать к кораблю поближе и остановиться невдалеке от двойного ряда часто натканных «грибов». Невидимая отталкивающая стена все еще была на месте, делать было нечего, оставалось только ждать ночи, когда можно будет установить связь.

Багровое светило наполовину вошло в зыбкий горизонт, заливая долину, Город, корабль, туманный воздух струями алых радуг. В мире ненадолго воцарился рубиновый цвет, перечеркнутый тенями скал и корабля. Потом Тина как-то одним движением ухнула вниз, и наступила вишневая, быстро сгущающаяся мгла.

Грехов развернул танк кормой к парящему звездолету и тихонько подъехал задним ходом вплотную к прозрачной силовой стене, но перестарался: танк снова развернуло, и он пытался уже вверх по склону воронки.

– Не играйся, – проворчал Сташевский, включая приемник. Связь отыскалась почти сразу, как только танк выехал на открытое пространство.

– «Мастифф», почему не отвечаете? «Мастифф», почему не отвечаете? – послышался в кабине голос Полины, и в виоме появилось ее милое, чуть осунувшееся лицо. Увидев их, она только глубоко вздохнула, нашла глазами Грехова и, глядя на него, сказала: – Почему молчите, Габриэль?

– Все нормально, малышка, – сказал Сташевский. – Давай нам начальство.

Полина уступила место смуглому горбоносому человеку с близко посаженными ярко-желтыми глазами. Сташевский и Молчанов почтительно склонили головы, Грехов с некоторым запозданием сделал то же. Это был Банглин, председатель Комиссии по контактам.

– Корабль все еще молчит? – быстро спросил он, ощупав каждого пристальным взглядом.

– Молчит, – ответил Сташевский. – Пройти к нему не можем...

– Знаю. Как ведут себя паутины?

– Сопровождают каждый наш шаг. Но защитное поле помогает, хотя и в неполной мере. Любопытники более опасны, но и встречи с ними более редки.

– А серые призраки?

– Призраки контакта с нами не имели... хотя в этом я и не уверен.

– То есть? Как вас понимать?

– При переходе через Город мы встретились с любопытником, и... в общем, мне показалось, что из Города нас вынес серый призрак. То есть не нас одних, конечно, а весь танк.

– Это весьма любопытно, – оживился Банглин. – А не мог автомат записать эту информацию на машинный инфор?

– Не знаю, не задумывался. Инфор мы отослали с зондом.

Банглин потускнел.

– Ах, да... Дело в том, что зонд не вернулся...

Грехов переглянулся с Диего. Наступила короткая тишина.

– Такие-то вот дела... – Банглин поморщился и продолжал: – Ваше пребывание на поверхности считаю нецелесообразным. Эксперимент с «вырезанием» корабля временно откладывается. Готовьтесь, через полчаса мы включим подъемник и опустим по каналу десантолет. Все понятно?

– Как будто все...

Банглин внимательно посмотрел на Сташевского, кивнул:

– Хорошо. Ждем вас здесь, до встречи.

Виом опустел.

– Давай, – скомандовал Сташевский, но Грехов уже и без него включил моторы, и танк запрыгал по каменным волнам. Башня корабля приблизилась.

Столб направленного излучения появился точно через полчаса, заметный, как дрожащий поток раскаленного воздуха, искажающий очертания Города. Столб колебался, не стоял на месте, танцевал. То ли его сбивало общее поле планеты, то ли было трудно поддерживать фокусировку луча на таком расстоянии... Гравиподъемник на Тартаре использовали впервые, и Грехов с тревогой подумал, что никто не знает, какой реакции следует ждать при этом от неведомых обитателей планеты.

Первым на отдаленный низкий гул, последовавший за установлением силового тоннеля, обратил внимание Молчанов. Он коснулся плеча Сташевского, тот предостерегающе поднял руку, и в этот момент произошло непонятное: слой почвы, в которую упирался силовой луч подъемника, вдруг с оглушительным грохотом лопнул, края разлома задрались вверх, и из-под почвы ударила в зенит черная струя. Грехов, спохватившись, помигал прожектором, закричал в микрофон: «Назад!» – но было уже поздно. В вышине загорелась желтая звезда – лазерный прожектор десантолета: со Станции начали спуск.

Новая волна грохота: еще одна струя взметнулась ввысь и достигла десантолета. В том месте что-то ослепительно вспыхнуло, и десантолет стал валиться на Город, оставляя за собой трассу гаснущих желтых огоньков. Через несколько секунд донеслось долгое раскатистое рычание.

– Черное извержение! – прошептал Диего.

Они уже неслись на полной скорости, так что за кормой вздулась полоса пыли. А из странного разлома вдруг плюнула еще одна струя, вздымаясь на неведомую высоту. На Станции догадались выключить канал подъемника, и растущий столб оборвался, стал падать с неба исполинскими черными брызгами, одна из которых, размером с гору, чудом миновала танк.

Паутин объявилось чрезвычайно много. Они сустились в воздухе, не замечая танка, но Грехову наблюдать за происходящим было совершенно некогда, и он не увидел, чем закончилось жуткое в своей мощи и непонятности явление.

Танк с ходу углубился в первую попавшуюся «улицу» Города, уходящую черной рекой в глубь призрачного, насыщенного голубоватым туманом свечения массива. Здесь тоже роились паутины. Большинство их проносилось к месту падения десантолета, остальные выстраивались в одну громадную сеть, накрывающую Город сверху.

Почему-то взгляд Города переносить стало легче, а может, просто не было времени на анализ своих ощущений. Во всяком случае, мозг справлялся с влиянием постороннего психотронного излучения. Приемник перестал греметь, и в шелестящей тишине они вдруг услышали... плач ребенка! Это было странно и чудовищно! Откуда в Городе мог оказаться ребенок?!

Сташевский переключил диапазоны и присвистнул. Плач, вернее, тоненькое тоскливое завывание царило на всех несущих волнах. Более того, плач слышался со всех сторон, брать пеленг было бессмысленно.

Они так и не разобрались, что это было: эхо передачи со Станции, фокус необычайной помехи или еще что-то... Крупная вибрация потрясла вдруг Город. Откуда-то снизу, из таинственных его глубин, послышалось низкое мощное гудение. Сразу в нескольких местах раздалось гулкие удары – взрывались паутины!

Грехов взглянул на пульт и ужаснулся. В пространстве происходило светопреставление! Приборы показывали безумную пляску силовых полей, невероятную плотность излучений! Давление за бортом то падало до нуля, то поднималось до невообразимых величин! Температура менялась ежесекундно!..

Но на все это ему было наплевать, главным было то, что в центре пульта смотрел на него злобный рубиновый глаз: защита реактора давала сбой, поле не держало, пульсировало, что-то его расщепляло, и растерявшийся автомат быстро-быстро переключил генераторы с основного на дублирующий.

Сташевский оценил опасность быстрее Грехова.

– Из танка, быстро! – гаркнул он и одним движением выбросил Молчанова из кресла.

– Зачем?! – изумился тот.

Грехов притормозил. Диего Вирт молча подтолкнул растерявшегося коммуникатора к выходу и махнул на прощание рукой. Он все и всегда понимал сразу и не требовал объяснений.

«Дружище, пришла и твоя очередь действовать самостоятельно...» – обожгла Грехова мгновенная мысль.

Танк мчался над струящейся чернотой «улицы», под ним грохотало и гудело, и впереди уже показались редкие клубы дыма: где-то догорал разбившийся десантолет. Две блестящие фигуры вскоре исчезли за поворотом.

Сташевский пытался что-то сделать с настройкой защиты, но рубиновый глаз пылал неукротимо, до взрыва оставались, может быть, какие-то мгновения, и Грехов все увеличивал скорость, словно пытаясь убежать от самого себя, от своих мыслей и страха.

На одной из «улиц», пересекавших их дорогу, догорали остатки разбитого десантного шлюпа, они проскочили мимо, но Сташевский крикнул: «Стой!» – и Грехов остановил танк.

– Беги!

– Нет!

– Да беги же!..

Сташевский вдруг схватил Грехова за плечо, сжал его до боли.

– Я прошу тебя, Габриэль, – почти беззвучно сказал он. Никогда Грехову не забыть его лица, когда он говорил свое: «Я прошу тебя, Габриэль...» – Помогите пилоту, если он жив.

Внутри у Грехова словно что-то сломалось. Он не помнил, как выбирался из кабины, а когда оглянулся, танк был уже далеко. Наконец скрылся за поворотом, а Грехов все смотрел ему вслед сквозь набегающие будто от злого ветра слезы. Странно, что паутины не обратили внимания на столь удобную для них цель: спасатель забыл включить генератор защитного поля,

горб которого весомой тяжестью давил спину. Он только смотрел и считал вслух секунды. А потом ослепительный свет вспыхнул над Городом и выжег все тени жарким дыханием ядерного ада.

– Святослав!.. – прошептал Грехов похолодевшими губами. – Святослав...

А город сотрясаясь, вибрировал, стонал, качались полупрозрачные стены «зданий», рас трескиваясь под аккомпанемент сатанинского грохота и скрежета, низкий гул взрыва распол- зался ущельями улиц, свистящими вихрями пролетали над Городом паутины. Пурпурный гри- бообразный смерч возносился к небу. Яркий, веселый и страшный смерч...

Грехов сделал шаг, и в это время из стаи паутин над головой выпал серый призрак, устре- мился к нему. На один миг необычайная глубина раскрылась перед Греховым. Словно распах- нулись врата в иной мир, в совершенно чуждый ему мир иной гармонии... Вселенная качну- лась и закружилась вокруг него... Последнее, что он почувствовал в преддверии забвения, – удивленный взгляд. Потом был короткий полет, мелькнул и остался в стороне Город, прибли- зились скалы, и его бережно опустили на рыжую почву. Призрак взмыл вверх и исчез, а от скалы вдруг отделился металлический гигант и направился к нему. Робот-охранитель.

– Диего... – прошептал Грехов, борясь с рыданием. – Святослава... нет...

– Диего Вирт ушел в Город, – отозвался голос Молчанова. – За вами... так он сказал... Безумству храбрых поем мы песню... Герои... Гибнем, как мухи в паутине... К чему?.. А потом нас начинают спасать серые призраки...

Но Грехов уже не слушал Молчанова. Он смотрел на Город. Ждал. Он знал, что, если Диего не вернется через час, он пойдет за ним точно так же...

Над Городом вставало алое сияние, перечеркнутое черным дымным столбом. Странную белую метель гнал ветер из Города, пока Грехов не понял, что это летят паутины.

– Надо найти убежище, – пробормотал Молчанов. – Здесь стоять небезопасно...

– Тогда Диего нас может не найти, – ответил безжизненным голосом Габриэль и вдруг почувствовал, что над ним смыкается тьма.

Как сквозь толстый слой ваты, донесся чей-то знакомый голос:

– Габриэль!

– Диего, – прошептал Грехов. – Вернулся!..

Часть третья. Посвящение в истину. Габриэль

На Земле

Молочно-белая со светящимися прожилками стена бесшумно раскололась и выпустила двоих в голубоватых халатах: высокого мужчину с властным лицом и полную женщину с винноватым выражением глаз.

– Что? – глухо спросил Диего Вирт, делая шаг из ниши.

Мужчина окинул его цепким взглядом, узнал, кивнул и прошел мимо. Женщина приостановилась.

– У него афазия... психологический шок. Это не опасно, но лечиться нужно долго. Земля, голубое небо, голубые озера... Или чарианский санаторий.

– На Чаре он уже был... после катастрофы. Больше года...

– Мария, – окликнул из-за поворота старший врач.

Женщина ободряюще улыбнулась и ушла.

– Так, – пробормотал Диего. Поймал себя на том, что повторяет слова и жесты Сташевского, и помрачнел. Сташевского нет. Ему не нужна уже никакая медицина – ни земная, ни чарианская... Барельеф на стене Героев... Стереопортрет в УАСС... память... И память...

Стена медцентра раздвинулась вновь, и оттуда вышла Полина Серебрянникова, бледная и тихая. Они встретились глазами, и Вирт невольно сделал шаг навстречу.

– Что ты, Полин?

Полина покачала головой.

– Не надо, Диего. Я просто устала. Спасибо... за Габриэля. За то, что он жив.

Диего Вирт слегка нахмурился, взял Полину за локоть. «Узнать, что Габриэль жив, – подумал он, – после того, как целый год была уверенной в его гибели... и потом едва не потерять снова... Не слишком ли много для одного человека?»

– Диего Вирт, вас просят зайти на командный пункт, – сказал вдруг из ниши женский голос. – Диего Вирт, вас просят зайти на КП.

Он скользнул взглядом по белой стене, скрывающей за собой зал и аппаратуру медицинского комплекса, и повел Полину к эскалатору.

В центральной диспетчерской командного пункта его ждали Банглин, Кротас и универсалисты.

– Грехова надо на Землю, – сказал Диего, рассматривая браслет видеосвязи на руке. – У него шок...

– Трансгал «Солнце» уходит к Земле завтра, в семь часов, – сказал Кротас. – Грехова отправят с ним.

Диего Вирт поднял глаза на председателя Комиссии по контактам.

– И Серебрянникову, конечно, – добавил Банглин, поняв безмолвный его вопрос. – Прошу вас, Диего, расскажите о... гм... спасении Грехова еще раз. Ситуация, скажем прямо, неправдоподобная...

Вирт встретил взгляд Кротаса и вдруг почувствовал робость, как на экзамене. Эти суровые люди, прошедшие огромную жизненную школу, закованные в броню своих обязанностей, знали цену решений и имели право не только просить, но и приказывать, хотя, наверное, были так же уязвимы, как и все остальные. Однако жизнь и работа после неудач, катастроф и жертв для них не кончились.

– У меня этот факт не вызывает сомнений. Грехова принес из Города серый призрак. Я в это время снова пошел в Город, думал, вдруг пригодится моя помощь... Молчанова я оставил

с роботом-охранителем... Успел пройти, наверное, с полкилометра, когда увидел летящего призрака... Вернулся. Вот, пожалуй, и все...

– А что делал призрак потом?

– Улетел к Городу. А спасательный модуль нашел нас только через пять часов.

– Любопытно, – тихо сказал Сергиенко, переглядываясь с Квечиным. – Это не первый случай такого рода. Паутины нападают, охраняя Город, а серые призраки спасают людей. Почему?

– Может, кое-что нам пояснит сам Грехов, – сказал Банглин, – когда поправится. А вообще, с таким положением дел мириться нельзя. Надо подключить все крупнейшие лаборатории проблем контакта, физические институты, объявить широкое обсуждение возникших затруднений среди специалистов...

– Лишь бы не признаваться в поражении, – дернув щекой, сказал Кротас. – Не слишком ли дорого мы платим ради познания?

– Я пойду? – сказал Диего Вирт, чувствуя себя лишним.

– Да-да, пожалуйста.

В зале после его ухода некоторое время длилось молчание. Потом Сергиенко исподлобья взглянул на зло прищурившегося Кротаса и усмехнулся.

– А ты, Нат, ты лично способен признаться в своем бессилии перед этой планетой? Перед теми, кто бросил нам этот странный вызов? Можешь ответить?

– Я-то? – переспросил Кротас. – Я-то способен, я на многое способен... Вы посылаете людей на разведку нового, неизведанного, но не считаетесь виновными, если они встречаются с опасностью и гибнут. Спасатели же не имеют права погибать там, где ждут их помощи. И если они все-таки гибнут, то виноват я. Виноват в том, что не предусмотрел, не смог предусмотреть всего, посылая их в спасательный рейд...

– Утрируешь, Нат. – Банглин поморщился. – Разве мы ищем виноватых? Существуют какие-то методы разрешения тех противоречий, которые мы испытываем с изучением цивилизации Тартара. Просто мы не нашли этих методов, поэтому так велик риск в познании, как ты говоришь, нового, неизведанного. Неужели отступим?

– Предположим, нет. Но какой ценой? Снова жизни товарищей?

Холодный огонь сверкнул в глазах Банглина, но говорить он ничего не стал. Слева от них сработали системы обзора, и с высоты пяти тысяч километров открылся вид на ровный белесый сфероид Тартара.

Диего Вирт стоял на смотровой площадке станции приема трансгалактических кораблей и смотрел на яркую желтую звезду в правой полусфере площадки. Это было Солнце. Он не один раз возвращался из дальних полетов, видел десятки других светил, более могучих, яростных и, наоборот, багровых и тихих, как потухающий костер, но Солнце волновало его по-иному, смотреть на него было приятно и радостно, потому что Солнце – это уже Земля, это запахи и тепло родного дома.

– Идем, Диего, – окликнул его Шелгунов.

Вирт с сожалением оторвал взгляд от черного «небосвода» с искристой полосой Млечного Пути.

– В отдел? – спросил Шелгунов уже в коридоре, поблескивая в полутьме круглыми зоркими глазами.

– Сначала отправлю Габриэля.

– Лечцентр на Филиппинах?

– Нет, медицинский профилакторий в Брянских лесах, на Десне. Там родилась Полина, а она лучше знает, что нужно Габриэлю для выздоровления...

– Не везет парню. Второй раз попадает в переделку. Как это с ним случилось?

– Потом расскажу. Ты вот что. – Диего остановился. – С Аней все нормально?

– А что с ней может случиться? – простодушно удивился Шелгунов. – Это она не знает, что ты вернулся, а то давно была бы здесь.

Диего Вирт вздохнул.

– Ты ей не говори... ну... совсем не говори, что я был в Системе. Устрою Габриэля, побываю в отделе – и опять к Тартару. Там еще много работы, и бросить ее сейчас нельзя. Понимаешь?

Шелгунов подумал и сказал:

– Вообще-то не очень, но ты можешь не объяснять.

Они подошли к оранжевой двери зала ТФ-сообщений, за которой только что скрылись голубые халаты врачей, готовивших к транспортировке на Землю Грехова, и снова остановились.

– А что объяснять? – с неожиданной грустью сказал Диего. – О гибели Сташевского Аня уже знает, а тут еще Габриэль... Если я приду сейчас к ней, живой, невредимый... а потом снова уйду... Думаешь, ей будет легко? Да что говорить, ты человек несемейный, не поймешь, пожалуй.

– Не пойму, – согласился Шелгунов. – Тебе видней. Что ж, до встречи?

– До встречи. Спасибо, что прилетел. Ты сам-то куда сейчас?

– Меркурий – база планетологов. Рисковые ребята, глаз да глаз нужен...

Диего Вирт сжал ладонь Шелгунова и шагнул в дверь. От Земли его отделяли только минуты подготовки аппаратуры. Сама ТФ-передача осуществлялась практически мгновенно.

Лечение

Поначалу Полину впускали к Грехову лишь на короткое время. Она входила в помещение лечебных процедур и молчаливо усаживалась перед прозрачной стеной. Грехов, неподвижный, утонувший в пеномассе, безучастно смотрел на нее огромными, заполненными внутренней болью глазами. Он был слаб и беспомощен, и слезы душили Полину: никогда еще она не видела Габриэля столь не похожим на самого себя, и жалость к нему поднималась в ней слепой волной, жалость и желание обнять, закрыть своим телом амбразуру боли и горечи воспоминаний...

Потом он начал узнавать ее, улыбался странной улыбкой дважды воскресшего человека, но иногда словно облачко набегало на его лицо: он вдруг гасил улыбку, и Полина внутренне сжималась от тревожного предчувствия, хотя не знала и не могла знать, откуда приходит к ней ощущение угрозы ее и без того недолгому ущербному счастью.

Наконец через десять дней лечения стимуляционными излучениями врачи разрешили Грехову покинуть медцентр, правда, пока не дальше Брянского заповедника, в пределах которого действовала связь с медицинской аппаратурой центра: автоматы продолжали следить за его состоянием через датчики, что невольно напоминало ему санаторий на Чаре. Правда, земная природа была ему во много раз дороже.

– Куда теперь? – спросил Грехов, оглядываясь по сторонам. Они стояли на крыше здания, окруженного с трех сторон сосновым лесом. С четвертой открывался вид на Десну, на пойменные луга правобережья. Желтый глиняный обрыв, темная зелень бора, тишина, свежий ветер... И до самого горизонта светлая прозелень лугов, полосы ивняка и ольхи... Простор... А с другой стороны – мохнатая, темно-зеленая шкура хвойного леса, усеянная кое-где драгоценными вкраплениями березовых, дубовых и кленовых вершин, кристаллическими пирамидами зданий.

– Я родилась в Деснянске, – сказала тихо Полина. – Недалеко, полчаса на такси. Можно также ТФ-коридором, если захочешь...

– Лучше такси. Здесь ведь нет паутин...

Полина испуганно посмотрела на Габриэля, но он шурился на солнце и улыбался, с удовольствием ощущая свое тело сильным и послушным, как и прежде.

Что-то стояло между ними. То ли память долгой разлуки, то ли тяжесть пережитого. Преграда, конечно, хрупкая, но оба не знали пока, как ее переступить. Полину не покидало чувство неловкости, будто познакомились они совсем недавно, и поэтому она смотрела на Грехова робко и с недоверием. Ей все еще казалось чудом, что он жив, что он здесь, на Земле, рядом, что опасность не угрожает ему и он не исчезнет в неизвестности, как это было уже не один раз.

Пинасс-такси воспарил над лесом, и Грехов, впитывая наплывающие снизу запахи и звуки, наслаждаясь покоем, древним покоем древней Земли, почувствовал на себе взгляд Полины, медленно повернул к ней голову и увидел слезы, дрожащие в ее глазах.

– Полина... – сказал он вдруг пересохшими губами. – Серебряный свет мой...

Светопанели медленно угасали, комната потеряла размеры и реальность, мрак поглотил ее. Дождавшись, пока в толще стен погаснет последний огонек, Габриэль изменил поляризацию части стены, и ему показалось, что он заглянул в глубокий колодец, на дне которого засиял мягким светом лунный диск.

– Не спугни, – прошептал он, отодвигаясь. Полина придвинулась ближе, по лицу ее скользнул прозрачный лучик и отозвался в груди Габриэля замирающей болью.

– Ты не сказал мне, что был на Чаре после... после того случая... Изменился...

– Больше года меня не было... Я ведь тоже не знал, что этот год прошел для меня в более глубоком сне, чем обычно. Если бы не врачи Чары...

– Я знаю, Диего рассказывал. И все же год – это очень долго, это вечность, и теперь мне кажется, что я намного старше тебя. Неизвестность хуже несчастья, я боюсь: за тебя боюсь, за себя боюсь. Но пока ты рядом – ты мой...

Руки Полины обняли Габриэля за шею, и горячие губы прижались к ее губам...

По стене бежал серебристый зайчик, остановился, подмигнул и исчез. Он был деликатен, словно знал, как хрупко и изменчиво то, что люди называют счастьем...

– Диего оставил для тебя письмо...

– Письмо? Разве он не на Земле?

– Он опять ушел к Тартару... железный человек...

– Не надо об этом, давай помолчим.

– Не хочу, Ри. Только что я просила тебя сама – помолчим, но не могу, хочу говорить с тобой. Когда тебя вынес из модуля Свекольников, ты не узнавал меня, и я подумала... Это было страшно, понимаешь?! А до этого, когда Диего пригласил меня работать на Станции, он так странно усмехался... И через три дня я вдруг увидела тебя и думала, что разорвется сердце! И ты был как чужой, и ушел туда, на Тартар, и это было еще хуже... Это постоянное ожидание нового несчастья... какие силы ада я призывала, чтобы с тобой ничего не случилось!.. А потом Сташевский... и ты на руках у Свекольникова... Я не плакала никогда, Ри, но сейчас мне хочется плакать... Неужели я такая слабая? Но ты так много значишь, так много значишь для меня!..

Габриэль глубоко вздохнул, закрывая глаза. Говорить он не мог. Только много времени спустя, на исходе лунной ночи, он прочитал ей древние стихи:

В тебе одной —
Все женщины Земли.
В тебе одной —
Глаза их, слезы, губы,
И нежность,
И рождения... и сны...

Утро выдалось прохладное и дождливое. Макропогодные установки пригнали с запада громадный облачный вал, обложивший все небо над Деснянском на многие десятки километров.

Габриэль поежился, открыл глаза, вспомнил, где находится, и легко вскочил с кровати. Полина еще спала, губы ее были полуоткрыты, а лицо – печально. Он не стал ее будить. Тихонько выбрался из спальни в зал, нашел информационный виом и, набрав нужный код, попросил робота сообщить все сведения о событиях на Тартаре за последние полтора месяца.

Информация была скупая, но все же он узнал, что группе специалистов-физиков удалось провести эксперимент по изъятию трансгала с людьми с поверхности Тартара в околопланетное пространство. О трудностях в сводке ничего не говорилось, но Габриэль представлял, с чем пришлось столкнуться физикам на планете... и спасателям. Диего в том числе. Он жадно продолжал слушать дальше и тут узнал поразительную новость: когда «размотали» силовое поле вокруг корабля, оказалось, что все сорок шесть человек злополучной экспедиции не только живы и здоровы, но даже и не подозревают о той буре недоумения и тревоги, которую посеяло молчание их корабля среди тысяч людей. Первое, что сказал Тенишев, начальник исследовательской группы, ступив на порог командного зала Станции, было: «Не вижу причины столь экстравагантного возвращения экспедиции». По его словам, трансгал даже не успел произвести посадку, как вдруг оказался за пределами атмосферы Тартара: по их часам с момента старта прошло всего восемь минут, а не двадцать суток, взбудораживших чуть ли не все Управление аварийно-спасательной службы. Простейший расчет показывал, что время в корабле замедлило ход в три с лишним тысячи раз по сравнению с независимым физическим временем Земли...

«Счастливое известие, – подумал Габриэль. – Но за него отдали жизни Сташевский и пилоты спасательного модуля... А люди Тенишева живы и здоровы... Но кто мог знать?»

Произошли изменения и в сфере обслуживания научного центра над Тартаром. Появилась вторая Станция. Сложил с себя полномочия ответственного за безопасность исследований Тартара Кротас, его место занял руководитель третьего сектора УАСС Свекольников. Молчанов стал ведущим коммуникатором по Тартару. В связи с тем, что специалисты наконец разгадали секрет Т-поля, окутывающего всю планету отталкивающим слоем, решено было создать координационный центр по изучению жизни планеты при помощи кибернетических комплексов. Молчанов назначен его руководителем.

«Силен старикан! Двужильный он, что ли? Столько потрясений, ударов, неудач, а он все равно не отступает!...»

– Какова структура координационного центра? – прервал Габриэль информатора. Тот на несколько секунд замолчал, потом тем же ровным голосом продолжал:

– На планете выделяются области исследования, то есть регионы, в центре которых располагаются десантные корабли. Подвижные исследовательские лаборатории на базе танков «Мастифф», снабженные дополнительной защитой, начинают планомерные исследования. Радиус региона выбирается в зависимости от условий работы либо из соображений безопасности...

Габриэль выключил информатор и долго сидел на корточках, не обращая внимания на то, что ветер задувает в комнату холодные брызги дождя. Потом краем глаза уловил сзади движение и стремительно встал. В проеме двери стояла Полина, прямая и бледная, и смотрела на него, закусив губу.

– Серебряный свет, – тихонько проговорил Габриэль, ступая ей навстречу. Чувствовал он себя скверно, будто утаил что-то от Полины или собирался утаить. – Серебряный свет, сегодня мы летим к твоим родителям, ты не против? А потом махнем вокруг шарика, мне так много хочется увидеть.

Полина улыбнулась, пряча страх в глубине глаз, Габриэль подхватил ее на руки и закружил по комнате...

Потом они включили линию доставки и, поглядывая друг на друга, бессознательно ухаживая друг за другом, так что руки их часто сталкивались над столом, позавтракали вдвоем под шелест дождя за распахнутыми окнами, под свист и щелканье упрямо не умолкающих птиц. И Габриэль вдруг понял, что он действительно спокоен, что теперь он знает, уверен, что его будут ждать и сегодня, и завтра, и ныне, и присно, и во веки веков, и это знание наполнило его такой силой и желанием сделать что-то необычайное, что он готов был взорваться и только усилием воли не позволял себе прыгать, петь или того хуже – читать вслух стихи. А она видела все, все понимала, и глаза ее сияли и манили, и в конце концов они забыли обо всем, что творилось вокруг, в том числе и о далекой планете Тартар, на которую уже пошли новые десанты...

Три дня Грехов «колесил» по Земле, радуясь, как ребенок, новым впечатлениям и встречам. В секториате УАСС он побывал в первую очередь, пробыл там недолго, и Полина не заметила особой перемены в его настроении. Несколько раз его вызывал Брянский медцентр, напоминая об обязанностях подопечного службы здоровья. Габриэль смеялся, отшучивался – Полина никогда еще не видела его таким веселым, – и они снова мчались от сибирской тайги к Курилам, от Камчатки к островам Зеленого Мыса, от Кубы снова на север, к побережью почти полностью чистого от льда Северного Ледовитого океана... Словно пытаюсь забыть, раствориться в суете земной жизни... Словно в предчувствии близкого расставания с материнским ласковым ликом планеты.

А утром четвертого дня, стоя над чинком – двухсотметровым обрывом в сердце Заунгузских Каракумов, с вершины которого открывался вид на бесконечную зелень обработанных земель, Габриэль вдруг сказал:

– Послезавтра к Черной Розе уходит трансгал «Искра». Я лечу с ними, Полина...

Наклонив голову, он ожидал ее слов, ожидал, как приговора, крутого, будто этот обрыв, но она обняла его сзади, прижалась лицом к спине, улыбаясь его неожиданной резкости – он чувствовал улыбку, – и, тихонько вздохнув, ответила:

– Я догадывалась, Ри. Ты не можешь иначе, и я это знаю. Но ведь и я полечу с тобой?

И не надо было говорить ни о чем, потому что в этот миг любые слова приобретали иной, совсем ненужный смысл.

Далеко в небе просияла золотом яркая точка, потом еще одна – спутники погоды. Под обрывом забормотал мотор, взметнулся белесый столб, и через зеленые квадраты пшеничных полей помчался прыжками прозрачный экипаж, за которым медленно опадал хвост не то пара, не то дыма, живо напомнивший Грехову хвост любопытника. Ветер принес горьковатый запах. Габриэль с упоением вдыхал этот запах, напоминающий запах полыни и сорванных трав, сухой коры дерева и смолы, сгорающей в костре...

Обычная работа

В диспетчерской командного пункта Станции царило оживление. Входили и выходили операторы, специалисты разных направлений. Инженеры связи работали у двух десятков виомов, связанных с центром исследований на Тартаре и отдельными лабораториями. Возле пустой панели невключенного виома стоял Банглин, вслушиваясь в спор универсалистов.

– Нет техносферы? – говорил Сергиенко, хмуря выгоревшие белесые брови. – Позвольте, а паутины, а любопытники, а серые призраки? А Города? Конечно, техносфера Тартара своеобразна, даже слишком, но именно поэтому гипотеза о негуманоидной цивилизации кажется мне близкой к истине.

– Все это можно принять за отправной пункт размышлений, – сказал Квецинский, флегматичный и неповоротливый на первый взгляд. – Но никто не может ответить на вопрос:

почему человек, все изделия его рук изгоняются с планеты так беспощадно? Иногда даже выбрасываются в космос?

– Сегодня Тенишев высказал еще одну гипотезу, – обернулся к ученым Банглин. – Перед нами очень древняя цивилизация, сконструировавшая такой тип обратных связей, что получилась оболочка с автономной цивилизационной деятельностью, не связанной с материальной действительностью природы. Путь развития такой цивилизации недоступен внешнему наблюдателю, а все то, что мы видим, только побочные эффекты этой деятельности.

– Свернувшаяся цивилизация? – заинтересовался Сергиенко. – Гипотезы о подобных цивилизациях высказывались еще в двадцатом веке Лемом и Стругацкими, одними из родоначальников Художественного прогноза. И чем же Тенишев аргументирует свое предположение?

Ответить Банглин не успел: один из инженеров связи объявил о прибытии к Тартару транспортного корабля «Искра», и он, широко шагая, вышел из диспетчерской.

Вскоре порог небольшого зала переступили сразу несколько человек: подтянутый, улыбающийся Диего Вирт, Банглин, рослый командир трансгала, красивая женщина в белом коротком платье и гибкий юноша с лицом взрослого мужчины, в котором не сразу можно было узнать Габриэля Грехова.

Когда улегся легкий шум встречи, а Полина отвлеклась разговором с Банглиным, Диего шепнул Габриэлю на ухо:

– Я надеюсь, что будем работать вместе. Внизу требуются опытные водители танков и спасатели. Что ты на это скажешь?

Грехов оглянулся на Полину, тревожно посматривающую на него из-за спины председателя Комиссии по контактам, и волнение всколыхнулось в нем снова. Словно он уже слышал таинственный шепот, призыв далекой неразгаданной жизни; и странно было ощущать себя зависимым от человека, ставшего вдруг дороже всех проблем, человека, над счастьем которого он был, оказывается, властен. Габриэль успокаивающе улыбнулся жене, подошел к пульту, нагнулся к окуляру перископа и, встретив взгляд Тартара, ответил ему долгим взглядом, в котором смешались и вызов, и угроза, и благодарность...

Молчанов смотрел, как опускается десантолет. Лицо его выражало озабоченность. С базового корабля открывался вид на близкий горный хребет, как бы парящий и всплывающий над слоем густого тумана у горизонта; на древний вал громадного кратера-астроблемы диаметром в двести километров, над которым сновало несколько паутин, опекая уходящий танк, на маленькую черную полосу Города, спрятавшегося в отрогах хребта; на широкую, изборозженную трещинами поверхность плоскогорья, которая, как знал коммуникатор, обрывалась тремя огромными уступами в Долину Невезения: планетологи были весьма остроумными людьми, и на картах Тартара появлялись еще и не такие названия. Тусклый желтый глаз светила, окруженный мутными зеленоватыми разводами, равнодушно смотрел на вялое движение под ним. Казалось, он иногда подмигивает, и воображение тут же подрисовывало к глазу круглую рожу с ехидной ухмылкой...

Десантолет коснулся почвы, стрельнувшей в миг посадки искрами расплавленной породы. От пульта донесся голос бортиженера, дублирующего связь со Станцией:

– Двадцать восьмой совершил посадку на базовый номер один.

Молчанов дождался, пока десантолет выплюнул полусферу платформы со вновь прибывшими, и пошел из командного зала корабля к выходу. Одновременно он отметил про себя, что паутины, повисшие над десантолетом при посадке, взмахнули вдруг краями и умчались к Городу, а оставшаяся отплыла на довольно большое расстояние и не пыталась приблизиться; как видно, Т-поля, которыми овладели люди, оказались действенным средством защиты от всех форм жизни Тартара, в том числе и от паутин, являющихся единственными генераторами Т-поля, созданными, похоже, самой природой.

Маленький кораблик привез два новых танка и группу ученых, среди которых Молчанов заметил, к своему удивлению и немалой радости, Грехова. Миниатюрного спасателя невозможно было узнать – так изменилось его лицо, и Молчанов подумал, что жизнь действительно измеряется не годами, а плотностью заполняющих дни событий.

– Тебя не узнать... – сказал коммуникатор, светлея.

– Набрался сил на Земле, – улыбнулся Диего Вирт.

Грехов с удовольствием ответил на рукопожатие Молчанова, и тот повел их на свой командный пост, на ходу делясь новостями – специально для Габриэля. Диего был уже в курсе всех дел.

На корабле, или, как его теперь называли, на базе, было всего два танка-лаборатории, оба они принадлежали планетологам, и поэтому прибытие еще двух машин расширяло область исследований вдвое.

Диего пожелал Габриэлю поскорей определиться с работой и распрощался: его ждали планетологи, уходящие в очередной рейс. Молчанов тут же предложил Грехову войти в состав группы физиков-пространственников в качестве водителя и ответственного за безопасность экипажа четвертого танка. Руководителем группы назначался универсалист Тенишев.

Габриэль опробовал двигатели на форсаже, вывел танк из эллинга и одним прыжком переброшил его через пандус на песок под кораблем.

Пять сверкающих фигур – группа Мдивания, работающая в непосредственной близости от корабля, – помахали им вслед. Развернув «Мастифф» так, что за кормой вздулся песчаный смерч, Габриэль кинул танк вперед, к горам, на крутых виражах обходя острые выступы пород, длинные гряды морен и увалов и глубокие ложбины, «поросшие» древовидными кристаллами. На следующие параллельным курсом паутины он не обращал внимания.

Последним от связи отключился Молчанов, выглядевший довольно усталым и невыспавшимся. Габриэль все эти дни чувствовал с его стороны необычное внимание к своей особе, и это его стесняло, хотя и не казалось неприятным.

Физики копались сзади в своей, загроздившей почти всю кабину, аппаратуре, антенны и датчики которой сделали танк похожим со стороны на диковинного зверя – помесь черепахи с ежом. Они работали деловито, без обычной пикировки и разговоров, и Габриэль тоже проникся атмосферой занятости. Проникся так, что даже угадывал команды Тенишева, сидевшего рядом в кресле перед пультом управления, своими специальными приборами.

К Городу подъехали со стороны хребта, так сказать, с тыла, где было ровней, так как «пригород» представлял собой дикую местность, всхолмленную землетрясениями или давней вулканической деятельностью. Правда, встречались здесь и узкие, как шрамы, полосы ровной, обожженной какими-то излучениями почвы, но Грехов всякий раз объезжал эти полосы, хотя иные из них тянулись почти до Города, до широкого голого пространства, окружавшего его по периметру. В километре от вертикального черного массива Тенишев остановил танк, и Габриэль с пробудившимся интересом стал наблюдать за работой ученого. На пульте перед Тенишевым мерцал изумрудным светом вогнутый экран, по которому бродили группы звездочек. На каждое изменение в их положении Тенишев отвечал переключениями на пульте и начинал волноваться, когда они исчезали совсем. Снаружи танка шевелились антенны, гудели генераторы излучений и охладители, физики переговаривались торопливыми голосами, и Грехов на миг почувствовал себя ненужным. Но вверх над ними плавали четыре паутины, внимательно следящие за всеми их действиями, возле Города паутины выстроились в одну гигантскую сеть, и ощущение ненужности быстро прошло.

– Мешает защитное поле, – сказал вдруг кто-то за спиной Грехова.

– Верно! – воскликнул Тенишев. – А я никак не пойму, в чем дело.

Защитное Т-поле сняли, и в рядах паутин произошла немедленная перестройка: две из них накрыли танк куполом, а остальные соединились в странный колеблющийся крест.

– Гравистрелок, – тут же отозвался Тенишев. – Очень хорошо. Запишите параметры от начала до конца.

Он давно хотел исследовать гравистрелка в процессе его образования. Возможность на сей раз была исключительной.

Габриэль увеличил мощность обычного защитного поля машины до максимума, с некоторой тревогой посмотрел на руководителя группы, но тот занялся приборами и не хотел отвлекаться на такие пустяки, как защита танка. Очевидно, по его разумению, защитой должен был вестись он, Габриэль.

Грехов пожал плечами, и в это время гравистрелок выстрелил.

Танк, вернее, весь объем поля, в которое он был впаян, как муравей в янтарь, содрогнулся, и гул удара пошел грохотать раскатами в скалах и отрогах хребта.

– Великолепно!.. – возбужденно бормотал Тенишев, а его помощники лихорадочно завозились возле аппаратов, и не было места иным мыслям, кроме мыслей о работе, и не было иных чувств, кроме любопытства.

Гравистрелок выстрелил три раза подряд. Танк раскачивался на амортизаторах все сильнее, в мозг настойчиво лез «шепот» верхних паутин, и Габриэль нашел черную педаль под пультом и вдавил до отказа. Генераторы Т-поля сработали, стена искривленного пространства отодвинула прочь и распавшегося гравистрелка, и паутин.

– Правильно, – сказал Тенишев, и черные глаза его остановились на Габриэле, словно оценивая, чего он стоит. – Хорошего понемножку...

До обеда стояли на месте, обрабатывали полученные результаты, потом руководитель группы дал указание приблизиться к Городу. Вид черных кривых стен Города всегда вызывал у Габриэля нехорошие ассоциации, а в этот день особенно. И возня многочисленной стаи паутин не нравилась: словно готовились они к чему-то. Кто знает, может, и они исследовали земные аппараты доступными им способами, по-своему? Говорил же какой-то мудрый человек после изобретения микроскопа: «Не будем забывать, что и бактерии смотрят на нас с другой стороны».

Габриэль невольно проводил взглядом косо летящую паутину, которая сопровождала глыбу любопытника. Ничего себе микроб!

– Стоп! – сказал Тенишев совсем по-сташевски. Габриэль даже зажмурился, избавляясь от наваждения, потом опомнился и остановил танк. Как всегда, в непосредственной близости от Города машину окружило до трех десятков паутин разного калибра, и, как всегда, словно отдав дань любопытству, а может, убеждаясь в том, что чужой предмет не агрессивен, большинство из них улетело прочь.

– Займитесь Городом, ребята, – проговорил Тенишев. – С активным зондированием поосторожней...

– Только радио? Или можно лазеры и жесткое?

– Можно лазеры. Жесткое излучение подождет.

Таким образом стояли два часа: физики работали и перекидывались фразами, как мячиками; Габриэль сидел, наблюдал и слушал, ему все чудилось, что он слышит еще один голос – посторонний, незнакомый, говорящий на странном птичьем языке, вникнуть в смысл которого не было никакой возможности. Иногда голос пропадал, но в глазах начинали мелькать зыбкие видения, бесформенные, как облака, и тогда Габриэль встряхивал головой и старался понять, чем занимаются паутины. А паутины в это время строились высоко над танком в лесенку, но почему-то не достраивались и рассыпались в стороны, и все начиналось сначала.

Уже к заходу светила Грехов увидел еще одну знакомую картину (первый раз он видел ее со Сташевским): прилетели паутины и вышвырнули из своих «карманов» по любопытнику,

которые беззвучно и бесследно растаяли в стенах Города. Правда, не совсем бесследно, потому что оттуда сразу же выплыло множество пластунов, нахально белых и искрящихся.

– Все! – вздохнул вдруг Тенишев, встал из кресла и потянулся. – На сегодня довольно.

И они потихоньку поехали к базе, сопровождаемые паутинами и невесть откуда взявшимся серым призраком, похожим на большую дождевую тучу.

К кораблю подошли вторыми, вслед за танком группы планетологов. Разошлись по отсекам, а после ужина собрались в зале и, выслушав доклады начальников групп научному совету во главе с Банглиным – через видеосвязь, поговорили еще немного друг с другом, поделились впечатлениями, фактами и версиями.

Сергиенко сделал вывод, что паутины всегда нападают на те машины, которые так или иначе уменьшают напряженность поля тяготения – то есть на все летательные аппараты от куттера до спасательного модуля, и особенно гравиподъемник. Случай, когда люди попробовали включить его, был памятен всем. В результате погиб пилот десантолета, посланного за группой Сташевского, а сверхмощный импульс Т-поля едва не вышиб Станцию с орбиты.

– Ведь что такое гравистрелок? – продолжал Сергиенко. – Это та же паутина, основное занятие которой – выбрасывать изделия рук человеческих за пределы Тартара, за пределы слоя Т-поля. Но паутины не используют всех свойств этого самого Т-поля, и это странно, потому что в противном случае жертв с нашей стороны было бы гораздо больше.

– Давайте не будем говорить о странностях, – сказал Тенишев. – Их слишком много.

– Зато ключей к Городам мы пока не можем подобрать, – развел руками Сергиенко. – Сия дверь для нас закрыта.

– Дверь открыта для всех, кто хочет уйти, – пробормотал Квечицкий, развеселив присутствующих...

Габриэль на вечерней «пятиминутке» не был: заказал личный разговор со Станцией и до десяти часов корабельного вечера прирос к виому, из которого на него смотрела Полина. Они почти не разговаривали: так, по пустякам, не вдумываясь в смысл сказанного. И даже не заметили, что на пункт связи заходил Диего Вирт: зашел, замер, постоял секунду и ушел бесшумно. Лицо его было мрачным и задумчивым.

А Молчанову, когда база погрузилась в тишину сна, снова звонил Свекольников, просто так звонил, от неуверенности, от беспокойства, хотя в таком здоровом теле, казалось, должны быть не нервы, а канаты. Себя же Молчанов представлял как один большой нерв: где ни тронь – беспокоит, о чем ни подумай – раздражает. После разговора он долго смотрел в видеоокно на далекое зарево Города – единственное светлое пятно в океане мрака.

Нападение любопытника

Около месяца исследования продолжались обычным темпом. Планетологи завершили детальное картографирование «отпущенной» им области, открыли шесть месторождений радиоактивных руд, в которых сильно была заинтересована земная и чарианская промышленность, и заложили две шахты для изучения двух значительных масконов – линзовидных утолщений какого-то невероятно плотного вещества в коре планеты. Работа планетологов вообще была «более осязаема», что ли, более заметна. Остальные группы: физиков-пространственников, радиологов и волновиков, что называется, накапливали информацию, по крохам отпускаемую им природой планеты.

Спустя месяц на базах стали происходить странные события, которым сначала не придали должного значения. Например, некоторые из наблюдателей начали жаловаться на... сон во время бодрствования и частые головокружения, на снижение общего тонуса организма и на ослабление памяти. Специалисты этого профиля из кораблей не выходили, как и многие из обслуживающего персонала баз, но случаи странного заболевания происходили именно с

ними. Служба здоровья провела полное медицинское обследование всего личного состава баз и не нашла значительных отклонений от нормы ни у кого из обследуемых, кроме наблюдателей. Кто-то из ученых обратил внимание на то, что над выносными наблюдательными пунктами активность паутин максимальна по сравнению с тем, как они ведут себя над остальными группами построек баз, и тут выяснился печальный факт: несмотря на то что люди располагали Т-полями и мощной силовой защитой, паутины все же каким-то образом продолжали воздействовать на организм человека, вызывая в нем качественные изменения, с которыми медицина не была подготовлена вести борьбу.

После двух суток заседаний научный совет Станций принял решение постепенно свертывать исследования Тартара и к концу года, до которого осталось два месяца, полностью очистить планету от присутствия на ней человека.

Впервые в истории неразобщенной земной цивилизации человечество в лице исследовательского отряда получило довольно неприятную моральную травму, споткнувшись о порог научной тайны. Очень возможно, что жизнь Тартара, физические ее основы даже для исполина, каковым считался человек, вышедший на просторы Галактики, непонятны принципиально; что всех знаний, накопленных за многовековую историю, оказалось недостаточно, чтобы найти эквивалент жизни Тартара с известным человеку понятием; что, может быть, для решения этой проблемы земной цивилизации предстоит пройти еще немалый путь, осмыслить сотни иных, отличных от земных, жизней, и только тогда вернуться к исходному – к Тартару, но, может, тогда уже этот возврат к Великой Тайне и не окажется нужным, и какой-то мальчишка, играя, вскроет планету одним пальчиком...

Такие, не слишком стройные и серьезные, мысли бродили в голове Молчанова после разговора с Банглиным. Тот с явным облегчением говорил о возвращении кораблей с планеты к поясу Станций. Однако и он вынужден был признать, что, образно выражаясь, человек прищемил пальцы дверью тайны, оказавшись не *homo sapiens galaktos* – человеком разумным, галактическим, а *homo vulgaris* – человеком обыкновенным, не доросшим еще до больших открытий, знаний, озарений – как хотите, так и называйте. Все это было, конечно, не смертельно, и каждый воспринимал происходящее по-своему, не стоило волноваться за все человечество сразу. Так сказал Банглин, и, когда Молчанов остался перед пустым вином, ломая голову над причиной непонятного возбуждения председателя Комиссии по контактам, он вдруг понял, что не «мыслью единой жив человек», что он еще имеет право на кое-какие эмоции, на внимание со стороны друзей, на теплоту во взглядах, на дружеское слово и на многое другое, о чем он обычно не задумывается, но коль уж нет этого – жизнь оказывается неполной, неудавшейся, незначимой... Так подумав, Молчанов увидел себя как бы со стороны, седого, холодного, отчужденного и одинокого... Впрочем, одинокого ли? Нет, так сказать он был не вправе, но и веселого было мало. Дожил до седины, а друзей не нажил... Были друзья, но так давно, что и не вспомнишь. А, ладно... зачем лгать самому себе, все-то он помнит отлично, вот только мысли эти все чаще возвращаются, и нет тепла от них, и нет спокойствия. Устал? Или планета эта странная наводит «флюиды»?..

Молчанов прошелся по отсекам базы, с виду спокойный и собранный, как всегда. Поговорил с учеными, о чем – не помнил, и вернулся в центр управления, где здоровенный Мишин, командир десантолета, кого-то разносил могучим голосом, не жалея голосовых связок. Ему-то не надо было казаться хладнокровным более, чем он был на самом деле.

С утра все валилось из рук Габриэля, все приелось ему: однообразные виды местности, одинаковые дни, походы на танке к Городу, похожие друг на друга, как две молекулы одного вещества, ровное настроение товарищей, державшееся где-то между категориями «плохо» и «очень плохо». Может быть, виной этому было то обстоятельство, что Полина ушла на корабле космологов к Тине, светилу Тартара, и поговорить с ней не удавалось третьи сутки подряд.

В этот раз с ними пошли еще четверо волновиков, торопившихся провести нужные исследования, – базу скоро собирались сворачивать. У Города произошла заминка, потому что Тенишев хотел остановиться, а волновикам непременно надо было войти в Город. После пятиминутных дебатов Тенишев сдался, и Габриэль, помедлив ровно столько, сколько требовалось, чтобы взвесить все «за» и «против» (из соображений безопасности право решающего голоса принадлежало ему), повел «Мастифф» к черному массиву, почти скрытому под массой шевелящихся паутин.

У выхода из неглубокой лощины, выводящей к Городу, танк, миновав шишковатые кристаллические образования, повстречался с группой серых призраков, наиболее загадочных и редких существ Тартара. И люди познакомились с новым поразительным явлением: призраки, напоминающие исполинских медуз, летели на высоте метров полутора над почвой, а за ними, точно в кильватере их следования, в каменном склоне оставались глубокие дымящиеся борозды, словно невидимые плуги с треском вспарывали слой камня. Габриэль ощутил на себе странный давящий взгляд, с легкостью проникающий в мозг, в душу, в тело. Призраки, не останавливаясь, перевалили через гребень лощины и скрылись, только треск был слышен да легкое содрогание почвы, говорящее о массе «плугов». Вслед за ними, стелясь над каменным крошечком, проплыло несколько паутин.

– Да-а... – озадаченно проговорил Тенишев, переглянувшись с Греховым. – Хозяева? А? Характеристики засекли?

– Ионизация – нуль, – отозвался один из ученых.

– Электромагнитные поля – нет записи... Излучения – нуль.

– Масса до миллиона тонн...

– Т-поле – около тысячи единиц.

– Да-а, – повторил Тенишев. – Как говорят у нас на родине: поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что.

Габриэль усмехнулся и тронул машину с места. Серых призраков уже не было видно, скрылись за скалами, только почетный их эскорт – паутины – еще светился белесым пятнышком над кручами.

В Город вошли без остановок, сообщив об этом на базу лишь в последний момент: волновики боялись, что руководство категорически запретит им сделать этот рискованный шаг. Габриэль предупредил всех, что они пробудут в Городе не более часа, добавив при этом, что второй раз взрываться танку он не позволит. Один из физиков, быстроглазый и молодой, заметил было ехидное: «Осторожность – мать удачи...» – но Тенишев посмотрел на него своим оценивающим взглядом, и тот поспешил сделать вид, что занят работой.

Знакомое ощущение прощупывания охватило людей в кабине. Сотни пронзающих взглядов уперлись в спину, в мозг, кололи иглами затылок, лоб, виски, неприятным зудом отзывались в позвоночнике, странные шепоты опять ворвались в уши, приводя в смятение мысли и чувства...

Грехов с любопытством понаблюдал за поведением специалистов, незнакомых еще со взглядом Города, и до отказа вывел регулятор, усиливая поле. Неприятные ощущения тут же исчезли.

– Помогает, – сказал Тенишев удовлетворенно.

А физики все еще оглядывались по сторонам и оторопело вслушивались в собственные ощущения, невольно пригибаясь, когда танк проходил под арками из сплетенных черных волокон – «мостов» Города.

Этот Город был самым мрачным из всех, виденных Греховым, к тому же он был буквально нафарширован паутинами всех сортов и расцветок. Формы же гигантских черных «зданий»-скал превосходили возможности человеческой фантазии. Они были сказочны, невообразимы и неправдоподобны, от них исходило нездоровое возбуждающее тепло, они казались

живыми и осмысленными, они все чаще сплетались над улицами в неповторимых позах, и наконец стало казаться, что танк ползет в жуткой пещерной стране, лишь иногда показываясь на поверхность. Габриэль оглянулся: все были заняты, никто не охал и не ахал – как-никак это были специалисты высокого класса, энтузиасты, оптимисты и кое в чем скептики. В такой компании всегда приятно работать.

Час прошел, и Габриэль вдруг понял, что потерял ориентацию. Иногда он с трудом находил поворот в месиве черных ниш и втискивал громоздкое тело танка в узкую щель «улицы». Иногда приходилось возвращаться назад, потому что «улица» оканчивалась тупиком либо суживалась настолько, что танк едва не застревал в ней, царапая борта о выступы черной породы. Защитные поля в такие моменты приходилось выключать, и уже несколько раз паутины кидались на них сверху, как ястреб на воробья.

Когда они наконец выехали из «пещер» в тусклый день и оказались на широкой улице, лаково-черная поверхность которой была ровной и чистой, словно зеркало, Габриэль вынужден был признать, что не знает, каким образом выехать из Города. Ответом было настороженное молчание: ученым это было на руку, и вряд ли их сейчас заботило что-либо иное, кроме пищи для изысканий, а ее вокруг хватало. Только Тенишев, достаточно опытный, чтобы не обращать внимания на мелочи, подсел к Габриэлю, и они, советуясь друг с другом, попытались сориентироваться в обстановке.

В Городе царил два цвета: черный и серый, их постоянное чередование навевало тоску и меланхолию. «Улицы» казались одинаковыми глубокими реками с абсолютно прозрачной водой, сквозь которую видно черное дно, но при движении танка эта иллюзия быстро пропадала. «Мастифф» продолжал углубляться в дьявольский паноптикум черных изваяний, сросшихся боками в шеренги стен.

Через несколько поворотов в сплошном массиве «зданий» показался просвет. Грехов увеличил скорость, но, вспомнив случай на плато Рубиновых Жил, решил не торопить судьбу. Просвет приближался медленно, то показываясь, то скрываясь за гладкими черными боками изваяний. Наконец он очутился рядом, распахнулся вправо и влево, и танк выехал на широкую площадь в кольце зданий, покрытую странным рельефным узором. Танк только-только запрыгал на жилах этого узора, а тот вдруг вспыхнул белым мерцающим светом и плавно отделился от площади. «Мастифф» задрал нос и сполз с «узора», едва не перевернувшись. Все, кто стоял, в том числе и Тенишев, загребали куда-то в угол кабины, а гигантская паутина – это была паутина – зазвенела сердито и сильно, как тысяча трансформаторов вместе, и легко пошла в небо, выгибаясь куполом. Вот она достигла серого покрывала облаков, легко пронзила его и стала невидимой. Вслед за ней, кружась, поднимался одинокий тусклый пластун, истекающий малиновым пламенем. Еще не поднявшись над уровнем Города, он бесследно растаял.

– Развели тут пауков, – сказал кто-то сзади с сопением. Никто не засмеялся в ответ на шутку. Подошел Тенишев, на левой щеке у него багровела свежая царапина, но он был бодр и неутомим и с ходу подал дельный совет: пересечь площадь и по перпендикуляру от нее пройти Город – не бесконечен же он!

Осторожно миновали площадь, похожую на круглое озеро, заполненное блестящей черной смолой. Несколько совсем крошечных паутин что-то делали возле одной из фигур Города, оттуда доносились отчетливый свист и потрескивания.

– Минуточку! – взмолился Логунов, старший группы волновиков, лихорадочно настраивая свои приборы. – Мне только несколько замеров...

Габриэль притормозил танк и оглянулся. На другой стороне площади паутины отлетели от черной фигуры, и между ними и ею закружил хоровод ярких огоньков, похожих на кошачьи глаза. И тотчас же громко, заставив всех вздрогнуть, зазвенел гамма-радиометр. Вместе с «кошачьими глазами» появилось плотное гамма-излучение. И вдруг: бамм! – черный столб

рассыпался на множество угловатых глыб, и глыбы эти, в которых все узнали любопытников, собрались в стаю и умчались, подгоняемые паутинами.

Радияция пошла на убыль, звонок гамма-радиометра стих.

Тенишев кивнул, и Грехов погнал «Мастифф» по улице, стараясь ехать строго по указке светящейся стрелки координатографа. Свет померк. Снова пошел гулкий тоннель с неровными бугристыми стенами и нависшим сводом. Тоннель тянулся довольно долго, потом впереди забрезжил рассвет, еще минута – и они выскочили на... площадь! С разбегу танк выехал на ее середину и остановился. Габриэль сразу же узнал ту самую площадь, с которой они только что ушли.

– Не понимаю. – Тенишев посмотрел на водителя.

– Я ехал прямо, – тихо сказал Грехов.

– Может, это другая площадь?

– Нет, очертания те же, я помню...

– И все же мы где-то повернули, – заметил Логунов, наблюдавший за дорогой. – В этих чертовых скалах заблудиться не проблема.

– Паутина, – предупредил один из физиков.

На площадь спускалась огромная паутина – несветящаяся, серая; если бы не ее размеры, то по рисунку ее можно было бы принять за обычную паутину, которую сплел паук-крестовик между ветками дерева, а ветер оторвал и понес...

Паутина почти накрыла танк и вдруг резко остановилась, вспыхнула. Габриэль почувствовал тяжесть в голове, неприятный жар пошел толчками по телу, и мутная пелена слез застлала глаза. Почти не видя, куда едет, он направил машину в первую же улицу и остановил только тогда, когда голова прояснилась и появилась возможность разобраться в обстановке.

– Не надо останавливаться, – шепотом сказал Тенишев, все еще оглядываясь назад. – Вот тебе и высшая защита! И Т-поле не помогает, а?

Габриэль кивнул, и движение продолжалось. Вслед людям продолжал смотреть кто-то тяжелым немигающим взглядом. Опять тишина, осязаемое присутствие невидимого наблюдателя, тусклый свет серого дня и черный, могильной черноты, цвет стен. Потом длинная «пещера», похожая в колеблющемся свете прожекторов на вход в ад. И наконец выход и... площадь! И узор паутины на ней.

– Ну и дела! – сказал Логунов.

Грехов резко вывернул кольцо штурвала, танк развернулся на одной гусенице и уперся срезом башни в выпуклый бок «здания». Все было так же, как и в первый раз, и паутина лежала на площади рельефным узором, а потом, гудя, полезла вверх, но уже не трогая танк, потому что он не успел наехать на ее край.

Габриэль подумал, качнул вдруг головой и быстро прочитал записи координатографа. Потом подключил к вычислителю машинную память и задал курс. Танк заворочался в теснине «улицы», взреывая, как недовольный зверь, и покатился прочь от злополучной площади, которую никак не могли миновать люди. Координатограф тихонько урчал и позванивал суммреле, производя те же эволюции, что и Габриэль раньше, танк шел по памяти той же дорогой, что и прежде, совершая те же остановки и повороты. Еще раз выехали на знакомую площадь, но уже пустую, без паутины, постояли в центре. Габриэль даже улыбнулся в ответ на недоумевающие взгляды товарищей и коротко пояснил:

– Память...

Тенишев ничего не сказал, только посмотрел на часы.

Прилетели три паутины, выстроились одна над другой и в таком порядке долго следовали за танком. Снова стало появляться ощущение «пяти мизинцев» на руках, а иногда очертания черных скал по бокам искажались, начинали струиться, и тогда казалось, что они бесшумно движутся, наклоняясь над танком. Излучение Города пробивало все-таки и Т-поле, хотя без

него, наверное, было бы еще хуже. Габриэль мог заставить себя не чувствовать боли, отключиться от действительности, не бояться смерти, мог сутками не спать и не казаться при этом утомленным, но здесь было иное: Город и паутины излучали нечто такое, чего еще не знали люди, что действовало на психику, проникая сквозь все барьеры и защитные реакции организма, и только один барьер сопротивлялся пока внушению извне – барьер собственной воли, но и он уже начинал сдавать.

Габриэль как бы невзначай коснулся педали пуска антимата и отдернул ногу. Сташевский уже пробовал антимат на Городе... и безрезультатно. Сташевский... Был бы он рядом – насколько было бы спокойнее... Ладно, лучше думать о другом. Например, что же это за вещество, которое не поддается даже страшной разрушительной силе антимата? Теоретики до сих пор утверждают – такое вещество не имеет права на существование. Разве что силовой кокон, шар, сфера, пузырь, свернутое на себя гравиполе может противостоять излучателю антиматерии. Любое материальное тело он мгновенно превращает в плазму, в электронно-фотонный газ. Так, может, «здания» Городов в самом деле представляют собой свернутые поля? Недаром же Тенишев назвал Города реликтовыми пространствами, закапсулированными гравитационным полем. Может быть, Города – скопления праматерии?

Габриэль бессмысленным взглядом скользнул по лицу Тенишева, проговорившего что-то, очнулся и пробормотал:

– Извините, что вы сказали?

– Никогда не прощу себе, что разрешил поход в Город, – повторил Тенишев. – Прав будет Молчанов, если отстранит меня от работы.

«И меня, – подумал Грехов. – Чем я лучше? Ведь я, как никто другой, знал, чем заканчиваются прогулки по Городу...»

И в этот момент что-то случилось за бортом танка. Людям показалось, что их накрыла в падении черная скала. Экраны погасли, потолок кабины вогнулся, лопнул, и в образовавшуюся щель просунулся блестящий черный клин.

Тенишев, демонстрируя отличную реакцию, выхватил деформатор и разрядил его вверх. Черная мгла ответила гулким треском, людей бросила на пол волна отдачи... Последним движением Грехов, лежа у пульта, дотянулся до педали пуска анимата и вдавил ее слабеющей рукой.

Сеятель-1

Танк Тенишева не вернулся из рабочего похода. Молчанов ждал три часа, потом вызвал Станцию.

– Группа Тенишева опаздывает с возвращением на три часа, – сказал он осторожно.

– Три часа? – переспросил Свекольников. – Это что – первый раз?

– Не первый, но...

– Остальные группы?

– Вернулись. Дело в том, что Тенишев исследует Город.

– Понятно, – задумался Свекольников. – Подождем еще час. Не вернутся – пошлем два танка на розыски. Черт!.. Неужели Тенишев так увлекся? На него не похоже, меня всегда удивляла его пунктуальность. Сколько в его группе?

– Пятеро вместе с ним и четверо волновиков.

– Что-о?! Девять человек в одном танке?!

– Десять, – виновато пробормотал Молчанов. – Десятый водитель, Грехов. Это последние рейсы, и ребятам хочется сделать как можно больше.

– Ну, Эвальд, не ожидал я от тебя... Десять человек! Посылай танки немедленно! Экипажи из двух человек, подбери опытных спасателей. Советую Диего Вирта и Зубавина. Ну, и водителей. И держи меня в курсе...

– Конечно.

Молчанов выключил виом.

– Объявите тревогу, – сказал он тихо дежурному инженеру.

Танки вернулись глубокой ночью. Поиски группы Тенишева закончились безрезультатно. Молчанов доложил обо всем Банглину, потом вновь отправил их в поиск.

Через два часа позвонил Свекольников и, выпячивая толстые губы, хмуро сообщил, что со Станций наблюдаются необычные скопления паутин у Городов.

– Пришло распоряжение руководства УАСС – свернуть исследования Тартара в течение двух суток. Понимаешь?! Да, – помрачнев, добавил Свекольников, – все было бы хорошо, если бы не этот случай. Как там мои ребята, справляются?

– Нормально.

– Предупреди их еще раз, пусть будут повнимательней. Реакция на опасность у них неплохая, но...

– У них большие полномочия, – сухо сказал Молчанов.

– Что?.. Да, это необходимо. У тебя есть какие-нибудь замечания?

Молчанов покачал головой, замечаний у него не было. Предчувствия были, а замечаний не было.

Свекольников отошел от виома, и перед седым коммуникатором появилось нежное лицо Полины Греховой. Она ни о чем не спрашивала, но Молчанов постарался улыбнуться и сказал тяжело, словно ворочал языком гири:

– Все нормально, девочка, все будет нормально...

Утром вернулись поисковые группы. Один из танков попал под удар любопытников и дополз до базы только на нервах водителя. Машину Тенишева так и не нашли: все десять человек ее экипажа исчезли бесследно.

Молчанов постарел за полсутки поисков больше, чем за последние несколько лет. Он было решил снова отправить группы, теперь уже на «черепках», но Свекольников пока запретил выходить из корабля. И хотя Молчанов понимал, что начальник аварийно-спасательного патруля прав, он все же накричал на него, обозвав перестраховщиком и кнопкожателем. Свекольников повздыхал в ответ и выключил связь.

Сознание вернулось, как после щелчка переключателя. Тело еще помнило тяжесть удара и напрялось в усилие сбросить с себя эту тяжесть, но Грехов уже понял, что кошмар кончился, и расслабил мышцы.

Он находился внутри слабо освещенного сетчатого мешка. Свет был голубой и неровно пульсировал, то сжимая свободное пространство, то расширяя. Какие-то стремительные контуры мелькали за полупрозрачными стенами мешка, словно он летел с огромной скоростью над скалами, но движения Грехов не ощущал. Сориентировавшись, он попытался двинуться с места и тут же почувствовал стремительное падение. Еще через несколько секунд он стоял на подгибающихся ногах в круге фиолетовых скал, а рядом тихо опускался серый призрак – серое переливчатое облако, просвечивающее по краям, как пелена тумана.

«Снова серый призрак... И тогда, после гибели Сташевского... и сейчас... Что это? Или, может быть, кто это?»

Словно в ответ на мысли Грехова серый призрак грузно осел, словно его заполнили водой, а из его прозрачного нутра выбрался... человек в голубом трико, без скафандра, и направился к Грехову. Остановившись, он разглядывал его, словно наслаждаясь достигнутым эффектом, и Грехов вдруг понял, что видит самого себя. Секунду он стоял, оглушенный, потом

глубоко вздохнул, заставляя тело повиноваться, и сказал, не забыв включить внешние звуковые динамики:

– Кто вы? И где мои товарищи? Почему я один?

Лицо незнакомца не дрогнуло.

– Я рад, что вы хорошо владеете собой, – произнес он с интонацией Сташевского. – Всех спасти было невозможно, а вас я уже знаю, еще с первого вашего похода по Тартару. К сожалению, мы не всегда имеем возможность вовремя прийти на помощь. Ну, а кто я? Попробую объяснить вам ситуацию. Я мог бы предстать перед вами в любом материальном облике, но выбрал тело человека, ваше тело, чтобы контакт был более естественным...

– Вы – житель планеты?!

– Я – Сеятель. Родина моя так же далека отсюда, как и ваша. И нахожусь я здесь по той же причине, что и вы, люди, – изучаю жизнь Тартара. Буду краток, ибо живу я быстрее, чем вы, и секунда для вас – это день для меня. В моем распоряжении минута вашего времени, меня ждут.

Да, я и мои собратья – такие же исследователи. Мы изучаем цивилизацию Тартара неизмеримо больше времени, но и до сих пор она во многом загадка для нас. А вы... вы пытаетесь решить эту проблему одним усилием, вы спешите, падаете, расшибаетесь, и нам все чаще приходится обращать на вас внимание, приходится спасать вас, отвлекаться от своих задач и дел. Вы превращаетесь в значительный мешающий фактор...

Сеятель вдруг неуловимо быстро изменил облик, силуэт его смазлся, но тут же снова «оформился» в человека.

– К сожалению, всего объяснить не успею, меня уже зовут. Настоящий контакт – моя собственная инициатива, а я не подготовлен к столь медленному обмену информацией, как звуковой. Я еще вернусь к вам, а вы пока возвращайтесь к своим. База отсюда находится в сорока километрах, строго на юг.

Сеятель взмахнул рукой, расплылся туманной лентой, и через мгновение серый призрак стрелой метнулся в плотное зеленоватое небо.

Грехов медленно повернулся, следя за его полетом, и долго смотрел в небо, подпираемое многочисленными дымными столбами. Тенишев погиб и Логунов... девять человек! А он жив. Везение? И было ли это на самом деле – их поход на танке, падение черной скалы, его спасение? И, наконец, встреча с серым призраком, то бишь Сеятелем? Почему Сеятели не объяснят положение вещей всем людям сразу? Почему не объяснили раньше? Миллион вопросов – и ни одного ясного ответа...

Грехов оглядел струящийся в сизом мареве горизонт и едва не упал от нахлынувшей слабости. Сорок километров до базы – это верная гибель. Или серый призрак не считает это большим препятствием? Сорок километров и паутины...

Виом мигнул, изображение расплылось, потом сфокусировалось снова, стали видны купол командного пункта Станции и пять человек перед виомом в низких креслах.

– Значение эксперимента велико, не спорю, – нехотя сказал Молчанов, покосился на сидящего слева Сергиенко, словно обращаясь за поддержкой, и посмотрел прямо в лицо Банглину. – Но и риск велик чрезвычайно, не могу даже подсчитать, насколько он велик. Мы свернули все исследования, бросили все на поиски группы Тенишева... И снова эксперимент? Это новые жертвы... не дай Бог, конечно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.